ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 4(54)

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕМА НОМЕРА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ
ДЕБЮТ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

EDITOR'S PAGE
PRESSING TOPICS
THE ISSUE'S MAIN TOPIC
FOREIGN AFFAIRS
ECONOMICS & FINANCE
DEBUT
«ROUND TABLE»
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа
Издается при поддержке ГК «Н-Транс»
и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор, Председатель Совета — **Вагиф Гусейнов,** директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель главного редактора — **Юрий Поройков,** к. филос. н.

Редакционный совет:

Расим Агаев *(Азербайджан),* к.и.н.
Михаил Делягин, д.э.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации
Владимир Егоров, д. филос. н., профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Сергей Караганов, д.и.н., декан факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ, почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике
Андрей Кокошин, академик РАН, декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова
Николай Михайлов, д.э.н., советник председателя Совета директоров АФК «Система»
Александр Назарчук, д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова
Алексей Пушков, к.и.н., председатель комитета Госдумы РФ по международным делам, автор и ведущий программы «Постскриптум»
Александр Рар, директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)
Владимир Рыжков, к.ист.н., профессор ГУ ВШЭ, сопредседатель Республиканской партии России — Партии народной свободы (РПР — Парнас)
Леонид Слуцкий, д.э.н., председатель комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, вице-президент Парламентской ассамблеи Совета Европы
Андрей Фёдоров, директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»
Александр Ципко, д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН

Ответственная за выпуск: **Мария Кортунова**

© Институт стратегических оценок и анализа
Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов. Что день грядущий... 5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Павел Гуревич. «Бывали хуже времена...» 9

Борис Чернышёв. Неусвоенный урок опыта рыночных преобразований в России начала XXI века 14

Геннадий Бочаров. Космос как необходимость 20

ТЕМА НОМЕРА: Российская элита – прогресс или стагнация?

Оксана Гаман-Голутвина. Метафизические измерения трансформаций российских элит. *Часть II* 26

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Чже Сун Хун (Южная Корея). Модернизация российского Дальнего Востока и сотрудничество между РК и РФ: взгляд из Республики Корея 34

Фрэнк фон Хиппель (США). Сведение к минимуму глобальных запасов ядерных материалов, пригодных для создания оружия 42

Эльдар Касаев. Современные экономические связи России и Турции 49

Сергей Демиденко. Гора родила мышь-2 (еще раз к вопросу о международной обстановке вокруг Сирии) 57

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

Василий Колташов. Ловушка «жесткой экономики» 65

Абрар Ярлыкапов. Беды российской деревни 72

ДЕБЮТ

Гулжахон Атакулова. Ислам и демократия в современном мире 79

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Социальная демагогия 87

ПУБЛИКАЦИИ

Расим Агаев (Азербайджан). Три этапа и три измерения революции без конца 106

Сергей Исрапилов. Не одна, а две катастрофы 112

Ирина Семененко. Пространство, территория, идентичность 117

Философия и политика

Мадина Тлостанова. Кризис как утраченная возможность 120

Юрий Резник. «Имитаторы» и «гибриды» в научной среде 128

Увидеть своими глазами

Мария Кортунова. Пора «валить» или остаться, или Моя Родина там, где мне хорошо? 134

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спирова. Дух и политика. *О книге Вебера Альфреда «Избранное: Кризис европейской цивилизации»* 138

Тезисы статей на английском 142

Об авторах 146

Статьи, опубликованные в 2013 году (по разделам) 150

CONTENTS

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. What the Day-to-come Prepares for Us... 5

PRESSING TOPICS

Pavel Gurevich. There Used to be Worse Times... 9

Boris Chernyshov. The Unlearned Lesson of Russia's Experience in Market Reforming at the Beginning of the 21ST Century 14

Gennady Bocharov. Space as the Necessity 20

THE ISSUE'S MAIN TOPIC: Russian Elite: Progress or Stagnation

Oxana V. Ghaman-Golutvina. The Metaphysical Dimensions of the Russian Elite Transformations. *Part II* 26

FOREIGN AFFAIRS

Sung Hoon JEH (S. Korea). The Russian Far East Modernization and the RK-RF Cooperation as viewed from Republic of Korea 34

Frank von Hippel (USA). Minimizing Gobal Stocks of Nuclear-Weapon-Usable Materials 42

Eldar Kasaev. The Russia-Turkey Contemporary Economic Relations Nuclear Non-Proliferation: Past and Future Considerations 49

Sergey Demidenko. The International Situation about Syria. The Reality and Myths 57

ECONOMICS & FINANCE

Abrar Yarlykapov. The Russian Countryside Mischiefs 65

Vasily Koltashov. The Rigid Economy's Trap 72

DEBUT

Gulzhahon Atakulova. Islam and Democracy in the Modern World 79

«ROUND TABLE»

Social Demagogy 87

PUBLICATIONS

Rasim Agayev (Azerbaijan). The Three Stages and Three Dimentions of a Revolution with no Ending 106

Sergey Isprailov. Not one, but Two Disasters 112

Irina Semenenko. The Space, Territory, Identity 117

Philosophy and politics

Madina Tlostanova. The Crisis as the Option Lost 120

Yury Reznik. «Imitators» and «Hybrids» in the Acadeic World 128

Eye witnessing

Maria Kortunova. Is it High Time to Make off, or Stay or Is my Motherland anywhere I Fill Myself Comfortable?.. 134

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. The Spirit and Politics. *About the Alfred Weber's book «The Selected Works: Western Civilization Crisis»* 138

SUMMARY 142

OUR AUTHORS 148

Items Published in the Vestnik Analitiki Bulletin in 2013 154

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ...

Контуры грядущего экономического кризиса начали проявляться в постепенном переходе от стагнации к спаду и, прежде всего, в таких базовых отраслях, как ТЭК, строительство, металлургия, химическая промышленность. Остается в красной зоне индекс деловой активности, сокращается объем новых экспортных заказов. МВФ и Всемирный банк также понизили прогноз роста по России в 2013 году на 1,5%.

По словам премьер-министра Медведева, стагнация экономики и неблагоприятная конъюнктура на внешних рынках поставили бюджет в катастрофическую ситуацию.

Правительство оказалось перед необходимостью ограничивать расходы на престижные мероприятия, такие, как ЧМ-2018, снижая уровень оптимистических настроений в обществе.

Анализируя причины замедления экономического роста в РФ, эксперты называют в качестве первоочередной исчерпание потенциала существующей модели роста. Эта модель была ориентирована на сырьевой экспорт при растущих ценах на сырье. Между тем, долгосрочная ситуация больше не отвечает параметрам этой модели. На основных сырьевых рынках (газ, нефть, уголь, металлы) доминирующее положение заняли экспортеры, у которых издержки производства и логистики ниже, чем в России.

Это и является причиной того, что, по словам премьера, российский экспорт оказался неконкурентоспособным. Весьма показательна в этом смысле ситуация на европейском рынке, где для производства электроэнергии вновь используется уголь — Европа стала покупать его больше на 10–11%, чем раньше. При этом поставки российского угля из Кузбасса, несмотря на пониженный тариф РЖД, предоставляемый перевозчикам угля, менее рентабельны, чем поставки угля через океан из Колумбии и США.

Аналогичная ситуация — с российской нефтью и газом. Старые месторождения близки к исчерпанию, и добыча на них снижается на 3–4% ежегодно. Добыча же нефти на новых месторождениях, как правило, обходится в три раза дороже, чем на старых. Компаниям

придется вкладывать в освоение новых месторождений все большие средства. У большинства поставщиков на мировом рынке себестоимость ниже.

Такая же ситуация и с газом — «Газпром», например, фактически отказался от освоения Штокмановского месторождения. Оно оказалось слишком дорогим с точки зрения ожидаемых низких цен на газ из-за сланцевой революции. А тут еще в Польше началась добыча сланцевого газа. Эксперты уже подсчитали, что если Польша начнет добывать сланцевый газ в 2014 году, а Америка начнет его экспортировать в сжиженном виде в Европу в 2015 году, то «Газпром» окончательно потеряет европейский рынок. И это событие будет иметь огромные политические, экономические и социальные последствия.

Власть, спасая «Газпром», будет вынуждена увеличить цены на газ в России минимум в два раза, рост цен на коммунальные услуги станет таким же.

Между тем правительство признало поражение в борьбе с естественными монополиями, отказавшись от планов замораживания тарифов в жилищно-коммунальной сфере. Таким образом, оно стремится возложить издержки сферы жизнеобеспечения на население, пользуясь его пассивностью и неорганизованностью. Естественно, эти шаги правительства (секвестр бюджета, бьющий по интересам бизнеса, посягательство на накопительную часть пенсии «молчунов», замораживание зарплат государственных и военных служащих, сохранение индексации тарифов естественных монополий для населения) начинают вызывать достаточно серьезное недовольство.

Без принципиальных политических изменений страна будет двигаться по пути «осажденной крепости» почти с нулевым ростом ВВП, заявили экономисты Центра развития Высшей школы экономики. Под «осажденной крепостью» они понимают экономику, закрытую для частной инициативы, где доминируют чиновники, коррупция и непрозрачные процедуры. Именно от политических решений зависит теперь будущее российской экономики: сделает ли руководство страны ставку на консервацию текущей ситуации, на укрепление в стране так называемого понятийного госкапитализма или оно выберет институциональное развитие, стимулирование конкуренции.

Кризис, по оценке экономистов, будет носить «тяжелый, долгий, затяжной характер».

В условиях социально-экономических проблем и заметного снижения уверенности российских властей в прочности своих позиций политический курс Кремля к концу года начал складываться в коридоре возможностей между линией «жесткой экономии» и все более отчетливой популистской риторикой, вошедшей в общественное мнение в форме устойчивых стереотипов и идеологем. Примером подоб-

ного сочетания «экономической необходимости» с опорой на массовые стереотипы может служить политика управляемой международной напряженности, апеллирующая к идее сплочения перед внешними врагами, окружающими Россию.

Политика консолидации с помощью образа врагов, пытающихся «наложить лапу» на природные богатства страны, подорвать единство и целостность России, дружбу между народами и т. д., вполне узнаваема, например, в казусе постепенной эскалации сирийского конфликта. То же самое можно наблюдать и в конфликте России с Greenpeace, также становящемся воронкой, в которую втягиваются все новые участники, обусловливая эскалацию противостояния России и Запада. В обоих случаях жесткая и бескомпромиссная позиция российских властей опирается на поддержку большинства населения.

В этих условиях к концу года межнациональные конфликты и миграционная проблема вышли на первый план внутриполитической ситуации в России, высвечивая при этом все болячки российского государства — от всеобщей коррупции до кризиса систем управления страной.

Так, недавно прогремел очередной локальный межнациональный конфликт (на этот раз в одном из спальных районов Москвы), который закончился погромом Покровской овощебазы. Реакция властей на чрезвычайную ситуацию была предсказуемой. В первую очередь были приняты «быстрые» решения в режиме ручного управления. В Кремле даже обсуждается возможность введения специальной должности — омбудсмена по межнациональным отношениям. Однако рост числа межнациональных конфликтов на территории России говорит о необходимости принятия системных мер. Причина «кондопог и бирюлевщины» не в миграции, как таковой, а в том, на какую почву она ложится — сплав проблем коррупции, дисбалансов рынка труда, люмпенизация и низкий уровень образования как приезжих, так и горожан, испытывающих давление от концентрации физической массы мигрантов на локальной точке города. Сторонников такого понимания все больше.

Наблюдатели все чаще приходят к выводу, что стратегия российской власти в период кризиса становится все более невнятной, концептуальные заявления первых лиц — противоречивыми, а практика расходится с декларациями. Все это неизбежно снижает уровень доверия граждан и инвесторов к России. Так, ключевым фактором для инвесторов является, прежде всего, прозрачность и определенность правил игры. Сейчас ощущение предсказуемости заметно снижается: министр экономики говорит о кризисе, премьер призывает к пересмотру экономического курса, а президент, у которого сосредоточены все рычаги управления, рассуждает в старой логике сытых времен.

При этом цена политической стабильности возрастает: власть вынуждена либерализовать политическую систему, сохраняя над ней административный, внеинституциональный контроль. На фоне комплекса этих тенденций создается впечатление, что запас прочности системы снижается, а среднесрочные риски и в политической, и в финансово-экономической сферах — возрастают. Власть же продолжает существовать инерционно, не уделяя достаточного внимания критичным вызовам новой реальности.

Совершенно очевидно, что все эти проблемы — экономические, управленческие, внешнеполитические, наконец, националистические — перейдут в новый, 2014 год, где получат свое дальнейшее развитие, поскольку признаков их решения пока не просматривается. Это означает, что Россию вновь ожидает бурный год, возможно, более бурный, чем был 2013 год.

Павел ГУРЕВИЧ

«БЫВАЛИ ХУЖЕ ВРЕМЕНА...»

Лучшие умы России всегда пытались понять, чем можно напутствовать власть и общество на пороге трудных лет. Предостережений множество. Но одно, пожалуй, самое актуальное. Как бы ни стала явью некрасовская строчка, которая следует за той, что вынесена в заголовок. «Бывали хуже времена, но не было подлей...».

Социальные мыслители знали, что в предгрозовые эпохи власть далеко не всегда может воспринять недовольство и ропот народа. Вожди в этих условиях чаще слушают придворные речи, нежели «народный плеск иль ярый вопль». Пока льстецы славят вождей, подлость начинает постепенно выглядывать из всех окон. Не забудем и Пушкина:

Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

Власть открыто заявила о тяжелом положении в стране.

Как снять с бюджета необязательные расходы? Где изыскать нужные средства?

Начали с урезания социальных программ. Это происходит и в других странах. Но там все-таки другой уровень жизни. Широкомасштабное реформирование расползается по стране. Обновление идет по второму, третьему, пятому разу. Вновь реформируется пенсионная система. Очередные накаты испытывают системы школьного и вузовского образования, науки. Какой-то синдром неслыханных преобразований. Но можно ли удержать державную ось общества, если вибрируют едва ли не все сферы социальной жизни? Круговорот изменений оставляет за собой «вихри враждебные». Турбулентность зашкаливает.

Наш паровоз уже летел по рытвинам истории. Но маячила, по крайней мере, хотя бы остановка. Мечталось домчаться до коммуны. А какую цель преследуют нынешние реформы? Как будут выглядеть

социальные институты после обновления? Чем закончится это бесконечное сливание и разливание, структурная перевальцовка?

Политик имеет право на трезвую оценку грядущих лет. Но он не может ограничиться этим предостережением. Он обязан сказать, каков смысл предстоящих лишений и бедствий. Можно, разумеется, покаяться: у нас не было ясной экономической политики, не было политической воли. Мы — плохие управленцы... Разумеется, после таких заявлений нелогично оставаться у власти. Но тогда придется сослаться на козни врагов, финансовый коллапс, экономический тупик.

В трудные времена особую ценность приобретает образ будущего. Не об этом ли говорил в своей валдайской речи президент, озабоченный критериями национальной идентичности, тем, кем же мы хотим быть?

Трагизм истории подстерегает нас тогда, когда никакого конкретного образа будущего нет. Если представление о грядущем состоит из туманных возвещений, угроз и предостережений, но нет высветленной перспективы, народы проваливаются в небытие. Эту тенденцию прослеживал русский философ Н.Я. Данилевский, показывая, как народы превращаются в простой этнографический материал.

У социологов минувшего столетия укрепилось общее заклинание: негативный образ будущего ведет в пропасть, позитивный, сложившись в голове, способен преобразовать историю. Разумеется, социальное воображение отражает настроения людей, их страсти, их представление о разумности и справедливости. Однако комплексные социальные прогнозы сбываются редко. Элемент парадоксального вмешательства неожиданных сил прослеживается всегда.

В течение года мы пытались отразить в наших публикациях болезненные проблемы общественного развития страны — социальное расслоение, скороспелое реформирование, нарастающий антиинтеллектуализм. Мы отмечали, что общество буквально увязло в социальной демагогии и вошло в полосу тотального абсурда. На уличном клозете обозначена цена неотложного визита и добавлено «привилегий нет». Не иначе как оформилась, наконец, суровая национальная идея, в которой мечта о справедливости сплелась с непреклонностью права.

Фундаментальные афоризмы прошлого — «Экономика должна быть экономной», а «Социология должна быть социологичной» — пополнились столь же бездонно простым слоганом — «Свобода лучше, чем несвобода». Давно говорится о том, что нужны реформы не только в экономике, но и в политико-социальной сфере. Постоянно утверждается, что без реальных институциональных преобразований в России мы не только не сдвинемся с места, но все больше будем отставать от других стран.

В структуре мировой экономики сырьевой фактор постепенно теряет свою особую значимость. Разговоры о том, что Россия может

сохранить свой статус и без экономической инфраструктуры как могучая сырьевая держава, теряют смысл. Центр экономических новаций смещается в сторону интеллектуальных технологий. Но неужели кто-то в стране верит, что после изъятия собственности из сферы академической деятельности и слияния институтов осуществится немыслимый интеллектуальный рывок? Можно ли полагать, что в результате вмешательства чиновников рейтинг наших вузов, которые в международных экспертизах все дальше отдаляются от лидеров, неожиданно начнет расти?

В мире обозначается шестой технологический уклад. Может ли наша экономика стать конкурентоспособной? Способна ли Россия встроиться в рождающуюся картину грядущего? На территории России почти треть мировых природных богатств. Но в глобальный продукт мы можем вложить всего 3%. При таких показателях выжить в современном мире трудно. Нефтяное богатство мы оцениваем цифрой около 60 млрд долл. Две трети такой суммы Индия зарабатывает путем программного обеспечения. «Мозги», оказывается, более ценны, чем сырье.

Мы толкуем о том, чтобы создать «умное» общество, «умное» государство. Но в этом заклинании не больше проку, чем в афоризме про экономную экономику. Японская корпорация «Панасоник» регистрирует в четыре раза больше, чем Россия, патентов на различные изобретения и новые технологии.

Слова и призывы ветшают, если за ними пустота. Так, слова «инновация», «модернизация» обесценились и ушли в один ряд с такими, как «свобода», «демократия», «европейский выбор». Жан-Жак Руссо утверждал, что неограниченная власть в руках людей, в том числе «неподкупного» Робеспьера, которые считали себя представителями нации, была не менее деспотичной, чем власть в руках человека, который представлял самого себя. Демократия по своему смыслу есть не что иное, как народовластие. Подлинное народоправство начинается с того, что главные сферы общественной жизни действуют на основе самоуправления. Но именно этот принцип гражданского общества неумолимо устраняется. Ныне уже и Академия наук перешла под полную опеку государства.

Так, идея демократии обуживается до участия в выборах, до подачи «голоса». В этих условиях оппозиция отказывается от социальных программ, от реального участия в отстаивании интересов населения. Ее заботит лишь собственное продвижение в политике. Измена народным чаяниям оборачивается утратой позиций столь популярных в прошлом партий таких, как КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия». Некому сегодня защитить народ от самоуправства власти, от обездоленности и нищеты, от наглого и циничного антиинтеллектуализма.

Оппозиция даже не пытается «озвучить» болезненные социальные проблемы, взять под свои знамена бедствующие слои общества. Она занята подсчетом голосов, ввязывается в судебные разборки, даже не осознавая, насколько эфемерно горячее одобрение избирателей. Политика приобретает сугубо конъюнктурный смысл, устраняется от осмысления глубинных процессов общественной динамики.

Бюрократы не хотят изучать социальные проблемы, всесторонне анализировать ситуацию в тех или иных сферах общественной жизни, иметь опору среди тех, чья деятельность подлежит реформированию. Они верят, что успешности можно добиться, ломая назревшие проблемы через колено путем подготовленных резолюций и решений. Премьер, к примеру, приветствует людей, которые к нам приезжают, но заявляет, что нельзя допустить образования этнических анклавов. Но разве в других странах сумели этого добиться? Может быть, мы знаем какие-то рецепты? Нет, мы просто уверены, что партийное слово, прозвучавшее на съезде, немедленно претворяется в жизнь.

Будущее скрылось, растворилось в настоящем. Более того, легко возрождается давнее убеждение, что принятое решение и реальность можно считать синонимами.

Мы теперь слышим голоса далекого прошлого, активно осваиваем привычную лексику, но уверены при этом, что шагаем в будущее.

Эксперты утверждают, что мир сталкивается с третьим тоталитаризмом, о котором не писали ни К. Ясперс, ни К. Поппер, ни Х. Арендт. Отмечают, что либеральная система минувшего столетия с самого начала была тоталитарной. Настаивают на том, что сегодня либерализм, потеряв опору, проваливается в собственное прошлое. Вместо общества равных возможностей проступают контуры сословного общества. Но ведь либеральная идеология формировалась под лозунгом окончательного уничтожения сословных перегородок. Принцип продуктивной состязательности замещен практикой жесточайшей конкуренции, направленной на уничтожение слабых соперников. Моральный пафос уступил место наглому прагматизму. Кантовский идеал всеобщего мира сменился образом расколотого человечества.

Власть руководствуется не законом, а политической целесообразностью. Нет никаких оснований полагать, что идет решительное наступление на коррупцию. Напротив, поступающие сверху сигналы пробуждают энтузиазм в стане слабонервных хапуг...

Недавно скончался известный ученый и поэт Вадим Рабинович. В Институте культурологии, где он работал, ему присвоили звание «Заслуженный деятель науки». Но вот в это учреждение пришли «новые менеджеры». В Институте началась иная жизнь, далекая от научной деятельности. Намекнули и В. Рабиновичу о его невостребованности. Пока он доказывал собственную полезность, пришла смерть.

А вот хоронить ученого Институт отказался: он, мол, по сути дела, у нас фактически уже не работал.

Департамент социальной защиты населения города Москвы объявил, что граждане, которые родились с 22 июня 1926 года по 3 сентября 1945 года («дети войны»), получат прибавку к пенсии. Однако нужно явиться в Департамент и сообщить там необходимые сведения. Посчитайте сами; тот, кто родился в 1926 году, скоро отпразднует столетие. Куда надо идти, какие нужны справки? Нет ясности. Но вот Департамент заявляет: «Очная подача личного заявления в органы социальной защиты населения для указанных лиц не является обязательной». Оказывается, нужные сведения можно получить из информационных баз данных. А раньше чиновники не могли принять такое простое решение?

Газеты сообщают, что отдохнуть от водной катастрофы, прийти в себя от наводнения в ряде случаев поехали не дети потопленцев, а отпрыски чиновников. В такой подлости не до «осанки благородства». Аборты, ювенальная юстиция, однополые браки, суррогатное материнство. Реформы, оставляющие за бортом жизни значительные слои населения, торжество невежества, горе обделенной старости.

В этих исторических условиях возрастает роль независимой социальной экспертизы. Однако с недавних пор наука переходит на госзаказ. Станет ли государство финансировать неудобные для него исследования? Захочет ли узнать, что на самом деле происходит в обществе и как преодолеть возникшие трудности? Легкой жизни не будет.

Не подари мне легкой доли,
В дороге друга, сна в ночи,
Сотри мозолями ладони,
К утратам сердце приучи.
Доколе длится время злое,
Да буду хвор и неимущ.
Дай задохнуться в диком зное,
Веселой замутью замучь.
И отдели меня от подлых,
И дай мне горечи в любви,
И в час, назначенный на подвиг,
Прощенного, благослови.

Не про нас ли написал поэт Борис Чичибабин?

Борис ЧЕРНЫШЁВ

НЕУСВОЕННЫЙ УРОК ОПЫТА РЫНОЧНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Последние 12 лет в предвыборных статьях и Посланиях президентов РФ Федеральному Собранию РФ излагался ряд планов по дальнейшему развитию страны: 2000–2007 годы — представлен «конкретный и основательный концептуальный план»[1]; 2008 год — предложения по системной модернизации страны[2]; 2012 год — план на среднесрочную перспективу.

Все они были представлены не в качестве отдельно оформленных документов, а в форме задач и поручений президентов РФ органам государственной власти. Итоги выполнения этих «планов» в целом официально никогда и нигде не подводились. Возникшая в 2013 году проблема с реализацией майских 2012 года указов президента дала повод восполнить известный пробел и взглянуть на опыт реализации этих планов с точки зрения решения ключевых проблем социально-экономического развития российского общества, тем более, что по ходу 20-летних реформ никто из политической элиты страны такого вызова прошлому, к сожалению, не бросал, критического осмысления собственного опыта реформаторской деятельности в 2000–2012 годах не проводил. Видимо, не случайно свои новые задачи власть продолжает решать без осмысления и усвоения поучительных уроков опыта истории, без понимания неправильности старых приемов.

По своему содержанию планы 2000–2011 годов являлись естественным продолжением экономической программы радикально-либеральных реформ, начатых правительством Б. Ельцина — Е. Гайдара. Точнее, реализацией самого непопулярного ее направления — «стабилизации уровня цен» или сокращения государством средств, выделяе-

[1] См.: Послание Федеральному Собранию РФ Президента РФ В. Путина// Российская газета. 2007. 27 апреля. — С. 5

[2] См.: Послание Президента РФ Д. Медведева Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2009. 13 ноября. — С. 3.

мых социально незащищенным сферам жизни общества: образование, наука, здравоохранение, культура. Такая же историческая преемственность прослеживалась между разработанной в 2008 году «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020» и пришедшей ей на смену «Стратегии-2020».Все они, в свою очередь, повторяют некоторые положения экономической программы Г. Грефа (2000 год) и часть идей Е. Гайдара (начало 90-х годов XX века).

Заложенные с конца XX века принципы либеральной рыночной экономики не претерпели никаких изменений, несмотря на содержащуюся в выступлениях президента РФ В.В. Путина критическую оценку отдельных негативных последствий реализации программы «шоковой терапии» 1992–1999 годов.

Движение к саморегулируемой экономике по-прежнему сопровождалось обвальной потерей государством ранее имманентно присущих ему функций в управлении социально-экономическими процессами. По образному выражению академика Н.Я. Петракова, государство в этот период стало страдать «экономической импотенцией».

При разработке внутренней политики сохранилось рыночное, а не государственное целеполагание. Идея коммерциализации пронзила всю реформаторскую деятельность власти в сферах образования, науки, здравоохранения, культуры. Была продолжена ползучая приватизация бюджетной сферы; монетарная стерилизация реального сектора экономики и вложение денег в экономику других стран; введено бюджетное правило, согласно которому избыток нефтяных доходов будет пополнять Резервный фонд до тех пор, пока его размер не достигнет 7% ВВП.

Оценивая этот опыт проведения реформ с точки зрения решения назревших социально-экономических проблем, способных обеспечить устойчивое развитие страны на среднесрочную перспективу, следует признать, что он оказался малопродуктивным. Особенно в решении таких основных российских проблем, как неразвитость финансового сектора, низкая способность бизнеса к самоорганизации; сырьевое искажение структуры экономики, падение доли несырьевого экспорта; рост барьеров для инвестиций и экономической активности; нарастающее отставание в сфере технологий, науке, предпринимательстве; доминирование монополий, недостаточная конкуренция[3].

На примере проблемы инвестиций и экономической активности хорошо видно, что за период реформ в ее решении к ранее существовавшим барьерам добавились только новые. Их нарастающий вал неизбеж-

[3] См.: *Башкатова А.* Пекин поставил Путина в безвыходное положение // Независимая газета. 17 апреля 2012 г.

но создавал ситуацию, «когда проблема на проблеме едет и проблемой погоняет», выход из которой постоянно закрывался самой властью «священными» принципами либеральной рыночной экономики.

Барьеры для роста инвестиционной «экономической активности»:

— прямые иностранные инвестиции в Россию в 2012 году сократились почти на 20% (менее 2% ВВП);

— отечественный бизнес вывозит собственные капиталы за границу и заменяет их зарубежными кредитами;

— привлечение коротких зарубежных средств оборачивается незаинтересованностью в реализации долгосрочных проектов;

— в 2003 году правительством сняты ограничения на трансграничное движение капитала. Только по официальным данным из России вывезено 401,4 млрд долл.;

— государственные средства размещались за океаном под 2% годовых — наши банки получали под 8% годовых, российским предпринимателям отдавали под 20% годовых;

— существование такой системы стимулов, которая делает выгодной только добычу и экспорт сырья;

— действие бюджетного правила: отчисление доходов в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния к 2016 году — до 4,7 трлн руб. и до 2,8 трлн руб. соответственно;

— отсутствие для отечественной промышленности возможностей для получения «длинных» денег.

Дальнейшее продолжение борьбы с «чрезмерным» вмешательством государства в экономике провоцировало появление не только новых проблем, но и стало наносить ущерб экономическому потенциалу страны. Так, например, после принятия в 2005 году «Лесного Кодекса» последствия к 2013 году для лесной отрасли оказались катастрофичными: экономически доступные леса истреблены практически в ноль; по заготовке древесины Россия оказалась отброшенной с 1-го на 5-е место в мире; восстановление лесов стало происходить по остаточному принципу; отмена системы лесного надзора и расформирование государственной пожарной охраны обернулось только в 2012 году потерей от пожаров 11 млн га леса. Среднегодовая площадь лесов, пройденная пожарами, выросла в 1,6 раз.

Спешка с проведением непродуманной приватизации в 2008 году РАО ЕЭС не только не достигла поставленных целей, но и лишила российскую экономику одного из главных преимуществ — дешевой электроэнергии; ввергла распределительные сети в предаварийное состояние; привела к систематическим авариям в электрических сетях; к непрекращающемуся росту тарифов на электроэнергию и росту социальной напряженности в обществе; к превращению тарифов в единственный источник инвестиций.

2000 год	2012 год
«Неэффективное государство — главная причина длительного и глубокого экономического кризиса»[5].	«Всем очевидны и главные проблемы, ничего нового здесь тоже не скажу — это низкая эффективность государственной власти и коррупция. Без качественного современного госуправления, без высокой персональной ответственности тех, кто этим занимается, мы не решим задач, стоящих перед обществом и страной»[6].

Объяснение причин неудач реформаторской деятельности во всех Посланиях президентов РФ Федеральному Собранию РФ 2000–2012 годов вращалось вокруг только одной — низкой эффективности государства.

Между тем, падение его эффективности являлось, на наш взгляд, следствием другой причины, глубже лежащей, связанной с реализацией навязанных государству принципов построения либеральной рыночной экономики, получивших к тому же статус абсолютной истины, недоступной для критики и пересмотра. В результате реализации этих принципов с конца XX века была лишь усилена сырьевая структура российской экономики, оказавшаяся к 2012 году, по признанию В.В. Путина, не способной в дальнейшем «обеспечить развитие и востребованность человеческого потенциала, не способной дать большей части нашего народа возможность найти применение своим силам, талантам, труду, образованию, а значит, по определению, порождающей неравенство»[7].

Однако несмотря на этот вывод для решения социально-экономических проблем страны на среднесрочную перспективу предполагается вновь использование все тех же 20-летней давности принципов построения либеральной рыночной экономики[8].

Сложившаяся в управлении социально-экономическими процессами традиция подмены причины следствием лишила всякого смысла поиск причинно-следственных связей прошлого и настоящего переживаемой ситуации, извлечение поучительных уроков опыта истории при подготовке государственных решений. Процесс познания сущности происходящих явлений неизбежно останавливался на эмпирическом уровне. Поиск путей решения возникающих социально-экономических проблем оказывался в плену идеологии либерализма. Место научного основания заняли рыночное целеполагание и политическая целесообразность. Они явились движущей пружиной принятия

[5] Ведомости ФС РФ, № 22 (219), 2000, 1 августа. — С. 10.
[6] Российская газета. 2012. 12 декабря.
[7] Там же.
[8] Там же.

неадекватных действительности управленческих решений. Таких, как удвоить ВВП за 10 лет; увеличить за 5 лет в 2 раза объем жилищного строительства; увеличить темпы экономического развития до 6–7% в год; создать и модернизировать к 2020 году 25 млн рабочих мест[9]; снизить инфляцию до 3%.

Так, задача создания 25 млн рабочих мест, впервые выдвинутая общероссийской общественной организацией «Деловая Россия», была тесно увязана с переходом к новой конкурентной модели развития российской экономики «снизу» на базе проектного подхода. Наиболее эффективным путем реализации опорных пилотных проектов являлось создание Федеральных кластеров — территориальных промышленных комплексов отраслевой и межотраслевой кооперации федерального уровня, опирающихся на организационную, инфраструктурную и экономическую поддержку государства[10]. Это предложение «Деловой России» органически вписывалось в идею реиндустриализации страны, предложенную В.В. Путиным в 2011 году. К сожалению, по причине господства принципов либеральной рыночной экономики ни одна из этих идей не была развернута в продуманную промышленную политику государства, в «дорожную карту» движения к новой промышленной базе России на основе высших мировых технико-технологических достижений[11].

В этой связи попавшая в майские 2012 года указы Президента РФ задача создания 25 млн рабочих мест до 2020 года потеряла свой смысл: она «выпала» из связки с так и несостоявшейся промышленной политикой государства. Продолжать далее настаивать на ее выполнении административными методами, тем более — упование на «общенародную ответственность» крупного бизнеса приведет вновь к пустой трате времени и сил. Этот красивый экономический лозунг не имеет под собой достаточных оснований, в том числе и демографических. Даже если абсолютно всех выпускников школ и вузов устраивать на исключительно современные предприятия, то 25 млн новых рабочих мест в России появятся в самом лучшем случае только через 36 лет. Даже по официальным данным Росстата только за 2008–2011 годы российская экономика потеряла порядка 3 млн рабочих мест[12].

Подменять причину следствием или скрывать ее совсем — это, скорее, инструмент политической борьбы, чем науки. С начала эпохи расцвета капитализма, как способа производства, финансовые кризисы

[9] См.: Миф о 25-ти путинских миллионах // Свободная пресса. 2013. 15 июня.

[10] См.: *Титов Б.* Индустриализация по-новому // Аргументы.Ру. 2011. 21 сентября.

[11] См.: *Примаков Е.* 2011 год: взгляд в будущее // Российская газета. 2012. 16 января.

[12] См.: Двадцать пять миллионов одних курьеров // Независимая газета. 2012. 8 февраля; Кремлевские мечты Путина // Свободная пресса. 2012. 24 мая.

стали для экономик всего мира правилом, а не досадным исключением. Их неизбежность и развитие по одному и тому же сценарию доказал еще марксизм в XIX веке. Однако политическая и финансовая элита мировых держав продолжает всячески уходить от объяснения причин этих кризисов. Президент США Б. Обама в связи с кризисом 2008 года прямо заявил, что не нужно искать виновных в этом кризисе[13]. Ни одно правительство мира не решилось прямо сказать, что это не финансовый кризис, а кризис экономической модели[14]. Не является исключением и финансовая власть России. Для защиты модели либеральной рыночной экономики она подменяет понятие «экономическая модель» понятием «структура экономики», официально утверждая о несостоятельности сырьевой структуры экономики[15], но никак не монетаристской модели развития экономики России.

Можно только сожалеть, что негативный опыт ошибок и неудач советских руководителей по ускоренному строительству социализма, коммунизма, развитого социализма ничему не научил политическую элиту современной России, уверенно загоняющую «трамвай власти» в очередной исторический тупик.

[13] *Хазин М.* Начинаются процессы, на которые ни одно правительство повлиять не способно // Политический класс. 2009. № 10. — С. 24.

[14] *Васянин М.* Крест чиновника // Российская газета. 2011. 2 апреля.

[15] Российская газета. 2012. 12 декабря.

Геннадий БОЧАРОВ

КОСМОС КАК НЕОБХОДИМОСТЬ

Прежде чем повести разговор о ракетно-космической отрасли России, я бы хотел обозначить несколько постулатов, без которых, на мой взгляд, трудно представить проблемы, мешающие оздоровлению отрасли и множащие ее неудачи.

Постулат первый: наша неспособность своевременно и квалифицированно решать технологические и организационные вопросы производства ракетной техники. Или, например, эффективной работы космодрома Байконур — одного из ключевых элементов ведущей некогда отрасли.

Постулат второй: непозволительная заторможенность в реализации множества различных межведомственных, межгосударственных и международных договоров и соглашений. Даже тех, которые давным-давно одобрены на самых высоких административных уровнях. Пример: передача «стартового стола» ракетоносителя «Зенит» Казахстану для совместной с Россией деятельности. А в перспективе — реализация национальной космической программы Республики Казахстан.

Постулат третий: досадно затянувшийся процесс вхождения Казкосмоса в состав учредителей компании «Международные космические услуги» (МКУ) — компании, имеющей эксклюзивное право на пуски со «стола» « Зенита» до 2025 года. Затяжка тормозит реальную интеграцию России (ракета «Зенит» — на две трети российского производства, Украины — на одну треть и Казахстана — стартовый комплекс Байконура).

Наконец, постулат четвертый: что значит для России такая инновационная отрасль, как космонавтика? Не ясно? Двадцать лет непонимания или нежелания понять? Но кто не понимал? Кто не видел, как рвались в эти годы к звездам Китай, Индия, Япония, даже Северная Корея? Не говоря уже о США, оставивших всех далеко позади…

Этого не видел не кто-то. Не видели конкретные люди.

В прошлом я был свидетелем первых шагов человека в космос. Видел запуски и приземления космонавтов. Знал многих из них

лично. Знал ученых. Дышал воздухом Байконура и жил творческой, деловой, вдохновленной средой космодрома.

С годами космонавтика стала привычной. А профессия космонавта — рабочей. Естественный ход дел. Неестественность в другом: мужество и самоотверженность, присущие космонавтам давней и нынешней поры, остались неизменными. Но интерес и внимание к ним, как и к космическим проблемам в целом, с каждым годом падает. И тому, конечно, есть свои причины... Обыденность всегда бездуховна, а безразличие — бесплодно.

Первый член отряда космонавтов, подготовленный к работе в космосе, покинул отряд. Отряд, в который стремились когда-то попасть тысячи. Я не утверждаю, что этот человек не мужественен и не самоотвержен. Говорю о том, что первый член еще недавно уникального в истории человечества отряда покинул его, не слетав в космос.

С чем столкнулось новое руководство Роскосмоса сегодня?

Мощнейшие российские предприятия, изготавливающие сверхсложные, могучие ракеты — «Протон», «Ангару», «Союз», «Рокот» и другие, спотыкаются о непреодолимые препятствия: не хватает ничтожно малых, но не производящихся нигде деталей. Каких-нибудь прокладок, например. Когда-то их исправно штамповали в небольшом цехе в Узбекистане. Или в Молдавии. После того, как республики двинулись в исторически мутное путешествие, им стало не до прокладок. Ну, а Россия?

Прежние администраторы отрасли не сориентировались. Столь мелкие заботы оскорбляли их высокие умы. Умы запамятовали, что сила мелочей в том, что их много.

Я не знаю, какие меры в подобных государственных значимых делах предпринимать. Но полагаю, что политкорректность и права человека не должны быть защитным скафандром для чиновника, работающего в космической сфере. Служебная неисполнительность, на которую и грозно, и сдержанно, т.е. почти без особой надежды на исправление, указывал президент страны, срывает самые значительные общественные устремления — в космической сфере тем более.

Акватория Тихого океана окрещена мировыми СМИ кладбищем российских спутников. Возразить нечем. Расстыковка ведомственных и корпоративных интересов — норма. Снятие военного контроля за качеством космических изделий — безответственность, граничащая с бытовой глупостью. Перевернутые вверх ногами датчики угловых скоростей на «Протоне М» — крест на безупречной репутации ракетно-космической отрасли.

Профессионализм превращается в вульгарную самодеятельность.

Кометный хвост огненного крушения «Протона М» в нынешнем августе осветил не только Байконур, равный по территории государст-

ву Сингапур. Не только миллиарды телеэкранов во всем мире. Очередная катастрофа обозначила суть проблемы — системность кризиса отрасли. Неэффективность управленческой политики. Давнее поручение правительства, данное Роскосмосу — привести структуру в соответствие с законом о космической деятельности России, выполнено не было. И никто не был наказан. Исправно делалось только одно: списание очередных погубленных миллиардов.

Точку невозврата последняя авария «Протона М» приблизила на расстояние вытянутой руки. Включили красный свет: так дальше продолжаться не может. И не должно. Реформа не когда-нибудь, а сейчас.

И реформа началась.

Предлагается много принципиально нового, современного. Но больше всего — неопределенного. К непосредственному содержанию реформы я вернусь несколько позже. А пока обращусь к постулатам, обозначенным в начале этих заметок. К тому, что в реформах как раз и нуждается.

Космодром Байконур.

Созданный не одним поколением советских инженеров и военных строителей, Байконур с его уникальной технической многоцелевой оснащенностью позволяет России и сейчас, благодаря аренде, до завершения строительства дальневосточного ракетного стартового стола «Восточный» прочно удерживать лидирующие позиции на глобальном рынке пусковых услуг.

Байконур, тем не менее, нуждается в серьезной модернизации. Нуждается в регулярных запусках, технологическом оздоровлении, освобождении от несвойственных социальных функций — это ведь не просто уникальный объект, а еще и вполне нормальный разросшийся (российский!) город. Город с большим населением. Наконец, космодрому необходимы серьезные меры безопасности, учитывая характер происходящих на его площадях процессах.

Он, Байконур, — лучший. Лучший на планете. Но у всего лучшего — только два пути: или дальнейшее улучшение и развитие, или «синдром Колизея» — угасание. «Угасание нам не нужно, — заявил мне при встрече в Астане председатель национального космического агентства Казахстана, Герой России и Народный Герой Казахстана, летчик-космонавт Талгат Мусабаев. — Кончатся прежние и новые сроки аренды Байконура. Но развитие космонавтики не кончится. Весь мир, — говорил он, — переходит на принципы кооперации. Мы — часть мира. Оказаться на его обочине — грех перед потомками. Да и появление на земле Казахстана еще одного семипалатинского полигона допустить нельзя... Отсюда все наши усилия вместе с Россией, в кооперации с Россией, с ее помощью не допустить потери самого современного чуда света — Байконура...».

В 2006 году Казахстан, в стратегических планах национально-экономического развития которого заложена космическая составляющая, предпринял попытку разработать ракетно-космический комплекс на базе ракеты «Ангара». Проект назвали «Байтерек». Красивое слово было извлечено из древних казахских легенд. Его и сохранили для обозначения нового проекта, ибо первый потерпел неудачу. На этот раз решено использовать ракету «Зенит». Идея задействовать ее в трехсторонних интересах — России, Украины и Казахстана — понравилась всем. Предложенный Роскосмосом и Казкосмосом механизм поэтапного перевода проекта «Байтерек» на неиспользуемый в государственных запусках России ракетоноситель «Зенит» был одобрен на самом высоком уровне.

Летом нынешнего года в Евпатории состоялась встреча трех руководителей национальных космических агентств — России, Украины и Казахстана. Приняты принципиальной важности решения.

Не позднее 1 января 2015 года объекты технического и стартового комплексов «Зенит» должны быть выведены из аренды и переданы Казахстану. А к концу текущего 2013 года поручено разработать и подготовить к подписанию проект Межправительственного документа по созданию ракетно-космического комплекса «Байтерек» на РК «Зенит».

Подтвержден приоритет — экологическая безопасность. Ракета «Зенит» работает на самом чистом топливе — водороде и керосине (на выходе — вода). В отличие от «Протона» с его гептилом, сеющем ужас в случае аварии во всех прикосмодромных районах.

Создана и действует межправительственная комиссия по комплексу Байконур, прорабатываются вопросы реализации проекта КРК «Байтерек». Все внешне хорошо: идет подготовка нормативно-правовых документов при совместной эксплуатации технического и стартового комплексов КРК «Зенит»; ставятся вопросы практического обучения сотрудников казахстанской организации по составу и эксплуатации систем и агрегатов комплекса «Зенит» при выводе «стола» из аренды и т.д. Комиссию возглавили первые заместители руководителей правительств.

И что?

А ничего. Дело буксует. Астана шлет бумаги. Москва молчит. Астана напоминает — молчание продолжается. На последнем МАКСе Т. Мусабаев подписывает очередное соглашение с одним из теперь уже бывших руководителей Роскосмоса — результат тот же: бездействие.

Что мешает? Смягчим определение — нерасторопность. Чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, необходимо решение «Росимущества». Решение об увеличении доли Казахстана в «Байтереке». Решения нет. Многократно оговоренное и зафиксированное во всех документах

согласие на увеличение указанной доли со стороны Роскосмоса тоже на московской полке. Ситуация показывает: причина чисто техническая. Но кто-то же должен понимать, чем, как правило, заканчиваются технические причины?

Между тем, положительное решение о злополучной доле — это возможность начать сервисные работы на площадке «Зенита». Деньги у казахов есть, силы есть, специалисты по «наземке» есть. Создание специальной фирмы — дело дней.

История с наземной инфраструктурой, конечно, закончится. Но параллельно развивается другая — вернее, не развивается, а тлеет: вхождение Казкосмоса в состав учредителей компании Международные космические услуги (МКУ). Только это даст Казахстану возможность использовать носитель «Зенит» совместно с Россией и Украиной. И это, конечно, вопрос ключевой: вывод груза в космос без ракеты невозможен. Но ведь и запуск ракеты без наземной инфраструктуры, соответствующей классу ракеты, тоже невозможен. У «Протона» — свой стартовый стол. У «Союза» — свой. У «Зенита» — свой.

Байконур остается в аренде у России до 2030 года. А «стол» «Зенита» — правый фланг Байконура — из-под аренды уже, считай, вышел. Ведь решение об этом уже одобрено. Таким образом, компании МКУ, интегрироваться в которую Казахстану необходимо для доступа к ракете, придется иметь дело уже не с Роскосмосом, а с Казкосмомом. Но поскольку речь идет не о конфронтации, а о тесной кооперации трех стран, сомнений в том, что интеграция все же произойдет, быть не должно. Вопрос в другом — сколько времени на это потребуется?

Прерываюсь.

Мне стыдно задавать вопросы, постоянно повисающие в воздухе. Не из-за подобных ли подходов — недоразумений, несогласований, непоняток и недоговоренностей — деформируются, а нередко и разрушаются многолетние отношения с еще недавно дружескими странами? Навряд ли нужны еще примеры. Мы все понимаем, о чем идет речь. На чем балансируют чрезвычайно важные для всех нас даже серьезнейшие, жизненно-важные договоренности и соглашения!

Продолжаю. Объективно вступление Казахстана в МКУ имеет, конечно, ряд трудностей. Прежде всего, правового, нормативного характера. Выгоды каждого, кто войдет в пусковой ракетный бизнес, более чем очевидны — это, казалось бы, облегчает поиск. Ведь от объединения трех стран в проекте на базе РК «Зенит» серьезные государственные дивиденды лежат на поверхности.

Россия обеспечивает свои предприятия заказами компонентов РН «Зенит» (двигатели первой и второй ступеней, навигационное оборудование, системы управления ракетой и прочее); Россия остается участником эксплуатации КРК «Зенит» после его передачи из аренды

Казахстану; Россия сохраняет в своем активе саму ракету «Зенит»; удерживает существующую расстановку конкурентности по своей линейке ракетоносителей. Наконец, передача «стола» «Зенита» с вхождением РК в МКУ будет способствовать снижению финансовой нагрузки на расходную часть бюджета РФ — мы передаем КРК «Зенит» вместе с городом и снимаем с себя социальную ответственность за казахское население... Мало?

Украина поддерживает заказами компонентов «Зенита» (двигатели третьей ступени, сборка ракеты и т.д.) гигантское градообразующее предприятие — Южный машиностроительный завод, «содержащий» город Днепропетровск. При благоприятном развитии событий именно МКУ способен обеспечить Украину серийным заказом РК, что дает постоянную работу десяткам тысяч днепропетровцев. Опять мало?

Казахстан получает доступ в космос и обеспечивает занятость космодрома после ухода России...

Все разумно. Все логично. Все выгодно.

В Роскосмосе — новое руководство. В Роскосмосе — очередная реформа. У Роскосмоса новые и прежние задачи. Реформа — судя по первым шагам — принципиальный отказ от анахронизма, когда заказчик и подрядчик находились под одной крышей. Теперь из Роскосмоса предполагается вывести более 30 предприятий. Вывести и образовать единую, объединенную ракетно-космическую корпорацию. Роскосмос при этом становится главным органом, формулирующим космическую политику государства. Но сохраняет за собой стартовые комплексы Байконура, Восточного и Плесецка.

По логике вещей, именно полномочия, которые получает Роскосмс, как раз и способны придать мощный импульс проектам, подобным «Байтереку», созданию дорожных карт, а также подготовке по поручению президентов РФ и РК нового международного договора. В настоящий момент договор «О добрососедстве и союзничестве в XXI веке» подписан президентами России и Казахстана. Ведь то, о чем здесь говорится, не просто технологический прогресс в отношениях между государствами.

Даже при исключительном значении и для России, и для набирающего мощь Казахстана инновации, модернизации, которые несет в себе космическая деятельность, не могут быть важнее сохранения дружественных традиций, укрепления основ и жизненной энергии Евразийского союза при всех его преобразованиях, которым привержены народы наших стран. Ракетно-космическое сотрудничество выгодно, а человеческий союз необходим.

P.S. Памятка для приходящих: «Быть когда-то в космосе первыми и проиграть первенство — историческая нелепица».

ТЕМА НОМЕРА: РОССИЙСКАЯ ЭЛИТА — ПРОГРЕСС ИЛИ СТАГНАЦИЯ?

Оксана ГАМАН-ГОЛУТВИНА

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ РОССИЙСКИХ ЭЛИТ*

Часть II

Г.В.Ф. Гегель отмечал, что сущность лучше всего познается посредством выхода за ее пределы, то есть все познается в сравнении. Попробуем применить этот подход к рассмотрению властных групп постсоветской России.

Если обратиться к реалиям постсоветской политики, можно сказать, что предельно лаконичной характеристикой нынешнего периода эволюции постсоветских элит является его определение как пост-имперского этапа. Одно из правил гегелевской диалектики гласит: познание сущности возможно при выходе за ее пределы. Иначе говоря, все познается в сравнении. В текущем году был отмечен 60-летний юбилей пребывания на престоле королевы Елизаветы II, правление которой войдет в анналы истории не только как одно из самых длительных в мировой истории, но и как отмеченное тяжелейшим кризисом — распадом одной из величайших империй мира, о которой прежде говорили, что над ней «никогда не заходит солнце». Представляет интерес взгляд на пост-имперскую эволюцию России в свете британского опыта.

Сложившись в течение XVI–XVIII веков, Британская империя достигла пика могущества в середине XIX века. Российская империя начала формироваться чуть позже, став в начале XVII века второй по размеру территории после Британской империи страной. Спустя столетие — в начале XVIII века — она обрела имперский статус, а в середине XX века, после Второй мировой войны, — в формате СССР — превратилась во вторую в мировой политической иерархии величину. Именно в этот период началось крушение Британской империи. Через полвека последовал распад империи советской. И хотя падение этих

* Продолжение. Начало см.: Вестник аналитики, № 3, 2013.

империй разделяет всего около полувека и процессы заката имеют немало общих черт, существенных различий больше. Главное отличие заключается в том, что распад Британской империи был вынужденным по характеру: она пала под напором центробежных импульсов, исходивших из колоний, несмотря на энергичные и целенаправленные усилия элиты по сохранению империи. Черчилль, вернувшийся во власть в 1951 году, через четыре года после утраты главной имперской жемчужины — Индии — заявил, что выиграл выборы не для того, чтобы «председательствовать при закате Британской империи».

Распад ставшего преемницей Российской империи СССР в высшей точке его могущества в немалой степени был инициирован самой отечественной элитой — позднесоветской номенклатурой. И если логика действий руководителей национальных республик в составе СССР очевидна — обретение независимой от Москвы легитимности, то не вполне логичный с формальной точки зрения добровольный отказ центральной элиты от власти во многом был определен особенностями внутренней организации, ментальности и установок сознания отечественной элиты конца 1980-х годов. Именно они сыграли ключевую роль в определении судьбы страны.

С чего начинается империя? Полагаю, что три кита любой империи — это собственный «Большой проект», избыточная энергетика населения (пассионарность — как витальная, так и метафизическая) и эффективные технологии рекрутирования имперской элиты, осознающей свою миссию. Совокупность перечисленных факторов составляет метафизическое пространство империи, вне которого невозможно ее физическое тело.

Первым собственным историософским имперским проектом стал проект «Москва — Третий Рим». Впоследствии этот проект обретал различные версии, одной из которых стал III Интернационал. Не случайно Н.Бердяев писал, что вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал [Бердяев, 1990]. Особенностью историософской доктрины Российской империи (после 1917 года в формате СССР) была установка на развитие: «рука Москвы» была тяжелой и жесткой, но на периферийных территориях она выполняла функцию модернизации. Определенные аналогии тут можно провести и с империей Британской: несмотря на чудовищные издержки имперского строительства, империя не рассматривалась британцами исключительно как источник наживы — ее воспринимали как взаимосвязанное сообщество. Представление о «бремени белого человека» сформировалось в середине XIX века не в последнюю очередь как оправдание цивилизаторской — модернизационной — миссии.

Что касается энергетики населения, то именно пассионарность на протяжении веков выступала неиссякающим ресурсом, необходимым

«горючим материалом» исторического движения нашей страны. Однако, похоже, безжалостный к России XX век истощил доселе бездонный ресурс исторической энергии: несколько революций, форсированная системная модернизация страны и победа в самой кровавой из войн потребовали таких усилий, что поставили население страны на грань психологического и физического выживания на рубеже тысячелетий. Но ключевые причины, определившие специфику разницы постимперской эволюции России и Британии, коренятся в особенностях формирования и ментальности политического класса двух стран.

Специфика российской элиты была определена характером, условиями и темпами имперского строительства в России. Важнейшим по значимости фактором стали особенности территориального строительства Российской империи. Вызов пространства — «собирание земель», необходимость освоения и консолидации огромных территорий — наиглавнейший вызов любой империи, однако в случае Руси-России территориальный вызов стал не просто одним из вызовов — он стал смысловой доминантой в процессе государственного строительства и источником легитимности власти.

Динамика территориального расширения в процессе создания Российской империи была беспрецедентной. Только в период с середины XVI века и до конца XVII века Москва ежегодно в среднем приобретала земли, равные площади современной Голландии. К началу XVII века Московское государство равнялось по площади всей остальной Европе, а присоединенная в первой половине XVII века Сибирь по масштабу вдвое превышала площадь Европы (Арнольд Тойнби впоследствии написал, что присоединение Сибири стоило России цивилизации...). К середине XVII века российское государство стало самым большим государством в мире, а к середине XVIII столетия территория России — по сравнению с Московским княжеством начала правления Ивана III — увеличилась более чем в 50 раз, составив шестую часть обитаемой суши. Таким образом, Российская империя вышла по величине территории на второе место после Британской. Процесс территориального расширения предстал базовым фактом нашей судьбы: «История России есть история страны, которая колонизуется» [Ключевский, 1956: 31].

По сути, отечественный правящий слой на протяжении последних пяти веков складывался как геократия — слой, призванный собирать земли и управлять ими[1]. Другим, не менее важным фактором стала необходимость защищать завоеванные земли. Описывая политический

[1] Термин «геократия» используется также Дмитрием Замятиным, но с другим смысловым наполнением: для обозначения той неопределенной когнитивной ситуации, которая сложилась в результате осмысления роли географического пространства в истории России и российской цивилизации [см. Замятин 2000: 98–110].

строй Московского государства, Ключевский отмечал, что такой своеобразный склад государственного порядка «объясняется господствующим интересом, его создавшим. Этим интересом было ограждение внешней безопасности народа» [Ключевский, 1918: 121]. Россия значительную часть своей истории провела в оборонительных войнах, что дало основание Ключевскому уподобить Московское государство вооруженному лагерю [подробнее см. Ключевский, 1993, кн. 1: 54, 514; Гаман-Голутвина, 2006а: гл. 1.2.; Солоневич, 1991: 40; Никольский, 1991 (1928); Платонов, 1993; Ключевский, 1918: 181]. Для понимания роли пространства для российской элиты в прошлом следует вспомнить мысль Фридриха Ницше о внешнем и внутреннем пространстве: внешнее пространство составляют формальные структуры — социальные, политические и т.п., тогда как внутреннее пространство вбирает в себя важнейшие области духовной сферы, язык, сознание и т.п.

В результате сложения факторов мощного по масштабу и стремительности территориального расширения Руси-России и необходимости ее защиты территория-земля стала и внешним, и внутренним пространством российской элиты. Более того, собирание земель и их защита предстали фактором легитимности российской власти, которая выступала в качестве основного инициатора территориального расширении: «Главная особенность российской колонизации заключается в том, что ее стимулятором, организатором, регулятором был «центр», средоточие власти. И массовое перемещение населения из центральных губерний на просторы Сибири могло осуществляться лишь после того, как эти просторы были «завоеваны», стратифицированы, поглощены властью. Именно по наущению или с ведома «центра» или поставленных им в главных сибирских городах воевод или поддерживаемых и стимулируемых властью промышленников снаряжались лихие землепроходческие экспедиции вроде походов Семена Дежнева, Ерофея Хабарова или Василия Пояркова. Все оставленные ими на географической карте отметины... не только объявлялись принадлежащими московскому государю, но и геополитически привязывались к оному из центров власти — не к Москве непосредственно, так к Якутску, где сидел царский воевода, то есть становились микрокосмами, а затем и локусами власти...» [Королев, 1997: 33]. Таким образом, пространство предстало подлинным фактором легитимации российской власти в историческом прошлом.

Территориальное расширение в столь значительных масштабах, такими темпами при бедности государственной казны и перманентных внешних угрозах (не случайно историк Сергей Соловьев применительно к России употреблял выражения «бедная страна», «бедный народ») требовало запредельного напряжения сил и населения, и элиты. Не случайно и то, что именно с петровских времен берет начало многове-

ковой спор сторонников расширения территории страны и приверженцев сдержанности в расширении границ государства — спор, актуализировавшийся в советскую эпоху.

В условиях подобного имперского строительства России рекрутирование властного класса начиная с XV века было выстроено по «служилому лекалу», основанному на принципе «привилегии — за службу государству». Этот принцип предполагал наделение управленческого класса государства — его политической элиты — временными привилегиями как вознаграждение за несение службы государству. Поэтому в качестве политической элиты России на протяжении пяти веков выступал высший эшелон административно-политической бюрократии. Сложившись еще в Московском государстве, этот принцип благодаря реформам Петра I стал технологией выстраивания политических конструкций Российской империи. Можно с определенностью сказать, что имперская элита в России началась с отказа от принципов местничества и принципа землевладения в пользу «служилого критерия».

Данный критерий не случайно стал основанием системы рекрутирования власти: привилегии стали «пряником», необходимым для привлечения на государственную службу, поскольку последняя в условиях России порой была весьма далека от положения праздного класса. Более того, Василий Ключевский констатировал, что в нашей стране обязательные государственные повинности падали на высшие служилые классы порой с наибольшей тяжестью [Ключевский, 1918].

Положение российского политического класса действительно было весьма далеко от статуса подлинной элиты, что определило востребованность формирования российского властного класса по принципу наделения временными, на условиях несения службы государству, привилегиями. На основании данного принципа формировалось боярство в Московском государстве, дворянство и имперская бюрократия в Российской империи, партийно-хозяйственная номенклатура в СССР [подробнее см. Гаман-Голутвина, 2006]. Этот «сквозной» исторический принцип формирования российской элиты определял перманентность ее стремления обрести передающиеся по наследству, а не временные и увязанные с несением службы государству привилегии. В этом контексте можно упомянуть Манифест о вольности дворянства Петра III (1762), подтвержденный Жалованной грамотой дворянству Екатерины II (1785). Обретение полноценных привилегий в 1990-е годы стало революцией элит в качестве сообщества, нацеленного на реализацию партикулярных интересов и приватных целей (не случайно тогда термин «элиты» побил рекорд по степени употребления). Более того, собственность стала основанием рекрутирования во власть. Произошла приватизация не только государства, но и статуса элиты. Из носителя миссии она стала приватным субъектом. Создание импе-

рии — акт «длинной» исторической воли, требующий пассионарности. Но страсть истощает. Имперская элита устала от имперского бремени, а распад территории империи стал материализацией отказа от имперской миссии.

Не исключено, что отказ элиты от миссии и истощение пассионарности общества не имели бы столь эпохальных для страны последствий, если бы не совпали с глубинной трансформацией глобального контекста. Эта трансформация многоаспектна, но в данном контексте затронем только наиболее значимые ее измерения.

Анализируя сущность глобальной трансформации, прежде всего, следует отметить ослабление привязки национальных политических и экономических акторов к «месту приписки».

Одним из первых характеристику философско-политических последствий первой из отмеченных трансформаций представил еще в начале 1990-х годов многолетний советник президента Франции Франсуа Миттерана, бывший глава Европейского банка реконструкции и развития, экономист и политолог Жак Аттали в работе «На пороге нового тысячелетия». Он определил рождающийся на рубеже XX–XXI веков новый этап цивилизационного развития как «цивилизацию кочевников». Принципиальным отличием этой цивилизации становится изобретение и широкомасштабное внедрение в обиход компактных мобильных предметов и технологий, использование которых будет сопровождаться утратой традиционной привязанности к стране, общине, семье: «привилегированные жители как Европейской, так и Тихоокеанской сферы, а также богатейших примыкающих к ним провинций, станут освобожденными, наделенными властью номадами, связанными между собой лишь желанием, воображением, алчностью и амбицией. Такая новая кочевая элита уже формируется, уже разрывает свои связи с родными местами — своим народом, своими ближними... Культура выбора, соединенная с логикой рынка, выделит для человека средства достижения беспрецедентной степени личной автономии. Владение кочевыми предметами (или доступ к ним) будет повсюду рассматриваться как признак свободы и могущества» [Аттали, 1993].

Другим, но близким концептом, предложенным для характеристики новой эпохи, является понятие «текучей современности» как динамическом потоке времени-пространства, ключевыми акторами которой становятся дисперсно организованные, малозаметные властители, не привязанные к определенной территории — в отличие от массовых групп, определенно идентифицирующих себя с территорией-государством [Бауман, 2004; Бауман, 2008]. Важнейшей характеристикой элиты новой эпохи становится мобильность [Бауман, 2004]. Для определения новой генерации Александр Неклесса предложил удачный

термин — «люди воздуха»: «К усложнившейся и модифицированной системе власти получает доступ генерация «людей воздуха», тесно связанная с постиндустриальным (нематериальным, эфирным) производством» [Неклесса, 2005: 22]. Этот новый субъект, по определению, глобален и «не имеет внешних для себя обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков» [Делягин, 2012: 74].

Российская элита довольно легко вписалась в отмеченную тенденцию. Платой за приватизацию статуса элиты и обретение прежним «служилым классом» сопутствующих этой приватизации беспрецедентных по масштабу привилегий (передающихся по наследству, а не увязанных со службой государству) и стал отказ постсоветских элит на исходе XX в. от модернизационной миссии и «сброс» территорий. Территория утратила статус фактора легитимации, таковым стал, скорее, фактор экстерриториальности. Российские элиты в значительной мере предстали органическим элементом номадической генерации современных элит, легитимация которых увязана с органичностью их интеграции в глобальные сообщества.

Однако в оценке отказа от модернизационной миссии элит автор далек от обличительного пафоса, как минимум, потому, что ответственность за судьбу страны несут не только элиты, но и общество: каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает. Качество руководящего слоя есть лакмусовая бумага качества общества. Кризис лидерства — верный признак упадка нации [Gaman-Golutvina, 2009]. Тяжелейшего, но временного и преодолимого или окончательного — вопрос открытый... В «Философии истории» Гегель разделял народы на исторические и неисторические. Предназначение первых — воплощение воли мирового духа (или смысла истории в терминологии Карла Ясперса) на различных этапах истории. Выполнив историческую миссию, народ может перейти в статус неисторического. Хочется думать, что применительно к евразийскому пространству этот исход не предопределен.

(Окончание следует)

Литература

1. *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия. — М.: Международные отношения. 1993.

2. *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. (Переизд. Париж: YMCA-Press). — М.: Наука. 1990.

3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. — М., 2002.

4. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Весь Мир. 2004.

5. *Бауман З.* Текучая современность / Пер. под ред. Ю. Асочакова. — СПб.: Питер. 2008.

6. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: вехи исторической эволюции. 2-е изд. — М.: Росспэн. 2006.

7. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: вехи исторической эволюции. 1-е изд. — М.: Интеллект. 1998.

8. *Ключевский В.О.* История сословий в России. — Петроград: Лит.-издат. отд. Комиссариата нар. просвещения. 1918.

9. *Ключевский В.О.* Сочинения в 8 т. Т. 1. — М.: Политиздат. 1956.

10. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. — М., Мысль. 1993.

11. *Королёв С.А.* Бесконечное пространство. — М.: ИФРАН. 1997

12. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. — М.: Высшая школа. 1993.

13. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. — М.: Феникс, ГАСК СК СССР. 1991.

14. *Gaman-Golutvina O.* Political Leadership and Political Elites in Russia / Masciulli J., Molchanov M., Knight W.A. (eds.). The Ashgate Research Companion to Political Leadership. Ashgate, 2009.

Чже Сун ХУН

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ РК И РФ: ВЗГЛЯД ИЗ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Один из ключевых приоритетов нынешнего руководства Российской Федерации — активное и безотлагательное развитие дальневосточных и забайкальских территорий страны. Осознание такой необходимости подкрепляется практическими действиями, в числе которых создание Министерства по развитию Дальнего Востока и разработка Государственной программы социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья (на период до 2025 года).

Успешная реализация этих планов самым положительным образом скажется на будущем трехстороннего сотрудничества между РФ, КНДР и РК. Данный формат занимает особое место в приоритетах Республики Корея, выдвинувшей «Инициативу по мирному сотрудничеству в СВА и расширению Евразийского сотрудничества» и рассматривающей его как важный фактор развития национальной экономики. Отсюда — необходимость проанализировать нынешние тенденции российской политики по модернизации забайкальских и дальневосточных территорий страны и определить перспективные направления взаимодействия между Российской Федерацией и Республикой Корея.

Суммируя основные причины повышенного интереса руководства Российской Федерации к модернизации дальневосточных и забайкальских территорий страны, их можно представить следующим образом.

Во-первых, это невысокий рейтинг правящей элиты в этих регионах. Выборы, прошедшие в декабре 2011 года и марте 2012 года, продемонстрировали: партия «Единая Россия» и кандидатура В.В. Путина набрали относительно небольшое количество голосов. Такая ситуация нежелательна сама по себе и требует незамедлительного и кардинального изменения.

Во-вторых, быстрыми темпами развиваются соседние страны, которые, в общем и целом, безболезненно пережили недавний финансово-

экономический кризис и смогли изыскать дополнительные источники экономического роста. В таких условиях затягивание с развитием Дальнего Востока означало бы консервацию, а то и нарастание существующего разрыва в уровнях развития, в частности — инфраструктурного, между Россией и ее азиатско-тихоокеанскими соседями.

В-третьих, немаловажную роль играет фактор Китая и Японии. Власти приграничных с Китаем российских территорий, где стихийно развиваются торговые обмены между двумя странами, не могут не задумываться о том, чтобы придать этому процессу более управляемый характер. Не говоря уже о снижении остроты такой проблемы, как нелегальное пребывание граждан КНР, зачастую занимающихся различного рода противоправной деятельностью. Все это вызывает недовольство местного населения и обеспокоенность региональных элит. Что касается Японии, отметим следующее: несмотря на реализацию ряда федеральных целевых программ, Южные Курилы Сахалинской области, являющиеся предметом территориального спора с Японией, сильно отстают в экономическом развитии от японского острова Хоккайдо. А если учесть, что многие жители Курильских островов регулярно совершают поездки в Японию, такой контраст не добавляет убедительности многочисленным заявлениям России о важности развития дальневосточных территорий страны и готовности это делать. Осознавая объективную необходимость изменить сложившуюся ситуацию, несмотря на неоднократные протесты со стороны Японии, Д.А. Медведев в ноябре 2010 года в качестве президента, а в июле 2012 года в качестве премьер-министра, посетил остров Кунашир с проверкой, как идет реализация целевой программы развития данных территорий.

После президентских выборов 2012 года развитие Дальнего Востока получило ощутимый импульс. Между тем, его объективная основа была заложена несколько раньше.

Этапным в этой связи можно считать ноябрь 2011 года, когда Внешэкономбанк России учредил акционерную компанию «Фонд развития регионов Дальнего Востока и Забайкалья». Ее задачами стало привлечение капиталовложений (включая иностранные) и реализация масштабных проектов развития социально-экономической инфраструктуры, инновационных отраслей, специальных экономических зон и т.д.[1] Для реализации проектов Фонда потребуется 350 млрд руб. Внешэкономбанк намерен кредитовать Дальневосточному федеральному округу и Забайкалью 70 млрд руб. до 2015 года[2].

---

[1] «Назначен новый генеральный директор Фонда развития Дальнего Востока и Байкальского региона». — Внешэкономбанк, 29 января 2013 г.

[2] «Фонд развития Дальнего Востока возглавил экс-глава „Уралкалия“ Грачёв». — Forbes, 25 января 2013 г.

Артикулируя национальные интересы России применительно к ее дальневосточным территориям, в январе 2012 года В.В. Путин опубликовал в газете «Ведомости» статью под названием «О наших экономических задачах». В ней будущий глава РФ отметил необходимость государственной поддержки масштабных проектов по развитию инфраструктуры, попутно подчеркнув: расширение возможностей транспортной инфраструктуры Дальнего Востока и Сибири является безусловным приоритетом. Кроме того, 7 мая 2012 года, после инаугурации, В.В. Путин в своем послании «О долгосрочной государственной экономической политике» дал указание федеральному правительству конкретизировать предложения по развитию Сибири и Дальнего Востока[3].

В мае 2012 года было учреждено Министерство по развитию Дальнего Востока. Его функции обширны и разнообразны: регулирование хода реализации государственных программ, а также федеральных целевых программ, контроль над федеральной собственностью (вне контроля находятся лишь лесной фонд, специальная природоохранная зона, государственные предприятия стратегического назначения), а также контроль над работой властной структуры федеральных субъектов[4]. Сам факт создания независимого федерального ведомства, ответственного за развитие отдельно взятого региона, — явление беспрецедентное и отражающее серьезность намерений федеральных властей провести комплексную модернизацию дальневосточных территорий страны.

Последующие события подтвердили такую оценку. Уже в ноябре 2012 года Министерство по развитию Дальнего Востока предоставило Внешэкономбанку перечень преимущественных для инвестиции проектов, на что может быть направлен «Фонд развития регионов Дальнего Востока и Забайкалья». Основная часть более чем 90 проектов относится к транспортной инфраструктуре. В июле 2012 года министр по развитию Дальнего Востока В.И. Ишаев подчеркнул, что до 2015 года потребуется более 3 трлн руб. (около 97 млрд 975 млн долл.), а до 2025 года — более 9 трлн руб. для развития Дальневосточного региона[5]. Конкретные проекты таковы.

Основной из них, осуществляемый в целом ряде федеральных субъектов, — ремонт и модернизация БАМа и Транссибирской магистрали[6].

---

[3] Указ Президента РФ «О долгосрочной государственной экономической политике» от 5 июля 2012 года.

[4] Указ Президента РФ «О долгосрочной государственной экономической политике» от 5 июля 2012 года; Постановление Правительства РФ «О Министерстве Российской Федерации по развитию Дальнего Востока» от 30 июня 2012 года.

[5] «Дальний Восток готовят на близкое будущее» // Коммерсантъ, 7 сентября 2012 г.

[6] «Минвостокразвития направило ВЭБу список проектов по развитию ДФО» // РИА Новости, 13 ноября 2012 г.

Кроме того, заслуживает внимания перспектива соединения Транскорейской железной дороги с российскими железнодорожными путями. Отметим и проект по строительству моста, соединяющего остров Сахалин с материком. И, наконец, развитие аэропортовой инфраструктуры Дальнего Востока. При обнародовании перечня первоочередных инвестиционных проектов В.И. Ишаев подчеркнул: «Расширение сетей железных дорог придаст импульс развитию региональной экономики, повышению эффективности потенциальной перевозки груза, созданию самого кратчайшего коридора перевозки из Азии в Европу, а строительство моста, соединяющего Сахалин с материком, будет содействовать укреплению геополитического положения России»[7]. Помимо этого, в планах Министерства — развитие отдельных субъектов региона.

На высшем уровне осознание руководством страны важности и безотлагательности развития ее дальневосточных рубежей нашло отражение в заседании Государственного Совета в ноябре 2012 года[8]. Глава государства отметил безусловную важность всех программ развития регионов Дальнего Востока и Забайкалья. Задача правительства сводится к тому, чтобы реализация масштабного комплексного проекта создавала условия для роста и развития. При этом он подчеркнул необходимость не только привести уровень развития Дальнего Востока в соответствие с таковым в других субъектах РФ, но и в перспективе вывести его в число лидеров.

В рамках «Восточной газовой программы» планируется осваивать новые месторождения газа, строить новую систему его транспортировки на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Из центров газодобычи (включающих месторождения газа и соответствующие сооружения) Иркутской области, Красноярского края, Республики Саха (Якутия), Сахалинской области, Камчатского края планируется провести газопровод и увеличить объемы поставок сырья. Кроме того, планируется строительство крупномасштабных газо-химических заводов, заводов по сжиженному газу в Приморском крае, Республике Саха, Сахалинской области.

В конце марта 2013 года администрация В.В. Путина приняла комплексную государственную программу, включающую в себя и существующие федеральные целевые программы. Еще в декабре 2012 года президент в ежегодном послании к Федеральному Собранию подчеркнул, что в XXI веке развитие России будет во многом определяться успешностью освоения потенциала Дальнего Востока и Забайкалья, а также еще раз заявил о важности создания привлекательных условий для проживания и работы в этой части страны.

[8] Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 г.

В планах федеральных властей — увеличить поступления в бюджет на 4 трлн 900 млрд руб. к 2025 году и довести численность населения до 11 млн 800 тысяч человек с нынешних 10 млн 800 тысяч. Для этого предполагается повысить зарплаты на 25% от среднероссийского уровня. По расчетам специалистов, для увеличения объема регионального валового производства в 2,2 раза необходимо поддерживать ежегодные темпы роста на уровне 5,8%. Пока же Министерство экономического развития планирует темп экономического роста 2021–2025 годов в пределах 4,4%. Соответственно, если местной власти удастся достичь 5,8% роста, то можно говорить об успешной реализации планов превратить ДВФО в «ведущий экономический субъект».

В настоящее время российский парламент разрабатывает специальный закон, призванный законодательно обеспечить предоставление бизнесу государственной помощи, различных льгот, привилегий и преференций. Предположительно, закон будет принят до конца декабря 2013 года[9]. Правительство РФ рассматривает возможность осуществления целого комплекса мер, в числе которых: снижение налогов и оплаты коммунальных услуг, упрощение административных процедур и т.п. В конечном итоге все это нацелено на создание привлекательных условий ведения бизнеса и привлечение инвестиций. Руководство РФ понимает: успех в реализации задуманного в значительной степени будет зависеть от надлежащего законодательного оформления.

По своей масштабности и глубине программы, принятые нынешней российской администрацией, отличаются от предыдущих, прежде всего, тем, что предполагают гораздо более активную поддержку и пристальный контроль со стороны правительства. На Дальнем Востоке и в Забайкалье политическая, экономическая и социальная ситуация такова, что их развитие становится важнейшей и безотлагательной задачей. Инвестиционная программа правительства в 3 трлн 900 млрд руб., или почти 30% нынешнего годового бюджета, учреждение «Фонда развития Дальнего Востока и Забайкалья», Министерства по развитию Дальнего Востока, подготовка долгосрочной комплексной государственной программы, принятие соответствующих специальных законов — все это означает формирование системных механизмов подъема российских дальневосточных территорий. Это открывает новые возможности для сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Корея.

В контексте изложенного выше можно выделить направления сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Корея, способные содействовать реализации перспективных планов России по модернизации ее дальневосточных территорий.

---

[9] «Закон о развитии Дальнего Востока и Забайкалья изменят» // ИА REGNUM 30 января 2013 г.

Во-первых, необходимо расширить основу для деятельности южнокорейского бизнеса на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Во время двусторонней беседы, состоявшейся в сентябре 2012 года в рамках Владивостокского саммита АТЭС, главы наших государств согласовали вопросы о подписании безвизового соглашения, призванного расширить гуманитарные обмены, а также Соглашения о социальном обеспечении, предусматривающего снижение налоговой нагрузки предпринимателям двух стран. Нам предстоит в кратчайшие сроки реализовать эти договоренности, но и в будущем необходимо пристально изучить возможности реализации и других направлений сотрудничества. С учетом того, что Россия временно приостановила движение к подписанию Соглашения об экономическом партнерстве с Республикой Корея, можно было бы изучить возможности заключения аналогичного соглашения, но на более низком уровне, нацеленного на совершенствование таможенных процедур, расширение объемов инвестиций и их защите, регулирование миграции рабочей силы, наращивание сотрудничества в области энергетики и добычи морских ресурсов.

Во-вторых, в интересах сторон — расширить транспортно-логистические связи между Дальним Востоком России и Корейским полуостровом. Это предполагает активизацию сотрудничества в сфере развития железнодорожного сообщения, а также портовых хозяйств. В этом контексте особый интерес представляет соединение Транссибирской и Транскорейской магистралей. Соответственно, Москве и Сеулу желательно активнее работать на данном направлении, создать логистический центр между Хасаном и Раджином. Наряду с этим, необходимо активизировать мультимодальные транспортные проекты, предусматривающие совмещение морских перевозок из Пусана (или иных портов Восточного моря) до Раджина и наземных перевозок по Транссибирской магистрали. Такие действия могут иметь не только собственно экономический, но и политический эффект, внося весомый вклад в оздоровление обстановки на Корейском полуострове.

Отдельным направлением сотрудничества могло бы стать развитие аэропортовых хозяйств и воздушных перевозок ДВФО. Министерство по развитию Дальнего Востока планирует реализовать проекты по развитию воздушных перевозок в Республике Саха, по ремонту и развитию аэропорта в Магаданской области, по строительству аэровокзального комплекса на Сахалине и т.п. У Республики Корея уже есть опыт такого сотрудничества: корпорация «Инчхонский международный аэропорт» участвует в управлении аэропортом Хабаровска с 10%-долевым участием. На основе такого опыта можно было бы изучить возможности участия Республики Корея в работах по модернизации других аэропортов ДВФО.

В последнее время Россия проявляет большой интерес к освоению портов Тихого океана и Северного Ледовитого океана, рассматривая их в качестве плацдармов для Северного морского пути. В этой связи ресурсным направлением совместных усилий Москвы и Сеула могло бы стать учреждение «Российско-корейского Арктического центра сотрудничества» с участием правительств и бизнес-кругов двух стран.

В-третьих, перспективным направлением является и будет оставаться и впредь разработка и экспорт из России в Корею минеральных и энергетических ресурсов. В этой связи важно, чтобы российское правительство тщательно изучило и разработало инициативные меры, нацеленные на оптимизацию такого взаимодействия. Российскому руководству необходимо предусмотреть льготные условия при освоении ресурсов Дальнего Востока и Забайкалья и предложить вертикально комбинированный план по их добыче, обработке и экспорту. В настоящее время Россия уже готова предоставить налоговые льготы тем компаниям, которые вложат определенную сумму в освоении ресурсов. Одновременно необходимо создать кластер по добыче и обработке ресурсов при работах в крупных месторождениях. В рамках «Восточной газовой программы» во Владивостоке строится завод по производству СПГ с участием японского консорциума. Путем анализа форм участия японских компаний можно было бы изучить возможность строительства дополнительных заводов по выпуску сжиженного газа и иные формы участия в тех или иных проектах. В октябре 2012 года Президент РФ В.В. Путин, выступая на заседании «Комиссии по вопросам стратегии развития Топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности», подчеркнул важность отслеживания тенденции на мировом рынке сжиженного газа. Из-за кризиса на Корейском полуострове проект прокладки газопровода приостановлен, однако переговоры по данному вопросу должны быть продолжены.

Наконец, в-четвертых, сторонам необходимо провести переоценку эффективности существующих механизмов двустороннего сотрудничества и рассмотреть их альтернативные варианты. Актуальная задача — создание специализированной оперативной организации в качестве партнера Минвостокразвития, регулирующей процесс выхода капитала в субъекты ДВФО и оказывающей помощь по всему спектру экономических обменов. В настоящее время остается множество нерешенных проблем: недостаток информации по инвестиционному климату по регионам, поверхностный анализ правительственных планов, отсутствие планов совместного выхода в регионы, дублирование работ между ведомствами и т.д. Для решения указанных проблем необходимо добиться перемен административно-организационного характера. И задача Специализированной оперативной группы должна заключаться именно в том, чтобы системно анализировать программы дей-

ствия Министерства по развитию Дальнего Востока и внешнеэкономическую стратегию правительства РК, одновременно разработав мастер-план и программу пошаговых действий. Также в интересах Москвы и Сеула — повысить статус Российско-корейской совместной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, сделав их председателями не глав министерств и ведомств, а премьер-министров, а также сформировать Постоянный секретариат, назначением которого станет мониторинг реализации достигнутых договоренностей. Наконец, стороны могли бы изучить возможности создания «Российско-корейского Фонда по освоению регионов Дальнего Востока», призванного оказывать финансовую поддержку в деле расширения сотрудничества, включая выход корейских инвесторов в регионы Дальнего Востока и Забайкалья.

Практически общепризнанно и очевидно, что отношения между Республикой Корея и Российской Федерацией имеют значительный потенциал. Между тем, не менее очевидно и иное: этот потенциал нуждается во всестороннем развитии. Как представляется, рассмотренные выше направления могли бы придать новый импульс сотрудничеству между нашими странами, принося растущую выгоду каждой из них.

Фрэнк фон ХИППЕЛЬ (США)

СВЕДЕНИЕ К МИНИМУМУ ГЛОБАЛЬНЫХ ЗАПАСОВ ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ, ПРИГОДНЫХ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ОРУЖИЯ

Плутоний и высокообогащенный уран (ВОУ) являются необходимыми компонентами для создания ядерных вооружений. Так что сведение к минимуму количества этих «расщепляющихся» материалов во всем мире, а также числа мест их возможного нахождения, поможет сделать ядерное разоружение необратимым и уменьшит опасность как ядерного распространения, так и ядерного терроризма.

Во времена «холодной войны» Советский Союз и Соединенные Штаты производили ВОУ и плутоний в громаднейших объемах — вполне достаточных для более 30 000 боеголовок у каждой из этих стран. Сегодня у США около 5000 «действующих» боеголовок плюс «несколько тысяч» ожидающих демонтажа[1]. Скорее всего, Россия располагает сходным числом боеголовок.

За годы «холодной войны» Соединенные Штаты произвели около 850 т высокообогащенного урана[2]. Помимо этого, они произвели и приобрели около 110 т переработанного плутония[3].

Большое количество этих материалов признано избыточным для военных целей, и Россия с США совместно уже переработали около

---

[1] U.S. Department of Defense. «Increasing Transparency in the U.S. Nuclear Weapons Stockpile», Fact Sheet, 3 May 2010. (Министерство обороны США «Усиление транспарентности в запасах ядерных вооружений США». Таблица данных от 3 мая 2010 г.).

[2] U.S. Department of Energy, Highly Enriched Uranium: Striking a Balance: A Historical Report on the United States Highly Enriched Uranium Production, Acquisition, and Utilization Activities from 1945 through Sept. 30, 1996 (Министерство энергетики США «Высокообогащенный уран: Подведение итогов. Исторический доклад о производстве, приобретении и использовании высокообогащенного урана в США с 1945 года по 30 сентября 1996 года» (2001).

[3] U.S. Department of Energy, Plutonium: The First 50 Years: United States Plutonium Production, Acquisition, and Utilization from 1944 through 1994 (Министерство энергетики США «Плутоний: первые 50 лет. Производство, приобретение и использование плутония в США с 1944 по 1994 год» (1996).

Таблица[4]

	Россия	США	Остальные страны мира	Всего
Всего ВОУ (тонн)	700	600	90	~1200
ВОУ на 5000 боеголовок и топливо для ВМФ на 50 лет для России и США по отдельности и на 1000 боеголовок для остальных стран мира совокупно	175	225	25	~400
ВОУ, признанный избыточным для военных целей и гражданского применения	69	83	20	~200
Уничтоженный ВОУ	470	140	0	610
Всего плутония	180	90	230	~500
Плутоний на 5000 боеголовок для России и США по отдельности и на 1000 боеголовок для остальных стран мира совокупно	20	20	4	~50
Плутоний, признанный избыточным или переработанным для гражданского применения	90	50	210	350

600 т ВОУ в низкообогащенный уран для использования в качестве топлива для реакторов энергетических установок. В *табл.* приведены оценочные данные Международной экспертной группы по расщепляющимся материалам (МЭГРМ) о количестве ВОУ и переработанного плутония, которым обладают Россия, США и остальные страны мира по состоянию на 2013 год.

Потребности для ядерных вооружений

Для оснащения 5000 боеголовок как России, так и США необходимо всего по 125 т ВОУ и около 20 т плутония. Для запаса, достаточного, чтобы служить топливом для военно-морских реакторов в течение 50 лет, США потребовалось бы еще 100 т, а России — около 50 т. Если Россия и США объявят свои запасы ВОУ и плутония, превышающие эти потребности, избыточными, то в распоряжении каждой из этих стран по-прежнему останется материалов для ядерных вооружений,

[4] IPFM, Global Fissile Material Report 2013. (МЭГРМ «Доклад о расщепляющихся материалах во всем мире в 2013 году».) Данные по США основаны на обнародованных правительством США. Данные по России и остальным странам мира являются оценками МЭГРМ. Предполагается, что на одну боеголовку идет 25 кг ВОУ и 4 кг плутония. Предполагается также, что двигательные реакторы военно-морских сил России и США потребляют соответственно 2 и 1 т плутония в год.

пригодных для военного применения, значительно больше, чем совокупно у всех остальных стран мира.

Потребности для реакторного топлива

Большинство ядерных энергетических реакторов в качестве топлива используют низкообогащенный уран (НОУ, < 20% U-235), который не считается пригодным для создания оружия. Некоторые исследовательские, военно-морские и энергетические реакторы, однако, используют в качестве топлива ВОУ или плутоний, а следовательно, могли бы стать источниками материалов для распространения ядерного оружия и терроризма. По счастью, такого рода использование может быть значительно сокращено.

Исследовательские реакторы. На Сеульском саммите по ядерной безопасности 2012 года было достигнуто полное взаимопонимание того, что страны должны «принять меры для сведения к минимуму использования ВОУ, в том числе и посредством преобразования реакторов с использования в качестве топлива высокообогащенного урана на применение НОУ»[5]. Благодаря совместным усилиям Соединенных Штатов и России от применения ВОУ было избавлено 26 государств, не обладающих ядерным оружием[6]. 20 неядерных государств и все 9 стран, обладающих ядерным оружием, по-прежнему имеют в своем распоряжении от 1 и больше кг ВОУ.

До сих пор во всем мире насчитывается около сотни исследовательских реакторов, использующих ВОУ как топливо. Из них половина находится в России и 15% — в США[7]. Тот факт, что у Соединенных Штатов их меньше, чем у России, можно во многом объяснить тем, что Министерство энергетики США в настоящее время тратит по 1 млрд долл. в год на безопасность ядерных материалов[8]. На ядерные лаборатории США оказывается сильный нажим с целью сократить эти расходы, которые напрямую соперничают с их ассигнованиями на исследо-

---

[5] Communiquй from the 2012 Nuclear Security Summit, Seoul, 27 March 2013 (Коммюнике Саммита по ядерной безопасности, Сеул, 27 марта 2013 г.).

[6] Global Threat Reduction Initiative, «GTRI: Removing Vulnerable Civilian Nuclear and Radiological Material», Fact Sheet, 12 April 2013 (Инициатива по уменьшению глобальной угрозы /ИУГУ/ «ИУГУ: Изъятие уязвимых гражданских ядерных и радиоактивных материалов», Таблица данных, 12 апреля 2013 г.). В дополнение к перечисленным в Таблице странам Грузия, Ирак и совсем недавно Вьетнам также избавлены от таких материалов.

[7] URL: http://www.fissilematerials.org/facilities/research_and_isotope_production_reactors.html

[8] U.S. Department of Energy Fiscal year 2014 Congressional Budget Request (Министерство энергетики США, «Бюджетный запрос Конгрессу на 2014 финансовый год») Vol. 1.— P. WA-272, 343; DN-159, Vol. 3. — P. NE-95.

вания. В результате Соединенные Штаты сократили число работающих на ВОУ импульсных реакторов до двух (вскоре до одного), в то время как у России их все еще 15. К тому же Соединенные Штаты избавили от ВОУ и плутония две из трех своих ядерных лабораторий (в Ливерморе и Сандии) и перевели все, кроме одной, важнейшие установки, использующие в качестве топлива ВОУ и плутоний, в одно место на Невадском испытательном полигоне с повышенным уровнем безопасности.

Военно-морские реакторы. США, Россия, Великобритания, Индия — все используют топливо на основе ВОУ в своих военно-морских двигательных реакторах. США используют в виде топлива военно-морских реакторов в среднем около 2 т оружейного урана в год. Таким образом, 152 тонн ВОУ, являющихся резервом Соединенных Штатов на будущее применение в военно-морских реакторах, хватит примерно на 75 лет.

Военно-морской топливный резерв ВОУ Соединенных Штатов к тому же оказался бы достаточен для примерно 6000 боеголовок. Россия открыто не заявляла об отдельных запасах ВОУ для будущих потребностей военно-морских реакторов, но и они, скорее всего, окажутся велики. Такие крупные запасы могли бы стать предметом будущих переговоров по более существенным сокращениям числа ядерных боеголовок.

Самую крупную из известных краж ВОУ (сотни килограмм) осуществили в 1960-е годы израильские агенты с завода по производству топлива для военно-морских сил США[9]. Поскольку эта кража держалась в секрете, уроков из нее не извлекли.

Использовать в военно-морских реакторах топливо на основе ВОУ нет необходимости. Франция перешла на шестипроцентный обогащенный уран для своих будущих военно-морских реакторов, одновременно увеличив срок замены топлива до десяти лет[10]. Китай, как полагают, тоже применяет для своих военно-морских реакторов топливо на НОУ. Обе эти страны, по-видимому, уже сделали свой выбор — в отличие от России и Соединенных Штатов у них нет громадных запасов избыточного ВОУ. Бразилия, первая неядерная страна, создающая прототип военно-морского реактора, изначально и сейчас использует НОУ, однако она не дала никаких обязательств поступать так же и в долгосрочной перспективе. Использование ВОУ для топлива военно-

[9] *Gilinsky V., Mattson R.J.* Revisiting the NUMEC affair (*Гилинский В., Мэттсон Р. Дж.* Пересматривая дело Корпорации ядерных материалов и оборудования) // Bulletin of the Atomic Scientists, March-April 2010. — P. 61.

[10] France's Future SSNs: The Barracuda Class (Будущие ядерные корабли Франции класса «Барракуда») // Defense Industry Daily, 21 Dec. 2011.

морских реакторов государствами, не обладающими ядерным оружием, предоставило бы им возможность таким оружием завладеть.

Конгресс Соединенных Штатов уже запросил Управление военно-морских реакторов министерства энергетики США рассмотреть вопрос об использовании топлива на НОУ для военно-морских двигательных реакторов. Одно из осложнений состоит в том, что ядерный военный флот США перешел на «пожизненные» стержни для реакторов — топливо, которое прослужит около 40 лет. В 1995 году Управление военно-морских реакторов пришло к выводу, что технически осуществимо создание реактора на НОУ с пожизненным стержнем, однако такой стержень оказался бы втрое крупнее, чем на оружейном уране, и стоил бы дороже[11]. Конгресс не проявил желания оказать давление на сопротивляющийся ВМФ в вопросе о топливе на НОУ. Автор данной статьи входит в небольшую группу независимых аналитиков, продолжающих настаивать на этом.

Первые ядерные подводные лодки и корабли Советского Союза использовали топливо на основе урана, обогащенного на 21 и менее процентов, и даже сегодня Россия по большой части применяет для топлива уран, обогащенный на 45 и менее процентов, тогда как Соединенные Штаты всегда применяли уран, обогащенный до более 90% U-235. Россия к тому же не перешла на пожизненные стержни. Таким образом, России было бы сравнительно легко перейти на НОУ. В России уже разработаны реакторы для следующего атомного ледокола, и прототипом для него служит плавучая атомная электростанция с использованием топлива на НОУ[12].

Энергетические реакторы. В 1960-е годы Соединенные Штаты, Россия, Франция, Германия, Япония и Великобритания запустили крупные программы по созданию плутониевого реактора на быстрых нейтронах, охлаждаемого жидким натрием, который, как ожидалось, к началу 1990-х годов заменит реакторы с водяным охлаждением. Преимущество плутониевых реакторов на быстрых нейтронах в том, что, используя в качестве топлива уран-238 (99,3% природного урана), он в результате цепной реакции превращает его в плутоний. Реакторы нынешнего поколения эффективно используют только незначительный изотоп урана, U-235.

---

[11] Director, Naval Nuclear Propulsion, Report on the use of low enriched uranium in naval nuclear propulsion (Директор программы ВМС США по военно-морским ядерным двигательным установкам, «Доклад о применении низкообогащенного урана в военно-морских ядерных двигательных установках» (1995).

[12] Small nuclear reactors for power and icebreaking (Малые ядерные реакторы для энергетики и ледоколов) // World Nuclear News, 7 Oct. 2011; Status of small and medium sized reactor designs // IAEA, 2011 («Состояние разработок реакторов малого и среднего размера» (МАГАТЭ, 2011). — P. 13.

Натрий горит при соприкосновении с воздухом или водой. Следовательно, необходимы дополнительные дорогостоящие доработки, позволяющие менять топливо в таких реакторах и поддерживать их работу, предохраняя жидкий натрий от соприкосновения с воздухом. Большинство опытных реакторов на быстрых нейтронах оказались значительно более дорогими, чем реакторы нынешнего поколения, и большая их часть надолго выводилась из действия из-за проблем, вызванных утечкой натрия. Сегодня только Россия и Индия строят новые опытные реакторы на быстрых нейтронах[13].

Не успели преследующие коммерческие цели программы реактора на быстрых нейтронах потерпеть провал или оказаться замороженными, как ряд стран приступили к «переработке» отработавшего топлива своих реакторов с водяным охлаждением, с тем чтобы выделить плутоний и создать загрузочное топливо для ожидавшихся реакторов на быстрых нейтронах. Поскольку плутоний является материалом ядерного оружия, это открыло возможности неядерным государствам, занявшимся переработкой, к обретению такого оружия. В 1974 году Индия использовала первый плутоний, сепарированный в рамках программы реактора на быстрых нейтронах, для испытания ядерного взрывного устройства. После чего Соединенные Штаты попытались помешать распространению переработки в неядерных странах. Сегодня Япония — единственная неядерная страна, которая перерабатывает топливо, однако Южная Корея требует для себя такого же права в ходе переговоров о новом соглашении по сотрудничеству в ядерной области с Соединенными Штатами[14].

Первоначально запущенные программы по выделению плутония для топлива реакторов на быстрых нейтронах привели к созданию больших запасов сепарированного плутония. Сегодня запас сепарированного плутония для гражданских целей составляет около 260 т — достаточно для более чем 30 000 единиц ядерного оружия типа примененного в Нагасаки[15]. Этот плутоний хранится, главным образом, в четырех странах: Великобритании, Франции, России и Японии. При отсутствии реакторов на быстрых нейтронах Франция более десяти лет перерабатывала большую часть сепарированного плутония в топливо для нынешнего поколения реакторов с водяным охлаждением. Япония предпринимала попытки делать то же самое, однако сопротивле-

[13] Fast Breeder Reactor Programs: History and Status // IPFM (Программы создания реакторов на быстрых нейтронах: история и состояние // МАГАТЭ, 2010).

[14] *von Hippel F.* South Korean Reprocessing: An Unnecessary Threat to the Nonproliferation Regime (*фон Хиппел Ф.* Южнокорейская переработка: ненужная угроза режиму нераспространения) // Arms Control Today, March 2010.

[15] Обычно плутоний, извлеченный из топлива энергетического реактора, не является оружейным, но он применим для создания оружия.

ние общественности ограничило уровень переработки сепарированного плутония, который достигал примерно пяти процентов. Великобритания надеется обратить свои 100 т сепарированного плутония в реакторное топливо, но в настоящее время у нее один-единственный водоохлаждаемый реактор, способный облучить около полутонны плутония в год. Россия, которая по-прежнему работает над усовершенствованием реактора на быстрых нейтронах и имеет программу создания опытного образца, сохраняет для этих целей сепарированный гражданский и избыточный оружейный плутоний.

Сепарация и переработка плутония в реакторах с водяным охлаждением сокращает их потребности в уране всего на 15–25% и значительно повышает стоимость ядерной энергии. Переработка плутония в реакторе на быстрых нейтронах с охлаждением жидким натрием намного уменьшили бы потребности в уране. На уран сегодня, вместе с тем, приходится всего лишь около трех процентов стоимости электрической энергии, вырабатываемой новой ядерной энергетической установкой. Существенные экономические выгоды от реакторов на быстрых нейтронах лежат, наверное, в будущем, отдаленном, по меньшей мере, на век.

Выводы

Общего количества высокообогащенного урана и плутония в мире достаточно для порядка 100 000 единиц ядерного оружия. Общее число реально находящихся в боевой готовности ядерных боеголовок снижено до 10 000 и, будем надеяться, продолжит уменьшаться. Следовательно, около девяноста процентов мировых запасов ВОУ и плутония не нужны для создания вооружений, и кое-какой избыток в настоящее время уничтожается. Могло бы больше.

Ценность уничтожения избыточных запасов оружейного урана и плутония для придания ядерным сокращениям более необратимого характера понималась Россией и США еще в 1990-е годы.

Важность перевода исследовательских реакторов с топлива на ВОУ на топливо на НОУ для сокращения риска ядерного терроризма была осознана после того, как 11 сентября 2001 года террористы убили тысячи людей в Соединенных Штатах.

Опасность того, что плутоний, сепарированный для гражданских целей, может быть использован для создания оружия, была осознана после того, как в 1974 году Индия произвела ядерное испытание.

Так что минимизация запасов ВОУ и плутония — это общий знаменатель политики, поддерживающей ядерное разоружение и предотвращающей распространение ядерного оружия и терроризм.

Эльдар КАСАЕВ

СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ И ТУРЦИИ

В последние годы активный политический диалог Москвы и Анкары является прочной основой развития их эффективного торгового и инвестиционного сотрудничества.

Начиная с 2004 года прошло более 30 встреч между президентами и премьерами России и Турции. В 2012 году состоялись визиты турецкого премьер-министра Реджепа Тайипа Эрдогана в Москву, а также российского президента Владимира Путина в Стамбул.

В ходе 12-го заседания Смешанной Российско-турецкой межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству (18–20 апреля этого года) особое внимание было уделено перспективным целям экономического партнерства двух стран в различных областях. Достичь их стороны намерены посредством реализации различных государственных стратегий и программ, рассчитанных на средне- и долгосрочный период.

Товарооборот и инвестиции

По данным турецкой статистики, в 2012 году взаимная торговля между странами составила более 33 млрд долл. Тем не менее, даже этот показатель не позволяет в полной мере рассчитывать на то, что запланированный властями России и Турции объем товарооборота в размере 100 млрд долл. будет достигнут к 2015 году (скорее всего, для этого потребуется еще, как минимум, 5–7 лет).

Основной причиной, по которой этого тяжело будет достичь в пятилетний срок, является особенность взаимной торговли на нынешнем этапе: ее несбалансированность по объемам и по структуре.

Дисбаланс в пользу российской стороны туркам в определенной степени удается компенсировать доходами от туризма, «челночной» торговли, денежными переводами от своих граждан, а также турецких строительных и других фирм, работающих в России (по экспертным оценкам — около 4–5 млрд долл.).

Помимо этого, существуют другие проблемы в области двусторонней торговли. Например, турецкая сторона в нарушение международных правил и норм в области специальных защитных мер, а также имеющихся двусторонних договоренностей регулярно вводит заградительные пошлины против ряда российских товаров (в частности, плоского стекла), поставляемых на турецкий рынок.

Вызывают беспокойство и осуществляемые сегодня посредством карго-перевозок (то есть крупнотоннажных контейнерных перевозок, для которых таможенное декларирование товаров осуществляется за 1 кг веса, а не по фактической номенклатуре изделий и их стоимости) поставки в Россию. Это вполне способно создать благоприятные условия для нелегального ввоза на российскую территорию товаров из Турции по заниженной стоимости и, соответственно, отличающихся низким уровнем качества.

В российском экспорте доминируют энергоносители (в том числе природный газ, нефть, нефтепродукты, уголь), черные и цветные металлы и изделия из них, а также продукция лесной, нефтехимической, целлюлозно-бумажной промышленности, зерно.

Совокупно энергоносители составляют более 70% российского экспорта в Турцию.

Основными компаниями-поставщиками являются «Газпром», «Лукойл», «Роснефть», «Татнефть», «Сибнефть», «Норильский никель», «Северсталь», «Сибирский алюминий», «Нижнекамскнефтехим», «Сургутнефтегаз», «Магнитогорский металлургический комбинат», «Алмазы Якутии».

В российском импорте из Турции основное место занимают продовольствие, текстиль, оборудование, транспортные средства.

Говоря об основе турецкого экспорта в Россию — продуктах питания, следует отметить, что в связи со стабилизацией ситуации в Турции по гриппу птиц Россельхознадзором с 1 февраля 2010 года отменены временные ограничения на ввоз в Россию с территории Турции мяса птицы и всех видов птицеводческой продукции. Турция как государство-пользователь российской национальной схемы преференций для развивающихся стран имеет возможность поставлять свою продукцию как в рамках, так и вне квоты по преференциальной ставке ввозной пошлины, составляющей 75% от ставки, установленной Единым таможенным тарифом Таможенного союза.

Возрастающий объем взаимопоставляемых грузов требует модернизации и дальнейшего развития транспортной инфраструктуры. Для этого сторонами ведется работа по организации смешанного международного железнодорожно-паромного сообщения.

В 2012 году я беседовал с заместителем советника по торговле Посольства Турции в Москве Муратом Несимоглу, который, характе-

ризуя сегодняшние экономические связи двух стран, особо отметил значимость подрядных и субподрядных услуг, оказываемых турецкими гражданами, для дальнейшего роста показателей товарооборота.

Развивая эту мысль, следует заметить, что в последнее время Турция стремительно прогрессирует в названной области. По заявлению министра экономики Турции Зафера Чаглаяна, в 2012 году турецкие подрядные фирмы выполнили проекты общей стоимостью более 26 млрд долл., что является рекордом государственной экономики.

Турецкие строительные фирмы уже зарекомендовали себя как добротные и честные подрядчики, ведущие свою деятельность во многих регионах России. Эти компании широко представлены в жилищном строительстве, объектах промышленности и инфраструктуры России. Начиная с 2000 года ими построено и сдано в эксплуатацию более 600 объектов, включая 50 высокотехнологичных предприятий, наиболее значительными из которых являются электростанции «Терешково» и «Кожуково» с газотурбинными блоками (холдинг «Зорлу»), а также «Яйвинская» (Энка»).

Консорциумом в составе турецкой компании «Гамма» и американской «Дженерал Электрик» ведется строительство двух электростанций в Сургуте и получен заказ на строительство энергоблока в Шатуре.

Примечательно, что в частичном финансировании строительства некоторых объектов участвовали расположенные в России отделения семи турецких банков. Так, при их поддержке возводились заводы по производству холодильников, телевизоров, стиральных машин и другой бытовой техники, деталей для автомобилей, текстиля, сантехники, бытовой химии, продовольствия, строительных материалов, а также гостиницы, торговые и деловые центры, предприятия бытового обслуживания.

В обозримой перспективе запланирована реализация проектов по строительству заводов по производству стеклотары в Новосибирске и Краснодарском крае (суммарный объем инвестиций составляет около 200 млн евро), ковров и ковровых изделий в Ростове-на-Дону, сборке сельхозтехники в Краснодарском крае, а также металлургического завода в Ростовской области (130 млн долл.).

По информации Мурата Насимоглу, сегодня в России работает около 2 тыс. турецких фирм и организаций, в которых трудятся более 100 тыс. турецких граждан — квалифицированные рабочие, техники, инженеры, управленцы. Кроме того, более 300 компаний имеют представительства в Москве. Все это свидетельствует о благоприятных условиях, созданных на российском рынке для предпринимателей из Турции, которые уже ведут ряд строительных проектов для проведения Олимпийских игр в Сочи.

В свою очередь, российских строительных подрядных организаций в Турции гораздо меньше, а общий объем выполненных ими работ оце-

нивается примерно в 400 млн долл. Однако сегодня сторонами разрабатываются новые проекты, чтобы исправить эту ситуацию.

Турецкий собеседник также отметил инвестиционное партнерство как одно из наиболее динамично развивающихся направлений двусторонних внешнеэкономических связей.

Примечательно, что если до недавних пор российские инвестиции направлялись, главным образом, в уставный капитал малых и средних предприятий сферы услуг, то в настоящее время наметилась тенденция расширения направлений инвестиционного сотрудничества с Турцией — появились такие области сотрудничества, как мобильная связь, топливно-энергетическая сфера и черная металлургия.

Россия пока уступает Западу по объему инвестирования в турецкую экономику. Основная доля притока ПИИ поступает в Турцию из Европейского союза и Северной Америки.

Однако, по данным Торгового представительства Турции в Москве, между Россией и Турцией растут взаимные прямые иностранные инвестиции, объем которых на начало 2012 года оценивался в размере 14 млрд долл. При этом практически не поддаются учету инвестиции во многие совместные предприятия и предприятия, взятые турками в долгосрочную аренду, поскольку эти инвестиции, направленные на модернизацию и улучшение работы этих структур, осуществляются путем приобретения оборудования и материалов на российском рынке.

Накопленными и поступившими инвестициями Турция демонстрирует определенное доверие к российской экономике в целом и к ее отдельным регионам, в частности. Например, по объему накопленных инвестиций во Владимирской области Турция занимает 2-е место после Германии. По итогам 2010, 2011 и 2012 годов Турция заняла 1-е место среди прочих стран по объему инвестиций, вложенных в хозяйство названного субъекта России (в 2010 году — 224,4 млн долл., или 29,3% общего объема иностранных инвестиций; в 2011 году — 121,4 млн долл., или 23,4%; в 2012 году — 198 млн долл., или 26,3%).

Наиболее активными инвесторами в российскую экономику являются такие турецкие компании, как «Пашабахче», «Анадолу Джям Санаи — Русджям», «Эфес Пилсен», «Энка», «Вестель», «Беко», «Эста Групп», «Ежа Серель», «Эвяп», «Витра».

Наряду с продолжением поставок энергоносителей (газ, нефть и нефтепродукты, уголь), рассматриваются перспективы реализации ряда совместных проектов по транспортировке российского «голубого топлива» через Турцию на мировые рынки. Ведется работа над проектом строительства газопровода «Южный поток». Сторонам удалось договориться о прохождении трассы газопровода в исключительной экономической зоне Турции, но турецкое участие в строительстве магистрали не планируется.

Кроме того, продолжается изучение возможности расширения взаимодействия «Газпрома» и турецких компаний по развитию газотранспортной инфраструктуры Турции, включая перспективы реализации проекта «Голубой поток-2», который предусматривает строительство новой нитки газопровода параллельно с «Голубым потоком».

«Голубой поток» был построен после достижения договоренности с турецкой стороной об объеме и стоимости поставок сырья в течение 25 лет. Однако затем в процессе реализации проекта, переоценив потребности собственного рынка в природном газе, турки в одностороннем порядке снизили законтрактованные импортные объемы и соответственно выплаты российской стороне, что серьезно увеличило сроки окупаемости столь капиталоемкого проекта.

Несмотря на то, что магистраль загружена лишь на 60%, Турция проявляет интерес к строительству ее второй ветки.

Продолжая рассуждения о транспортных сетях для поставок углеводородов, стоит напомнить о разногласиях, наметившихся в отношении нефтепровода «Самсун — Джейхан», соглашение о строительстве которого было подписано сторонами в 2009 году.

Согласно заявлению министра энергетики России Александра Новака, реализация этого проекта до сих пор находится в подвешенном состоянии, так как российские компании в 2011 году направили турецкой стороне соответствующие предложения по улучшению строительства нефтепровода протяженностью 550 км, но ответа не получили.

Министр подчеркнул, что существует разногласие между сторонами о тарифе на транспортировку сырья: в российских расчетах использовалась стоимость около 55 долл. за т, а в турецких — примерно 77 долл. за т.

По моему мнению, «молчание» турецкой стороны обусловлено вовсе не отсутствием понимания высокой экономической значимости этой магистрали для реализации давней идеи создания в Турции некоего нефтегазового хаба — пункта распределения углеводородных потоков для всей Европы, а, скорее, политическими соображениями.

В частности, Анкара не разделяет позицию Москвы касательно ситуации в Сирии, а, как известно, сирийский фактор (прежде всего, вопрос курдов) традиционно является одним из приоритетных направлений турецкой внешней политики.

Сегодня нет и малой толики сомнения в серьезной нацеленности Турции «подмять по себя» многие действующие и перспективные энергетические проекты в регионе Ближнего Востока, став буквально монопольным транзитером и регулятором поставок углеводородного сырья в европейские страны.

Существуют, по меньшей мере, два направления, по которым Турция пытается взять на себя ключевую роль: экспорт/поставка нефти

на международный рынок, обеспечение ЕС ближневосточным и каспийско-центральноазиатским природным газом.

Сегодня в Турции вкладываются крупные средства в усиление нефтеперерабатывающих мощностей. Так, в планах турецких властей — через несколько лет качественно повысить текущие возможности в обозначенной области, повысив мощность нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) в Джейхане, что позволит ему обеспечить, согласно некоторым подсчетам, около 5,5% транспортировки всей мировой нефти.

Похоже, что Анкара действительно настроена действовать по принципу «ни шагу назад». В 2008 году внешнеполитическое ведомство Турции посвятило целый доклад национальной энергетической стратегии, в котором отчетливо сказано, что посредством превращения страны в международный энергетический узел ее власти стремятся обеспечить должное присутствие Анкары в глобальном механизме принятия решений.

Надо сказать, что благоприятная почва и серьезные предпосылки для этого есть: нефтепровод «Баку — Тбилиси — Джейхан» и газопроводы «Баку — Тбилиси — Эрзурум» и «Турция — Греция», прежде всего, призваны обслуживать международные проекты.

Более того, существуют факторы, позволяющие в перспективе ожидать усиления роли Турции в качестве государства-посредника. Во многом эти перспективы связаны с газовой отраслью.

Несмотря на то, что газопровод «Тебриз — Анкара», ежегодно обеспечивающий турецкую сторону в среднем 7,5 млрд куб. м иранского топлива, функционирует с 2001 года, сегодня ведутся переговоры по вопросу строительства нового ирано-турецкого газопровода. По заявлению Анкары, она готова вложить около 12 млрд долл. в добычу газа на 22-м, 23-м и 24-м участках крупнейшего иранского месторождения «Южный Парс» и строительство газопровода, соединяющего иранский порт Асалуе с турецким населенным пунктом Базарган, протяженностью 1,85 тыс. км.

С учетом сегодняшней политической конъюнктуры и расстановки сил на международной арене турецкой стороне, чтобы реализовать задуманное, стоит не только полагаться на собственные реальные и потенциальные активы и возможности, но также вести тонкий энергетический диалог с мировыми центрами силы, особое место среди которых по праву отводится России.

Несмотря на ярко выраженную сырьевую направленность интересов России на турецком рынке, Турция, в свою очередь, стремится к масштабной диверсификации собственного экспорта в Россию. Это подтверждает факт того, что в экспортной стратегии Турции, рассчитанной до 2023 года, Россия стала единственным государством, рынок которого определен в качестве целевого для сбыта всех групп турецких товаров.

На пути к интенсификации своего экспорта в Россию Турция активно ведет работу над упрощением таможенного режима для ввоза своих товаров, а также для легализации в России турецкой рабочей силы.

Что касается экономического интереса России, то он по-прежнему сфокусирован на ТЭКе, а также на проектах в гидроэнергетике и атомной энергетике.

В ходе официального визита Президента России Д.А. Медведева в Турцию в 2010 году было подписано соглашение между правительствами двух стран о сотрудничестве в сфере строительства и эксплуатации атомной электростанции на площадке «Аккую». Сейчас проводится активная подготовительная работа по реализации данного проекта. Общие инвестиции в строительство составляют около 20 млрд долл. Пуск первого из четырех блоков станции запланирован на 2018 год.

Сценарии

Интерес России к турецкому рынку ограничивается лишь масштабными проектами, дивиденды от которых могут быть получены лишь в долгосрочной перспективе (например, строительство атомной электростанции «Аккую» и прокладка углеводородных магистралей через турецкую территорию).

Может случиться ситуация, при которой Москва вообще не получит ожидаемой отдачи. Ведь Анкара вполне способна переориентироваться с одного проекта на другой, исходя из собственных геополитических и экономических интересов. Достаточно вспомнить историю с газопроводом «Набукко», который был ничем иным, как визави «Южному потоку». В российских интересах значилось развитие последней магистрали, а первая была важна Европе и США, которые на протяжении долгого времени пытаются ослабить мощь российских «энергетических мышц». Первоначально Турция, выступая на стороне Запада, активно лоббировала продвижение «Набукко», что всерьез настораживало Москву. Однако через некоторое время, поняв крайне низкую рентабельность этого некогда одного из самых популярных проектов последних лет, перешла на сторону России и присоединилась к другому проекту.

В декабре 2011 года в Москве было подписано соглашение, разрешающее прокладку «Южного потока» через исключительную экономическую зону Турции в Черном море. В свою очередь, Россия снизила цены на природный газ, который покупает Турция в рамках контрактов «бери или плати». В 2013 году Анкара приобретет дополнительно 3 млрд куб. м невостребованного сырья из уже существующего газопровода.

Заключив вышеупомянутое соглашение, Турция улучшила свои перспективы стать важным транзитным узлом Европы и Азии, а с другой — смогла обеспечить более благоприятные условия выплаты своих задолженностей по природному газу.

Для существенной активизации торговых показателей российской стороне необходимо разработать долгосрочную экспортную стратегию, ориентированную на турецкий рынок. Такая стратегия есть у Анкары, что является ее существенным преимуществом, так как с помощью этой государственной программы возможно кратно увеличить отдачу от взаимной торговли.

Пока Россия будет делать ставку лишь на масштабные проекты с турецкой стороной и ожидать возвращения крупных инвестиций, забывая о мелких и средних фирмах, которые могли бы проявить себя на турецком рынке, полноценного результата от взаимных связей не будет. Ведь двусторонние или многосторонние сырьевые сделки вполне могут быть нереализованными, поскольку напрямую зависят от политической конъюнктуры, которая может стремительно меняться. Мелкое и среднее предпринимательство не так зависит от внешнеполитической ситуации, так как в нем преобладает частный капитал, но определенная господдержка ему не помешает.

Вообще, декларированное стратегическое партнерство двух стран будет еще более прочным, если стороны примут во внимание имеющиеся проблемы и постараются их нивелировать.

Как представляется, несмотря на подписанную программу совместного сотрудничества до 2015 года, фактическое российское участие на турецком рынке вряд ли будет расширено за счет поставок альтернативной углеводородам продукции, поскольку «сырьевое проклятие» все еще сильно опутывает российское хозяйство. Это, естественно, не самым лучшим образом сказывается на разнообразии и диверсификации внешнеэкономических предложений.

В свою очередь, турецкая сторона постарается выжать максимум из этого документа, чтобы создать хороший задел для успешной реализации своей долгосрочной экспортной стратегии на российском векторе, который является для Анкары приоритетным.

Скорее всего, Турция продолжит вести взвешенную внешнюю политику, которая будет тесно переплетена с прагматичными экономическими интересами. Это необходимо учитывать российской стороне, особенно в вопросах, имеющих важное значение для ее собственного развития.

Москва будет и дальше оставаться для Турции одновременно и визави, и торговым партнером, но при политико-экономических катаклизмах баланс этих ролей может быть нарушен в ту или иную сторону.

Остановиться на каком-либо одном варианте развития отношений двух государств, а остальные проигнорировать было бы ошибочным и рискованным, ведь сегодня ситуация в Европе и Азии малопрогнозируема на длительный промежуток времени.

Сергей ДЕМИДЕНКО

ГОРА РОДИЛА МЫШЬ-2

(Еще раз к вопросу о международной обстановке вокруг Сирии)

Итак, гора вновь родила мышь. Причем дважды. Сначала, когда весь мир замер в ожидании начала военной операции против Сирии, а второй раз, когда обсуждалась резолюция Совета Безопасности ООН, обещавшая обрушить на голову Башара Асада очередную порцию казней египетских. Однако, как и во всех предыдущих случаях, вся мощь паровой машины НАТО ушла в долгий и печальный свисток. Печальный для кого? Думается, что для радикальной сирийской оппозиции и ее спонсоров из Эр-Рияда и Дохи. Вашингтон окончательно дал понять саудовцам, что вмешиваться в сирийский конфликт на их условиях он не собирается.

При этом экспертное сообщество всего мира было введено в абсолютное заблуждение. Наиболее здравомыслящая его часть полагала, что американцы организуют какую-нибудь небольшую, незатратную, скоротечную операцию с целью поиграть мускулами и продемонстрировать миру свою решительность в борьбе с «дамасским мясником» (при этом, чтобы сам «мясник» пострадал как можно меньше). Что-то вроде операции «Каньон «Эльдорадо» 1986 года против режима Муаммара Каддафи. Тогда было нанесено несколько ракетных ударов по президентскому дворцу и ряду военных объектов на территории Ливии. Серьезного материального ущерба та операция Джамахирии не нанесла, однако морально-психологический эффект был значительным. Словом, мы (а к этой компании относился и ваш покорный слуга) рассуждали так. Американцы не желают влезать в Сирию, дабы не усиливать правящих бал в оппозиционном лагере исламских экстремистов. Однако под давлением европейских и арабских союзников Белый дом, видимо, решил организовать громкую, но бессмысленную военную акцию, чтобы, во-первых, поддержать имидж защитника демократии, а во-вторых, заткнуть рот назойливым арабам. Другая часть экспертного сообщества «точно знала», что решение об операции

принято (назывались даже сроки начала и конца операции), а режим будет свергнут.

В результате в дураках оказались как первые, так и вторые. Единственное, что можем записать в актив себе мы (то есть «здравомыслящие»), так это то, что мир в очередной раз убедился в истинности утверждения — США не хотят ввязываться в сирийский конфликт и им наплевать на страдания народа по обеим сторонам баррикады (ответ тем, кто все еще считает Запад воплощением борьбы за глобальную свободу). Но здесь, как говорится, ничего личного.

Уже в процессе той информационной войны, которую затеяли США против Дамаска после сообщений канала «Аль-Арабия» (политику данного ресурса направляют из Эр-Рияда) о химической атаке в Восточной Гуте 21 августа 2013 года, истинные намерения американцев отчасти, но просматривались. Так, 10 сентября государственный секретарь США Джон Керри заявил, что его страна не будет воевать, и вообще собирается предпринять лишь «невероятно ограниченные усилия» по давлению на дамасский режим[1]. Однако это высказывание прозвучало на фоне дискуссий в Конгрессе относительно возможности одобрения военной операции против Сирии, и значения ему не придали. В целом американский президент, фактически официально обвинив Дамаск в организации химической атаки в Гуте, затеял очень рискованную для своего имиджа игру.

Жесткая риторика вроде бы не оставляла Б. Обаме никакого иного выбора, кроме извечной «войны до победного конца». Однако пресса, обращая внимание на яркие обвинительные высказывания американского лидера, не уделяла должного внимания заявлениям сопутствующим, к которым, в частности, относили и слова о необходимости испросить разрешение на проведение операции у «американского народа». Казалось, весь этот словесный гарнир нужен президенту лишь для того, чтобы придать своим речам необходимую идеологическую завершенность. Однако именно «гарнир» оказался намного вкуснее и важнее основного блюда, и Обама действительно обратился к американским парламентариям, предлагая им принять резолюцию, одобряющую некие силовые действия в отношении САР.

По состоянию на сентябрь 2013 года большинство конгрессменов (даже те, кто голосовал в свое время за вторжение в Ирак) были против агрессивных «планов» администрации.

Серьезная оппозиция сформировалась в стране республиканцев. Так, конгрессмен Уильям Флорес (Техас) склонялся к тому, чтобы отвергнуть инициативу Обамы, поминая при этом печальный ливийский прецедент, а его коллега от Арканзаса Рик Кроуфорд заявлял,

[1] The Daily Telegraph. 10 September 2013.

что в его офисе только за два дня раздалось более пяти сотен телефонных звонков избирателей, 99,9% которых высказывались против военной акции в Сирии. В целом нежелание голосовать в поддержку «военной резолюции» высказал и представитель от Джорджии Джек Кингстон, который отметил общую неуспешность американской политики на Ближнем и Среднем Востоке за последние 10 лет, а также неясные перспективы «арабской весны»[2].

Что касается демократов, то среди них противников операции было еще больше. Адам Шифт (Калифорния), поддержавший в начале 2000-х годов иракскую авантюру Дж. Буша, заявил, что США не должны действовать в Сирии без согласия мирового сообщества, дабы не втянуться в кровавый и опасный конфликт в стране, имеющей целый комплекс трудноразрешимых этноконфессиональных противоречий. Представитель Вирджинии Джеймс Морган отметил, что две трети демократов в Палате представителей либо вообще не имеют никакого мнения относительно Сирии, либо высказываются против операции.

Единственным последовательным сторонником военной акции является одиозный сенатор Джон Маккейн (Аризона). Однако и у него нашлись оппоненты, причем в стане его же собственных избирателей. Так, во время одного из публичных выступлений Маккейна, посвященного сирийской проблеме, некая женщина, назвавшая себя последовательной сторонницей сенатора, напомнила ему, что, прежде чем начинать войну, нужно поинтересоваться мнением большинства американцев, которые «не хотят идти туда»[3].

Эмоциональные высказывания анонимной американки как нельзя лучше подтверждались и социологическими исследованиями. Так, 2 сентября 2013 года программа «Вести» со ссылкой на агентство Reuters привела следующие данные опросов населения США: за войну против Сирии высказались 9% населения, против 60%, не имели мнения по этому вопросу 31%[4].

При этом очень важно иметь в виду, что в заявлениях американской администрации относительно силовой акции против Сирии не говорилось о масштабном вторжении, а только лишь об ограниченной военно-воздушной операции. Именно таким вот образом Обама формулировал перед Конгрессом проблему — можно ли ему побомбить немного Сирию, не свергая при этом Асада[5]? Однако даже при такой постановке вопроса Конгресс собирался ответить отказом.

---

[2] The Wall Street Journal. 9 September 2013.

[3] Там же.

[4] URL: http://www.vestifinance.ru/infographics/3077

[5] См. напр.: URL: http://www.top.rbc.ru/politics/27/08/2013/871806.shtml; The Wall Street Journal. 9 September 2013.

Примерно идентичным образом складывалась ситуация и в парламентах союзных США европейских государств — Франции и Великобритании, правительства которых требовали немедленного наказания «дамасского мясника». Парламенты в Лондоне и Париже последовательно высказались против военного вторжения в Сирию, предоставив разбираться в произошедшем специальной миссии международных специалистов (в задачи которой входило лишь подтвердить факт кровавой расправы в Восточной Гуте, а не определить ее организаторов)[6].

То есть настрой мирового сообщества и парламентов ведущих стран мира по сирийской проблематике проявился достаточно быстро и для многих экспертов оказался предсказуемым. И вот здесь возникает проблема иного свойства, а именно — мог ли американский президент не знать об отношении большинства конгрессменов и американцев вообще к операции в Сирии? С учетом того, что тема на слуху была не один месяц, вряд ли. Не зря же первое, что сказал Обама сразу после сообщений «Аль-Арабии» о химической атаке в Восточной Гуте, — США не будут вторгаться в САР без санкции мирового сообщества[7]. Потом риторика американского главы круто изменилась. Он начал отстаивать возможность нанесения удара по Сирии в одностороннем порядке, но с одобрения Конгресса (хотя по закону президент мог и не испрашивать соответствующего разрешения у парламентариев).

Одним словом — в период времени между 21 августа и 10 сентября 2013 года (день, когда Россия выступила с инициативой передать химические арсеналы САР под международный контроль) в ведущих мировых столицах шла сложная и многоуровневая дипломатическая игра. США много и резко говорили о военной операции, при этом отправив к сирийским берегам лишь четыре боевых корабля, Франция, Великобритания и Турция на словах также желали войны, но при этом активно оглядывались на Белый дом (что неудивительно в контексте едва не сорвавшейся и изрядно истощившей европейские бюджеты агрессии против Ливии), а Россия, опасающаяся мирового терроризма даже больше, чем многие ее европейские партнеры, защищала Асада.

Позиция США по Сирии лучше всего характеризовалась коллизией из старого советского анекдота, в котором пассажиры поезда под названием СССР делали вид, что едут к коммунизму, шумя и раскачивая вагоны. Именно так Вашингтон и поступал на протяжении трех недель конца лета — начала осени 2013 года — много шумел, раскачивал вагоны, иногда пучил глаза и скалился в направлении Сирии. Однако военного удара по ненавистному режиму Башара Асада так и не последовало. Семейства Аль-Сауд и Аль-Тани были жестоко обма-

[6] См. напр.: «Росбалт». 29 августа 2013 г.
[7] РИА «Новости». 23 августа 2013 г.

нуты коварным Белым домом. А работу по свержению алавитского режима в Дамаске они к этому моменту провели нешуточную. Не говоря уже о миллиардах долларов, вкаченных в сирийскую оппозицию, дипломатические представители Эр-Рияда и Дохи обивали пороги внешнеполитических ведомств всех без исключения ведущих мировых столиц, пытаясь убедить великие державы в необходимости ударить, и крепко ударить по «асадовщине».

В начале августа 2013 года дошел черед до Москвы, которую посетил глава общей разведки Саудовской Аравии принц Бандар Бен-Султан. Причем визит этот состоялся сразу после того, как видный член саудовского королевского дома (сын ныне покойного наследного принца Султана) посетил США и Израиль. С чем Бандар приезжал в Россию, так и осталось невыясненным. Ясно одно: принц хотел прозондировать почву относительно позиций ведущих мировых и региональных держав по сирийскому вопросу в преддверии чего-то. Это что-то и состоялось 21 августа.

Атака в Восточной Гуте стала последним козырем, с которого саудовцы решили зайти в сирийской игре. В свое время президент США сам отметил «красную черту», за которой Асада ждет неминуемое возмездие — применение химического оружия. Казалось бы, теперь уже американцам деваться было некуда. Однако и здесь у изворотливого Вашингтона, так стремящегося не влезать в сирийский конфликт, нашлись лазейки.

Пока на сирийском поле Саудовская Аравия и Катар терпят поражение. Мало того, что между ними самими идет нешуточная борьба за влияние в арабском мире (особо ярко эта борьба проявилась в Египте, где Катар и поддерживаемые им «Братья-мусульмане» были свергнуты военными, получившими в свою очередь деньги и политическую помощь от Эр-Рияда), так еще и поддерживаемая ваххабитами сирийская оппозиция постепенно выходит из-под контроля.

В последнее время все чаще в СМИ прорывается информация о нешуточных столкновениях, происходящих в антиасадовском лагере. В этом противостоянии с одной стороны находятся так называемые «светские силы», представленные в первую очередь Свободной сирийской армией (ССА), а с другой — различные исламистские группировки, среди которых чаще всего в газетах мелькают названия «Джабхат ан-Нусра» и «Исламское государство Ирака и Сирии». ССА, укомплектованная по большей части дезертирами (так, группировку последовательно возглавляли бывшие офицеры сирийской армии Рияд аль-Асаад (убит в 2012 году) и Салам Идрис), в целом неоднородна. В ее состав также входят исламистские группировки, например «Таухид», «Ахфад ар-Расуль», «Ахрар», «Лива аль-Ислам»[8]. Очевидно, что среди повстанцев ключевую роль играют именно религиозные радикалы.

[8] URL: http://www.newsru.com/world/23sep2013/allibii.html

В том, что их никак не меньше половины и что они наиболее активны, уже даже на Западе мало кто сомневается.

При этом исламистские группировки представляют сегодня некий террористический интернационал, в который входят, помимо сирийцев, иорданцы, саудовцы, египтяне, представители государств Центральной Азии, европейские экстремисты и, как это ни прискорбно, наши соотечественники. За последнее время газеты и электронные ресурсы несколько раз сообщали об участии в боях в курдских районах САР выходцев с Северного Кавказа. В конечном итоге сообщения эти получили подтверждение со стороны российских официальных лиц. Заместитель директора Федеральной службы безопасности (ФСБ) РФ Сергей Смирнов, выступая на саммите антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), отметил, что в Сирию из России, по данным наших правоохранительных органов, выехали от 300 до 400 исламистов[9].

Сегодня исламисты в Сирии сильны настолько, что решились бросить вызов повстанцам «светским». Особого накала противостояние достигло во второй половине сентября — начале октября 2013 года, когда религиозные радикалы нанесли несколько чувствительных поражений отрядам ССА[10]. «Светские» оппозиционеры в долгу не остались. Не так давно в провинции Идлиб голову сложил один из лидеров исламистов Абу Абдалла аль-Либи (вообще, количество боевиков с псевдонимом Аль-Либи в структурах, которые принято отождествлять с «Аль-Каидой», иногда просто пугает, то есть налицо появление в Средиземноморье крупного очага нестабильности, потушить который в ближнесрочной перспективе вряд ли удастся).

На фоне распрей в оппозиционном лагере сирийская армия, наоборот, не проявляет никаких признаков разложения. Пользуясь поддержкой народного ополчения («Силы национальной обороны»), она нанесла оппозиционерам ряд ощутимых ударов под Дамаском, в Алеппо и Хаме. На стороне правительственных войск активно сражаются и курды. Еще в 2012 году Асад передал контроль над некоторыми пограничными территориями курдской организации «Демократический союз». Фактически разговор впрямую пошел о возможности появления на границах Турции и САР курдской автономии, что еще больше подстегнуло Анкару к активным действиям против Дамаска. В случае с курдскими территориями Асад совершил вынужденный тактический ход, переманив на свою строну нестабильный этнический элемент и сделав его, может быть, временно, но все же своим союзником.

[9] URL: http://www.newsru.com/world/20sep2013/naem400.html
[10] New York Times. 1 October 2013.

Все эти факты в совокупности говорят о сплоченности проправительственного лагеря перед лицом повстанческой армии, насчитывающей, по оценкам большинства экспертов, до 100 тыс. вооруженных бойцов.

Некоторое время назад в экспертных кругах бытовало мнение, что Асад смог удержаться у власти только за счет помощи ливанской проиранской организации «Хезболла» и поставкам российского оружия. Чтобы опровергнуть эту точку зрения следует обратиться к статистике.

По данным Би-би-си, в операции под Эль-Кусейром численность боевиков «Хезболлы» составляла 3–4 тыс. человек, что в принципе похоже на правду, принимая в расчет, что общее количество бойцов организации вряд ли может превышать 10–12 тыс. человек (с учетом, что далеко не все шииты Ливана являются сторонниками «Партии Аллаха», примерно половина из них поддерживает «Амаль», что доказывается в том числе и результатами, которые обе организации неизменно показывают на парламентских выборах)[11]. С учетом размаха боевых действий в Сирии подобная поддержка является, скорее, моральной, ибо внести коренной перелом в ход военных действий такой отряд не способен в принципе.

Если коснуться вопроса о поставках Москвой вооружений Дамаску, то достаточно посмотреть статистику внешней торговли РФ за последний год, чтобы понять — Сирия является одним из самых незначительных наших торговых партнеров. Так, в списке стран, с которыми Россия имеет торговые связи, Сирии вообще нет. Присмотревшись внимательнее, мы найдем ее в графе «прочие»[12]. Комментарии, как говорится, излишни. И в завершении темы — о комплексах С-300, которые мы якобы вот-вот поставим Сирии. Разговоры об этом действительно были, но так и остались разговорами. Большинство экспертов оценивают уровень военно-технического сотрудничества Москвы и Дамаска как «видимость»[13].

То есть держится Башар Асад исключительно на собственных ресурсах, на поддержке среднего класса и экономически активной части населения и (что греха таить?) на иранской помощи. Против правительства выступает, и это уже очевидно, меньшинство населения и экстремисты из-за рубежа, считающие своим долгом уничтожить еретический алавитский режим в Дамаске. Этих сил для победы явно недостаточно. Значит выход один — организовать международный интер-

[11] Русская служба Би-би-си. 30 мая 2013 г.

[12] URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=13858&Itemid=2095

[13] «Коммерсантъ», 1 июня 2013 г.; «Ведомости», 31 мая 2013 г.

венцию, ибо иные способы борьбы с баасистами, по всей видимости, исчерпаны.

Понимая, что с интервенцией не клеится, саудовцы и катарцы предприняли нестандартный ход. 4 сентября 2013 года госсекретарь США Дж. Керри заявил, что некие «арабские страны» предложили Вашингтону оплатить все расходы на осуществление военной операции в Сирии[14]. Ответом им стало подписание Москвой и Вашингтоном плана по установлению международного контроля над сирийским арсеналами. США в очередной раз продемонстрировали абсолютное нежелание участвовать в «не их войне».

В сухом остатке мы имеем на сегодняшний день, во-первых, более уязвимый для угроз извне Дамаск, лишившийся своих арсеналов, во-вторых, четкий сигнал саудовцам по поводу Сирии — разбирайтесь сами, в-третьих, уничтожение химического оружия в Сирии будет происходить, вероятнее всего, за российский счет, так как США в условиях проволочек с утверждением государственного бюджета с удовольствием переложат эти расходы на наши плечи (в процессе переговоров американская сторона вообще предлагала вывезти сирийские арсеналы для уничтожения в РФ[15]). То есть в выигрыше опять Вашингтон. Но мы к этому уже привыкли.

А что же Башар Асад? Он, к сожалению, все равно вынужден будет рано или поздно уйти со своего поста. Даже если гражданская война в Сирии закончится в пользу официального Дамаска, на восстановления разрушенной страны понадобятся колоссальные средства, брать которые неоткуда. Сирия бедна, а Иран такие расходы при нынешнем состоянии национальной экономики просто не вытянет. Значит — опять Европа, опять США, опять Турция, опять Персидский залив. Логическую цепочку довести до конца труда не составит.

[14] «The Washington Post», 4 September 2013.
[15] «Коммерсантъ», 16 сентября 2013 г.

Василий КОЛТАШОВ

ЛОВУШКА «ЖЕСТКОЙ ЭКОНОМИИ»

Россия входит в новый, «бережливый» период истории. Он не просто связан с экономическими проблемами, но гарантирует их усиление. Выбор, что был сделан правительством, — это «жесткая экономия». Означает же она не временное сжатие расходов, а попадание экономики в ловушку.

К осени 2013 года все больше данных свидетельствовало о приходе в Россию «второй волны» мирового кризиса. Застой на рынке недвижимости начал робко переходить в снижение цен, пусть еще только на рынке вторичного жилья и в регионах. Продолжала снижаться активность инвесторов. Согласно исследованию Global Consumer Confidence Survey, индекс потребительского доверия в России за II квартал 2013 года опустился до 80 пунктов, что являлось самым низким показателем с 2008–2009 годов. 64% опрошенных россиян негативно оценивали свои возможности найти новую работу. По оценке банка HSBC, в стране началась рецессия. Основной ее причиной был слабый внутренний спрос. Он особенно четко фиксировался, помимо слабых продаж жилья, сокращением спроса на автомобили и туристические поездки.

Три главных дорогих товара — квартиры, автомобили и туры — одинаково выдавали в экономике кризис. 3 октября 2013 года на специальной дискуссии в Торгово-промышленной палате факт признавался открыто, а руководители промышленных и сельскохозяйственных предприятий били тревогу. Даже либеральные аналитики не могли уже уклоняться от фактов. Согласно опросу Института Гайдара, предприятия летом были загружены на 68% от мощности (потенциал составляет 82%) и имели заказов меньше прежнего. Компании начали испытывать финансовые проблемы. В июне 20% отмечали сокращение средств, 25% — падение прибыли. Снижался экспорт. Падение за первую половину 2013 года колебалось по различным отраслям от 1–2% до более 40% (вывоз зерна).

В сентябре власти могли рассчитывать на некоторое улучшение внешней конъюнктуры, но на существенные перемены к лучшему не стоило надеяться. Проблемы имелись во всех государствах БРИКС. Ошиблись те экономисты, что ставили в пример их политику регулирования. Она не оказалась достаточно надежной, поскольку не отменяла главенства ориентации на внешние рынки. Однако за 2012–2013 годы положение на них изменилось к худшему. Во-первых, сработали накопленные проблемы потребителей в большинстве экономик. Во-вторых, США активней стали проводить ориентированную на вывоз реиндустриализацию, обрубая импорт (особенно углеводородов). В-третьих, во многих странах выдохлись программы поощрения роста — стимулирования спроса на жилье за счет кредитования. Произошло, таким образом, накопление предпосылок кризиса, аналогичных американским в 2007 году.

Российские власти не одни были обеспокоены признаками кризиса. Однако они крайне узко понимали сопротивление ему. Это нашло отражение в рекомендациях, которые дал Саммит G20, состоявшийся в сентябре 2013 года в Санкт-Петербурге. Он посоветовал правительствам стран мира проводить политику «жесткой экономии». Совершенно иной подход был предложен на альтернативном экспертном форуме — Контрсаммите, организованном международной инициативой «Постглобализация». Выход из кризиса, по мнению его участников, стоило искать в отказе от принципов «Вашингтонского консенсуса».

Активизация разрушительных процессов в мировой экономике в 2012–2013 годах и неолиберальные меры кабинета Дмитрия Медведева привели к новому спаду в экономике России. Он не являлся уникальным и не был порожден только внешними причинами. Непризнание кризиса в России либеральными министрами не означало, что его нет. Правительство прикрывалось данными Росстата. Согласно им, в августе 2013 года промышленное производство в стране выросло на 0,1% в сравнении с июлем. Министры экономического блока могли уверенно подчеркивать, что роста нет, но и спада, по их мнению, тоже все еще не наблюдалось. Однако «сверка часов» по регионам и отдельным предприятиям давно уже давала иную картину. На некоторых уральских заводах заработная плата была понижена вдвое вслед за снижением загрузки.

На Контрсаммите правительствам государств мира было рекомендовано стимулировать спрос и ограничивать импорт. Лишь повышение значения и расширение внутреннего рынка могло быть защитой от «второй волны кризиса». Однако кабинет Медведева видел все совершенно иначе. В октябре 2013 года он косвенно признал проблемы в экономике, но решение предложил в духе бюджетной бережливости и сжатия экономики в результате остановки или замедления проигры-

вающих конкуренцию предприятий. В условиях ВТО проиграть ее было совсем нетрудно.

Транснациональные компании из зарубежья здесь конкурировали со средним российским бизнесом. Они имели более низкую цену производства. Затраты на единицу продукции у них были меньшими уже только из-за огромных объемов производства. Правила ВТО открывали российский рынок, пусть даже меньше, чем украинский, но этого было достаточно. На 2014 год можно было за год смело прогнозировать увеличение доли импорта на прилавках российских магазинов.

Центробанк сохранил осенью 2013 года ставку рефинансирования на уровне 8,25%. Это решение было поддержано министром экономического развития России Алексеем Улюкаевым, несмотря на ухудшение ситуации в национальном хозяйстве. Оно означало, что правительство не стремится к удешевлению кредита для промышленности и населения. В банке Goldman Sachs полагали, что ЦБ вряд ли изменит свою позицию до начала 2014 года, хотя безработица в России за II квартал, по данным этого банка, выросла с 5,2 до 5,6%. Уменьшение прибыли от экспорта лишало сырьевые монополии России выгод от членства в ВТО. Оно лишь страховало их от еще больших потерь, но страховало ненадежно.

В области недвижимости важным было то, что сокращение спроса на вторичное жилье и аренду обещало усилить давление на строительные компании. Угрожал процесс также банкам. Они выдали по стране огромное количество ненадежных кредитов. В некоторых регионах закредитованность населения приближалась к 80%. Согласно данным Росстата, за II квартал 2013 года ВВП России вырос всего на 1,2%. Осенью власти уже признавали проблемность ситуации, но отрицали еще наличие рецессии. Они полагали, что источником «замедления роста» являлось только ухудшение внешней конъюнктуры. Такое понимание источника проблем было идеологически необходимым. Оно должно было помочь министрам обосновать антикризисные меры, формулу «Мы сжимаемся в ответ на внешнее сжатие». Отсюда вытекала «необходимость сокращать бюджет».

В отношении национальной валюты России «вторая волна» кризиса поставила вопрос еще весной. Летом он обсуждался в верхах уже более активно. Девальвация не была признана в текущем положении необходимой, но осталась угрозой для населения, малого и среднего бизнеса в среднесрочной перспективе. Ее могли бросить в игру как козырь из резерва. Но осенью правительству было выгоднее видеть рубль усилившимся к доллару и надежным по отношению к евро.

Ослабление американской валюты дало в США новое обострение борьбы между республиканской оппозицией и демократами. Это могло означать укрепление доллара в ближайшие полгода, но судьба рубля

решалась в России. Дешевый кредит мог бы снизить доходы банков (лишить их спекулятивной надбавки на общемировой ссудный процент), связанных с отечественными сырьевыми монополиями. С другой стороны, размер задолженности населения и частного сектора не позволял с легкостью обесценить рубль и снизить издержки сырьевых корпораций.

Девальвация могла нанести удар также по торговле. В итоге к зиме 2013/14 года было решено до чрезвычайных обстоятельств воздерживаться от девальвации, делая упор на «жесткую экономию». Эта финансово-экономическая стратегия была опробована в 2008–2013 годах в еврозоне. Помимо разрушения реального сектора, ориентированного на внутренний спрос и его самого, она показала, что может обеспечить переток средств от потребителей и части бизнеса к банковским группам.

В России «жесткая экономия» должна будет, вероятно, укрепить позиции «главных компаний». Государство, снижая социальные расходы, будет поддерживать крупнейшие банки. Такая политика никак не противоречит «бережливости» в ее неоконсервативном понимании. Американский экономист Джеффри Соммерс назвал это «монетаризмом для бедных и кейнсианством для богатых». Но на кейнсианство поддержание избранных не слишком похоже.

В сентябре 2013 года правительство России анонсировало сокращение бюджетных расходов не менее, чем на 5%. Экономить в ближайшие годы заставят и региональные власти, хотя именно на них переложены многие социальные расходы государства.

27 сентября 2013 года на пленарном заседании в рамках инвестиционного форума в Сочи Медведев заявил, что «нас ждут не самые простые времена», и необходимо «уйти от политики сохранения занятости населения любой ценой...». Глава правительства также отметил: «Значительной части населения придется менять не только место работы, но и профессию, и место жительства». Фактически Медведев анонсировал начало периода увольнений, которые станут результатом возвращения симптомов кризиса в российскую экономику.

Политика государства в новой обстановке будет носить черты классической «жесткой экономии», даже о PR-кейнсианских мегапроектах идут споры. Не решено и строительство скоростной железнодорожной линии Москва — Казань. «Более эффективное использование трудовых ресурсов», о котором говорил в сентябре Медведев, будет означать повышение на них материальной нагрузки, при сокращении реальной зарплаты и росте безработицы.

Намеченные сокращения работников социальной сферы подтолкнут к увольнениям в частном секторе, как это уже было на Юге еврозоны в 2010–2013 годах. Внутренний рынок получит удар, а экономиче-

ский спад, вероятно, ускорится. Однако либеральные экономисты не рассматривали в 2013 году такой сценарий как вероятный. Они также не хотели замечать критику и понимать, что даже при умеренно плохой конъюнктуре «жесткая экономия» заведет Россию в депрессию.

Серьезное падение на рынках может иметь гораздо более тяжелые последствия для отечественной экономики. «Жесткая экономия» окажется ловушкой для страны. Она не даст долговременного облегчения ряду привилегированных сырьевых компаний и усилит проблемы реального сектора (особенно ориентированных на внутренний рынок предприятий). Такая политика в целом увеличит основание кризиса, возрожденного во многом по вине правительства. Но крупное биржевое падение в мире не сможет произойти, пока ситуация в экономике Китая и других стран БРИКС не станет очевидно проблемной. Экономический рост КНР в 2013 году страховал от такого обвала на фондовых и сырьевых рынках, но замедление этого роста было предупреждением для мировой экономики.

Повышение благосостояния россиян в 2001–2008 годах и его восстановление в 2010–2011 годах являлось основой экономического роста в стране. Приток инвестиций в Россию был бы невозможен без частичного протекционизма и активного спроса. Вступление России в ВТО совпало с новым ухудшением мировой конъюнктуры и ослаблением отечественных потребителей. Кабинет Медведева через повышение тарифов и реформы социальной сферы (включая наступление на РАН) сумел повысить материальную нагрузку на население в тот самый момент, когда потенциал роста был уже ослаблен. Была предпринята попытка привлечь иностранных инвесторов, но она не дала никаких результатов. Весь 2013 год старания привлечь капиталы оставались безуспешными, поскольку усилия властей генерировали не рост экономики, а ее сжатие.

Одной из важнейших задач «жесткой экономии» является удешевление рабочей силы. Поэтому в ЕС массовые увольнения не рассматриваются либеральными кабинетами как проблема. Они оцениваются как способ повысить эффективность компаний, а в перспективе — привлечь инвестиции за счет предложения рабочих рук. Рост безработицы также используется правительствами для урезания трудовых и социальных прав. Однако нигде «жесткая экономия» не обеспечила даже заморозки кризиса. Напротив, чем более «бережливым» является правительство, чем более рьяно оно увольняет людей и снижает социальные расходы ради поддержания стабильности только в отдельных группах бизнеса (в ЕС финансовых, прежде всего), тем острее делается кризис. «Жесткая экономия» в России открывает для кризиса двери очень широко. Отказ властей даже удешевить кредит говорит о сознательном непротивлении спаду.

В рамках неолиберальной экономической теории кризисы принято рассматривать как возможность провести самые радикальные рыночные меры. Однако современный мировой кризис явно выделяется из ряда обычных торгово-промышленных кризисов 1982–2008 годов. За пять лет он достаточно показал свою силу и живучесть. Он также смог вскрыть неэффективность монетарных методов борьбы с ним, что ярчайшим образом выразилось в биржевых колебаниях 2010-2012 годов. Попытка бороться с ним в России с помощью «жесткой экономии» приведет к дальнейшему спаду в экономике в 2014 году, несмотря на запуск отдельных крупных государственных инвестпроектов и налоговые послабления для части бизнеса. Насаждение «бережливости» по всему миру обернется сжатием глобальной торговли, что еще сильнее заденет экономики БРИКС и других стран.

Эксперты расходятся в определении времени возобновления кризиса в российской экономике. В компании Capital Economics к осени полагали, что страна входит в рецессию. По другим оценкам этот процесс начался еще в январе-феврале 2013 года. С приходом осени обозначилось снижение деловой активности, в сфере производства пошло сокращение кадров из-за недостатка заказов. В первой половине 2013 года правительство обещало инвестиции и улучшение статистики. Летом всем стало понятно, что спад в реальной экономике набирает силу. Повышение в июле-августе сырьевых цен этому не помешало, а повышение тарифов ЖКХ — укрепило основание кризиса.

Демонстрация кабинетом Медведева твердого либерального курса не обещает России в 2014 году стабильности и роста благосостояния. Однако правительство укрепило свои позиции политически: компромисс между ним и Кремлем обезоружил партию «осторожных» в верхах бюрократии. В результате в экономике резко усилилась либеральная линия.

Даже заморозка тарифов на 2014 год была решена не для населения. Они повысятся на 4,8%, что указывает на слабый интерес кабинета министров и стоящих за ним корпораций к российскому покупателю, если только понимать под ним не только потребителя энергоресурсов. Неизменной, несмотря на «второй» кризис, осталось отношение правительства к ВТО, членство в которой все более подрывает промышленность и сельское хозяйство России. В 2014–2015 годах эффект от участия страны в ВТО обещает оказаться настолько существенным, что вопрос о выходе из этой организации может встать остро.

Ловушка «жесткой экономии» в 2013 году почти захлопнулась. Расходы на мегапроекты ничего не меняют. Они не в состоянии стимулировать спрос в рамках всей экономики. Выгоды от нескольких строек локальны. Велики коррупционные издержки. Однако главным является не это. Необходимы намного большие проекты, охват терри-

торий которыми был бы широким. В противном случае кейнсианство оказывается демонстративным. Зато «жесткая экономия» уже стала реальной. Неудивительно, что Росстат констатировал в третьем квартале 2013 года снижение потребительских ожиданий у россиян, тогда как ранее он видел лишь рост.

«Жесткая экономия» в России вряд ли будет легко и быстро отброшена. В 2014 году она еще продемонстрирует свой разрушительный характер для национальной экономики. Однако приведет это, скорее всего, вовсе не к коррекции сверху, а к обострению социально-политических отношений во всем обществе сверху донизу.

Широким слоям населения и управленцам большинства предприятий реального сектора придется осознать, что они приносятся в жертву выгоде отдельных монополистических групп. И этот вывод будет очень важен. Без него перемены не могут случиться.

Абрар ЯРЛЫКАПОВ

БЕДЫ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

Общеизвестно, что общественное производство, основой которого является человеческий труд, при внимательном рассмотрении его независимо от других производных, всегда распадается на две главные составляющие — сельскохозяйственный и промышленный. При этом сельское хозяйство в любом способе производства является «самым первым условием жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще»[1]. Оно в наше время — крупнейший системообразующий сектор экономики, основной миссией и целью которого является удовлетворение общественных потребностей в продуктах питания, а промышленности — в сырье сельскохозяйственного происхождения. Сельское хозяйство функционирует во взаимной связи с другими отраслями народного хозяйства. Так, российские аграрии получают производственные ресурсы от 75 отраслей экономики и поставляют свою продукцию в более чем 60 ее сфер. По статистике каждый труженик села обеспечивает за пределами деревни занятость 5 человек. Вот почему динамичное функционирование аграрного сектора и устойчивое развитие сельских территорий — решающее условие для ускоренного развития экономики в целом, дальнейшего наращивания производства сельскохозяйственной продукции и сырья и, самое главное, обеспечения продовольственной безопасности страны — фундамента сохранения и приумножения государственной независимости и суверенитета.

Ресурсы отечественного села

Разработка эффективных мер по обеспечению продовольственной безопасности страны должна учитывать, прежде всего, ресурсно-производственные возможности экономики.

[1] *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 25. Ч. 11. — С. 184–185.

Конкурентными преимуществами России на мировых рынках продовольствия являются масштабы земельных, водных, энергетических и трудовых ресурсов. Что касается природно-климатических условий, то они по сравнению со странами Западной Европы и США заметно проигрывают. Биологическая и природная продуктивность российской пашни в 2,2 раза ниже, чем в странах ЕС, и в 2,5 раза — чем в США. По показателям интенсивности ведения производства, использования прогрессивной техники и инновационных технологий отечественное сельское хозяйство от зарубежной практики отставало всегда, а в последние годы этот разрыв заметно увеличился. Так, по фондо- и энерговооруженности, применению удобрений и средств защиты растений наш крестьянин в 5–10 раз уступает фермеру ЕС, США и Канады.

Однако даже и при этих условиях Россия не только в состоянии обеспечить себя продовольствием, но и способна экспортировать за рубеж излишки своей продукции.

Ведь страна вполне обеспечена основными производственными и природными ресурсами. На ее долю приходится 13% мировых запасов сельскохозяйственных угодий, около 9% пашни, 8% минеральных удобрений, 25% запасов пресных вод. Это при том, что население ее составляет 2% от мирового, а потребление природных ресурсов в 8 раз меньше, чем в США и странах Западной Европы. Сейчас Россия фактически производит ежегодно порядка 4% мирового валового сбора зерна, хотя ее потенциал по нашим расчетам составляет 7–8%, или порядка 125–130 млн т, вместо 70 млн, собираемых за последние годы.

Для этого нужно добиться устойчивого и динамичного функционирования всего агропромышленного комплекса, и прежде всего его структурообразующей отрасли — сельского хозяйства, способного обеспечить продовольственную безопасность страны, выполняя при этом роль локомотива в развитии национальной экономики. Сбалансированное и пропорциональное развитие АПК является решающим условием наращивания производства сельскохозяйственной продукции и сырья, качественного улучшения продовольственных ресурсов, а также формирования необходимых резервов на непредвиденные случаи. Потому что задача сохранения национальных интересов в сфере продовольственного обеспечения населения страны продуктами собственного производства была и остается для нас ключевой проблемой. В этой связи следует подчеркнуть, что продовольствие является неким мощным оружием, обеспечивающим государству национальную безопасность и суверенитет.

В Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации отмечается, что «Продовольственная безопасность... является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны

в среднесрочной перспективе, фактором сохранения ее государственности и суверенитета, важнейшей составляющей демографической политики, необходимым условием реализации стратегического национального приоритета — повышения качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения».

Однако ситуация с отечественным продовольствием складывается за последние годы не совсем удачно. Страна начиная с 1990-х годов испытывает обвальный спад производства сельскохозяйственной продукции. Уровень ее импорта достиг внушительных размеров — до 35 млрд долл. США в год, или более 1,2 трлн руб., равных пятилетней сумме расходов, заложенной в Госпрограмме на развитие сельского хозяйства до 2020 года. В настоящее время доля ввозимых продуктов питания для потребления населением составляет более 40%, а в крупных городах достигла от 75 до 80 и более процентов, при максимальном пороге продовольственной безопасности не более 10–15%. Как результат, остается низким уровень питания основной массы населения. Годовое потребление мяса и мясных продуктов снизилось в настоящее время по сравнению с 1990 годом на 20%, молока и молочных продуктов — на 37%, рыбы и рыбной продукции — на 24%.

Продовольственная безопасность страны должна обеспечиваться, прежде всего, на основе стабильного развития отечественного производства сельскохозяйственной продукции. В этих целях необходимо добиться осуществления расширенного воспроизводства сельского хозяйства, предотвращения истощения земельных ресурсов и использования их только по прямому назначению, приостановления захвата продовольственного рынка иностранными компаниями, поддержки и развития инновационных и инвестиционных процессов, научного и кадрового потенциала и, самое главное, защиты интересов основного сельского товаропроизводителя — крестьянина. Исторически производство сельскохозяйственной продукции во все времена отождествлялось с крестьянством. Оно всегда олицетворяло исключительное трудолюбие, великодушие, терпение, духовность и нравственность народа. Без крестьянства, без деревни наше государство со своими необъятными пространствами не может существовать и тем более стать могучей державой.

Для решения наиболее сложных задач на переломных этапах своего развития государство всегда обращалось к крестьянству. Так было многократно в истории нашего Отечества, особенно в двадцатом веке. Без крестьянства Россия никогда не смогла бы в исключительно короткое время увеличить производство продуктов питания в предвоенные годы, провести индустриализацию страны, повысить свою обороноспособность и победить фашизм в Великой Отечественной войне. Аграрный сектор экономики в послевоенный период способствовал восста-

новлению разрушенного народного хозяйства, отмене первыми в Европе карточной системы на продукты питания, освоению целинных и залежных земель, выходу в 70–80-е годы XX столетия по уровню питания населения на седьмое место в мире.

К сожалению, с переходом России на рыночную систему хозяйствования социально-экономическое положение основной массы сельских тружеников серьезно ухудшилось. Разрушены крупные высокорентабельные хозяйства со своими производственными фондами, ликвидированы многие очаги культуры, закрываются школы и детские учреждения, объекты здравоохранения и торговли. Не стало дорог, в плохом состоянии средства связи. Большинство селян осталось без работы и необходимых источников для нормального проживания. Среднемесячная зарплата в настоящее время составляет в сельском хозяйстве менее одной трети среднероссийского уровня. Идет процесс алкоголизации и деградации сельского населения.

За период осуществления радикальных аграрных реформ органами государственной власти принято немало решений и нормативных правовых документов по вопросам функционирования аграрного сектора экономики. Есть среди них безусловно конструктивные, особенно принятые за последние годы. Однако много и недееспособных, а также ущербных, не отвечающих жизненной необходимости сельских жителей и работающих, к сожалению, вразрез духу и требованиям времени. Среди последних: деформированная реорганизация аграрной отрасли и криминальное разрушение сельскохозяйственных предприятий и сферы их обслуживания с выделением особого приоритета частной собственности и мелкотоварного производства; нарушение сложившихся кооперативных и интеграционных связей. Все они вольно или невольно направлены на ухудшение социального положения сельских жителей, качества управления и координации производством. Думается, что нет никакой необходимости продолжать дальше этот список. Приведем лишь один конкретный пример.

В 1996 году была принята «Федеральная целевая программа стабилизации и развития агропромышленного производства в Российской Федерации на 1996–2000 годы». Результаты ее оказались следующими. В 2000 году по сравнению с 1995 годом производство сельскохозяйственной продукции в сопоставимых ценах сократилось на 29%, а потребление продуктов питания на душу населения снизилось на 22%, в том числе мяса с 55 до 45 кг, молока и молочных продуктов с 253 до 216 кг. В последующие годы произошел некоторый рост производства, однако он остается пока ниже показателей 1990 года, что отражается на уровне жизни всего населения.

Парадоксально, но факт, что страна, вполне обеспеченная основными производственными ресурсами — земельными, сырьевыми, водны-

ми и трудовыми, за последние более двадцати лет не может нормально выстроить производство, удовлетворяющее в полной мере спрос населения на продовольственные товары собственного происхождения. Главная причина заключается в основном в невнимании органов власти и государственного управления к проблемам села и не очень высокой оценке ими значимости сельского хозяйства для страны. Происходит это из-за некомпетентности и недостаточного профессионализма тех, кто занимается сельским хозяйством, сверху до низу.

В прошлом столетии во главе этой жизненно важной отрасли страны стояли такие корифеи науки и практики, крупные организаторы производства — И.А. Бенедиктов, А.А. Андреев, В.В. Мацкевич, Д.С. Полянский, В.К. Месяц, З.Н. Нуриев, В.С. Мураховский и другие. Можно, конечно, по-разному относиться к первым руководителям государства того времени, однако все они — и И.В. Сталин, и Н.С. Хрущёв, и Л.И. Брежнев — конкретно занимались проблемами деревни. В соответствующих подразделениях инстанций того времени также работали видные специалисты. И результаты были очевидны. А что сейчас? За двадцать лет проведения аграрных реформ во главе отрасли побывало 9 министров. Из них только 4 специалиста сельскохозяйственного производства, не говоря уже об их заместителях. Не поэтому ли принимаемые меры неэффективны? Ведь как всегда все возвращается на круги своя. Потому что даже за хорошими решениями стоят могучие силы криминала, бизнеса, а иногда и власти, сросшиеся в единое целое. Ожидать сегодня результатов от тандема Дворкович — Фёдоров, заменившего тандем Зубков — Скрынник, также не приходится.

Как говорится, каждый должен заниматься своим делом. Плотник должен строить дом, а сапожник — тачать сапоги. Еще хуже обстоят дела на местах. Самое худшее — не стало специалистов (агрономов, зоотехников, ветеринаров и инженеров) в первичном звене производства. Происходит это потому, что нет последовательного государственного курса на развитие приоритетного сектора экономики страны.

Причины бедственного положения

Причин много. Некоторые из них мы уже отметили. Все же остановимся на коренных, объективно определяющих состояние сложившегося положения. Это, прежде всего, снижение качественного уровня главного производственного потенциала аграрной сферы — земли. Земля как основное средство производства в сельском хозяйстве находится в крайне неудовлетворительном состоянии. Ее плодородие от нерачительного использования неизменно падает, снижается в ней содержание гумуса. Не соблюдается ротация научно обоснованных

севооборотов, используется в основном принцип монокультуры, что приводит к обеднению почвы и неудовлетворительному фитосанитарному состоянию посевов. Много пашни не обрабатывается или используется не по прямому назначению. Одна треть ее выведена по стране из оборота, зарастает лесом и кустарником. В итоге, из-за дефицита кормовой базы снизилось поголовье скота во всех категориях хозяйств: численность крупного рогатого скота сократилась на 75%, свиней — на73%, овец и коз — почти на 90%, птицы — в 2 раза. Значительная часть сельскохозяйственных угодий выщелачивается или имеет повышенную кислотность. Порядка 70% земель подвержено водной и ветровой эрозии, 20% — переувлажнено или заболочено. Вот уже два десятилетия не проводятся агромелиоративные работы.

Другая причина заключается в сокращении материально-технической базы сельского хозяйства, ее высоком уровне морального и физического износа. Коэффициент обновления тракторов составляет 2%, при планируемом уровне 6,6%; зерновых комбайнов — 4,3 и 8,6% соответственно. В целом по отрасли износ основных фондов возрос с 21 до 45,2%, а материально-технические ресурсы выработали свой нормативный срок на 75–80%. Налицо процесс проявления деиндустриализации сельскохозяйственного производства. В этой связи необходимо отметить тот факт, что обеспеченность основными видами техники отечественного сельского хозяйства значительно ниже, чем в развитых странах. По тракторам — более чем в 3 раза, по зерновым комбайнам — в 2 раза. Сокращение основного капитала ведет к стагнации и растущей зависимости отрасли от неблагоприятных погодных условий. Недостаточная обеспеченность зернового производства сельхозмашинами, по данным ВНИИЭСХ, с учетом их изношенности приводит к потерям выращенного урожая зерна в размере 8–10 млн т, что составляет 12–13% от его валового сбора.

Как видим, неэффективное использование сельскохозяйственных угодий и пашни является результатом технико-технологической отсталости аграрной отрасли, низких темпов воспроизводства почвенно-биологического потенциала. И, как следствие, на протяжении последних двух десятилетий недостающие ресурсы продовольствия покрываются за счет импортных продуктов питания и имеет тенденцию даже к росту.

Усиление импортной продовольственной зависимости является для нас недопустимым и представляет угрозу продовольственной безопасности и здоровью нации. Вызывает тревогу ввоз в страну генетически модифицированной продукции и продовольственных товаров с высокой концентрацией антибиотиков. В связи с этим в настоящее время речь должна идти не просто о непомерно большой доле импорта, а о потере Россией продовольственной независимости, приостановлении в

этой связи поставки в страну вредных продуктов питания. По данным Росстата, в 2010 году по сравнению с 1992 годом импорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья увеличился в 3,7 раза (с 9,6 млрд долл. до 36 млрд долл.), ввоз мяса возрос почти в 7 раз, молока и сливок в 4,6 раза.

Есть и другая сторона этого вопроса. Одним из негативных последствий проводимых в стране реформ стало фактическое завоевание иностранными компаниями внутреннего продовольственного рынка. Превышение порога безопасности по импорту продовольствия привело к монопольному ценообразованию на отечественном рынке зарубежных поставщиков, снижению конкурентоспособности своей отечественной продукции и сокращению объемов производства и сбыта. Радужные ожидания от вступления в ВТО не оправдываются. После присоединения к ВТО прогнозировалось, что в результате появления на российском рынке иностранных производителей произойдет снижение цен на многие продовольственные товары. Это действительно произошло, но только на оптовом секторе, а розничные цены продолжают расти. Самые популярные у наших россиян продукты питания за год выросли в цене на 8%. За последний год на 55% выросли цены на картофель, 20% — на хлеб, 12% — на молоко. Такие скачки эксперты связывают со слабой конкуренцией между торговыми сетями и предлагают вводить государственное регулирование этого процесса. Конечно, это так, но импортеры, видя дефицит на нашем рынке, начинают взвинчивать цены. Таков закон свободного рынка. Поэтому до конца года они, естественно, вырастут еще. А отечественные продавцы, не желая пугать потребителей резким ростом цен, наверняка увеличат объем «левого» товара.

Последнее. Охватить в рамках лишь одной статьи все многообразие проблем, связанных с селом, не представляется возможным. Ясно только одно — необходимо показать пути, требующие проявления политической воли, упорства и настойчивости, осознания важности курса на развитие этой приоритетной отрасли с целью выхода из затянувшегося сложного положения. Надеюсь, что это будет сделано в следующих публикациях.

Гулжахон АТАКУЛОВА

ИСЛАМ И ДЕМОКРАТИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В исламских обществах религиозное и светское начала борются до сих пор. Когда в результате «арабской весны» к власти в Египте и Тунисе пришли исламские фундаменталисты, они предложили своим гражданам новую форму правления — так называемую «исламскую демократию», которая отвечала бы требованиям как религиозно, так и секулярно ориентированных сил. Однако в условиях, когда переходный период в этих странах далек от своего завершения, вопросы о том, что именно представляет собой новая модель и жизнеспособна ли она в современных условиях, остаются открытыми. Как следствие, начавшийся в этих странах процесс демократизации заставил научное сообщество искать примеры успешного развития исламских обществ, в управлении которыми были бы совмещены религиозные и демократические принципы.

Теоретическая сторона проблемы, т.е. анализ взаимосвязи между исламом и демократией, сопряжена с рядом трудностей, что, прежде всего, обусловлено отсутствием консенсуса среди исламских богословов по данному вопросу. Как в Коране, так и в Сунне содержится мало информации касательно того, какая именно форма государственного устройства приемлема для исламского общества. Все сводится к изложению лишь общих принципов функционирования политической системы: принципа шуры, т.е. совещаний, верховенства шариата, равенства и справедливости. Первый принцип подразумевает согласование мнений в ходе принятия решений, а шариат, по словам Р.М. Мухаметова, подобен естественному праву в западном понимании, и его нормы в большинстве своем не противоречат нормам других правовых систем. В целом, все перечисленные принципы согласуются с ценностями демократического устройства общества, однако имеют слишком общий характер, что открыло двери для широкого круга интерпретаций в политическом исламе.

Условно можно выделить три направления исламской политической мысли: традиционализм, фундаментализм и модернизм. Первый представлен консервативными кругами, зачастую радикалами, отрицающими любую форму демократического устройства, как продукта чужеродного, западного мира. Так, по их мнению, высшим суверенитетом обладает не народ, а Аллах, глава государства же является его наместником. К числу приверженцев данных взглядов относится часть духовенства, защищающая традиционные, не подвергшиеся интерпретации исламские нормы. К их числу можно отнести религиозные круги в Саудовской Аравии.

Иную позицию занимают фундаменталисты — идеологи и члены таких известных организаций, как ассоциация «Братьев-мусульман», ХАМАС, «Ан-Нахда», Исламский фронт спасения и др. Несмотря на следование традициям «благочестивых предков», они предлагают интерпретацию первоначальных законов ислама в соответствии с реалиями современности. Тем не менее, как и консерваторы, они продолжают видеть в исламе непреложную основу всего сущего, а их лозунг «Ислам — это решение!» отражает их уверенность в том, что религия способна дать адекватный ответ на современные вызовы. Именно в этом заключается их главное отличие от прагматичного подхода модернистов, которые воспринимают ислам не как основу общественного устройства, а как дело совести. Касательно популярности фундаменталистских идей, нужно отметить, что сегодня они пользуются наибольшей поддержкой со стороны населения, главным образом из-за причин социально-экономического характера.

Модернизм является относительно новым течением исламской мысли. Он противостоит традиционализму и фундаментализму, поскольку отличается стремлением к синтезу ислама как неотъемлемой части жизни общества со светским подходом к решению его социально-экономических и политических проблем. Иными словами, модернисты считают необходимым одновременное сохранение особенностей культуры, традиций при выработке рационального, отвечающего вызовам времени, подхода к развитию общества. Более всего в этом контексте интересен тот факт, что «исламская демократия» является «изобретением» модернистского направления. Несмотря на использование данной формулировки представителями иных течений, очевидно, что именно модернисты пытаются совместить универсальные исламские принципы с демократическим устройством, найдя объективные связи между ними. Благодаря столь рациональному подходу в поиске решения главной проблемы исламского мира — самоопределения, подобные идеи обретают всю большую поддержку в обществе.

На практике же дело обстоит намного сложней, поскольку все три направления политического ислама заимствуют характерные черты

друг друга, внося немалую путаницу в рассматриваемый вопрос. Так, теория исламского правления аятоллы Хомейни сочетает в себе как современные политические принципы, так и традиционные, религиозные представления иранцев об устройстве общества и государства. Но в то же время она демонстрирует главную черту модернизма — прагматизм. С другой стороны, часть фундаменталистов разграничивает краткосрочные задачи, при решении которых поощряется использование светских практик и инструментов борьбы, и долгосрочные цели по реформированию общества согласно исламским принципам. Как следствие, многими исследователями утверждается, что за новым имиджем и тактикой «показательной умеренности» фундаменталистских организаций «по-прежнему скрывается радикальная идеология». Последнее можно наблюдать на примере египетских Партии свободы и справедливости и партии «Ан-Нур».

Говоря о том или ином течении исламской политической мысли, необходимо учитывать, что его позиции усиливаются, слабеют, а идеи эволюционируют в зависимости от определенного исторического этапа. Сегодня большинство консерваторов и фундаменталистов не видят противоречий, а наоборот, признают соответствие ценностей демократии исламу и тем самым закладывают основы для исламской модели либерализации и модернизации. На этом фоне все больший интерес вызывает современная Турция.

Турция — государство, которое чаще всего ставят в пример арабским странам Ближнего Востока: этому способствует относительная стабильность, успешное развитие экономики, а также рост внешнеполитического влияния этой страны. Эти достижения во многом — заслуга «Отца нации», первого президента республики Мустафы Кемаля Ататюрка, коренным образом изменившего устройство турецкого общества. В частности, он положил начало авторитарной модернизации Турции с целью превращения ее в развитое государство европейского образца и исключил ислам из политической жизни, видя в нем одну из главных причин отсталости страны. Заключенный в рамки социальных отношений ислам, тем не менее, остался их главным регулятором. Не менее сильным ислам оставался в экономическом плане, оказывая влияние на развитие хозяйства в регионах. Это не было учтено властями, о чем свидетельствует их провалившаяся попытка реформировать ислам и приспособить его к государственной идеологии — турецкому национализму. В результате, чрезмерное следование принципам западного институционализма и недооценка особенностей социальных отношений, традиций в процессе реформирования общества привели к его расколу, последствия которого можно наблюдать и сегодня. Если горожане переняли новый образ жизни и светское мышление, то менталитет жителей провинции подвергся изменениям в гораздо меньшей степени.

После Второй мировой войны начался процесс демократизации, закономерным следствием которого стала исламизация значительной части населения. Стал заметен и уклон власти в сторону ислама. Все это привело к тому, что армией — «стражем» реформ и приверженцем кемализма было совершено два военных переворота (1960, 1980 годы). Однако по мере дальнейшей либерализации и демократизации режима допуска различных сил, в том числе исламских, к управлению страной нельзя было избежать. Примечательно, что как в те годы в Турции, так и сегодня повсеместно исламисты осознают, что именно демократизация общества, значительная часть которого исповедует традиционные взгляды, дает им шанс прийти к власти и провести собственные преобразования.

Так, пришедшая в 2002 году к власти «Партия справедливости и развития» во главе с Р.Т. Эрдоганом до сих пор управляет страной. Официально в программе практически отсутствует идеологическая повестка — главное внимание уделено преобразованиям в социально-экономической области. Не выступая открыто против идеологии кемализма, правящая партия все же демонтирует некоторые его институты, и политический ислам продолжает завоевывать такие области, как экономика, СМИ, образование, а подчас и судебную власть. Тем не менее, успехи правительства как внутри страны, так и на международной арене, доказали жизнеспособность избранной исламистами-технократами модели развития.

Более того, исламизм в Турции имеет явно умеренный характер, что, в целом, позволяет избежать потрясений в стране с этно-религиозными меньшинствами. Однако неизвестно, какой курс изберет турецкая элита в будущем — на сохранение умеренности или большую исламизацию. В связи с этим стоит отметить, что недавние акции протеста в Турции, неожиданно переросшие в крупные беспорядки, являются свидетельством того, что страна переживает важные изменения, а позиции исламистов хоть и сильны, но не незыблемы.

Не меньшего внимания заслуживает опыт Ирана, где путем провозглашения исламской республики были воплощены особые, шиитские, представления о правлении в период отсутствия «сокрытого имама» Махди. Так, аятоллой Хомейни, лидером антишахской революции 1979 года, была разработана концепция «велайят-е факих», определяющая особую иерархию властных структур в государстве. Согласно ей, во-первых, только богословы могут претендовать на выполнение высшей функции — направление народа согласно воле Аллаха, ввиду чего руководство республикой осуществляется посредством власти праведных факихов — исламских законоведов. Верховная власть принадлежит рахбару, т.е. лучшему представителю духовенства. Во-вторых, принцип «велайят-е факих» подразумевает верховенство норм ислама, как во властных структурах, так и в сфере экономики, культуры и т.д.

Однако, как и в любой республике, Конституцией ИРИ закреплено разделение властей, есть президент и парламент, а полномочия всех органов ограничены. С этой целью на различных уровнях функционируют советы: Совет по целесообразности, Совет экспертов, Наблюдательный Совет, Исламские советы провинций и др. Так, исламскими установлениями ограничены полномочия республиканских органов, в частности, парламента — Меджлиса исламского совета. Компетенцией по определению того, согласуется ли то или иное решение депутатов с исламом, обладают члены главного контрольного органа — Наблюдательного совета. При этом в случае возникновения разногласий между последним и парламентом окончательное решение принимается Советом по целесообразности. Рахбар также не принимает решений единолично: он совещается как с Советом экспертов, так и с богословами из Кумы — религиозного центра Ирана.

Не менее важна другая черта иранской политической системы, а именно выборный характер формирования властных органов. Избранию подлежат все руководящие должности — от рахбара до членов многочисленных советов. Так, Совет экспертов вправе назначать и отстранять от должности рахбара, а кандидаты в президенты, Меджлис и Совет экспертов утверждаются Наблюдательным Советом, после чего следует общенародное голосование, также как для избрания членов городских и сельских советов. Члены Наблюдательного Совета в свою очередь назначаются рахбаром, который контролирует таким образом исполнительную власть.

Очевидно, что эти особенности структуры государственной власти и порядка ее формирования отвечают установлениям шариата через принципы шуры (совещаний) и иджмы (согласия), что, в результате, обеспечивает стабильность и преемственность власти. За более чем 30 лет система также продемонстрировала способность к мирной трансформации — демократизации, — началом которой принято считать реформы президента С.М. Хатами. Широкие возможности для участия граждан в управлении можно увидеть на примере президентских, парламентских и местных выборов, в ходе которых борются три наиболее влиятельные группировки: консерваторы, реформаторы и прагматики; и в возрастании роли партий и других общественных организаций. И самое важное — иранские власти пользуются поддержкой большинства населения: ислам является основой политического консенсуса, а ответственный и рациональный подход руководства к решению государственных задач способствует достижению Ираном успеха в социально-экономической сфере.

Все перечисленное определяет государство, построенное на основе исламских принципов, как альтернативу западному светскому государству. Однако если говорить о роли Ирана в самоопределении других

стран мусульманского Востока, то она существенно ограничена, так как шиитская концепция «велайят-е факих» является неприемлемой для большинства мусульман-суннитов.

Подводя итоги, можно заключить, что в Иране успешно совмещены как традиционные принципы исламского права, так и специфические представления шиитов о власти с современными, республиканскими. Этот синтез до сих пор обеспечивает легитимность правящего режима и помогает избежать политических и социальных конфликтов.

В других странах Ближнего Востока, напротив, наблюдается ожесточенное противостояние между исламскими фундаменталистами у власти и их либерально настроенными оппонентами. В Египте оно закончилось вмешательством военных и арестом первого демократически избранного президента Мухаммада Мурси, выходца из ассоциации «Братьев-мусульман».

Казалось бы, уверенная победа исламских фундаменталистов на парламентских и президентских выборах годом ранее не предвещала такого развития событий. Тем не менее, проанализировав предвыборную программу Партии свободы и справедливости (ПСС) и конкретные шаги нового руководства, можно сделать вывод, что обвинения в его адрес были вполне обоснованы.

После свержения Х. Мубарака политическая система нуждалась в реформировании, а расколотое общество — в объединительной силе. Однако «Братья-мусульмане», столь долго находившиеся в оппозиции, решили пойти в другом направлении.

Во-первых, очевидно, что правительство не намеревалось проводить какие-либо реформы до следующих парламентских выборов, дата проведения которых не раз переносилась. С одной стороны, это можно объяснить стремлением укрепить свои позиции и получить карт-бланш на принятие непопулярных решений в дальнейшем. Однако более логичным кажется то, что исламисты вовсе не имели стратегического видения развития Египта. Это подтверждает и предвыборная программа ПСС, которая не только не содержит конкретных шагов по решению острых социально-экономических проблем, но и ничем не отличается от программ десятков других партий. Общие формулировки говорят о том, что исламисты не сумели выработать концепцию развития страны с многомиллионным населением, и поэтому не были готовы управлять ею. Касательно экономики, в частности, все предпринятые меры ограничились зарубежными визитами М. Мурси, целью которых являлось получение новых кредитов. Все это предопределило дальнейшее ухудшение экономической ситуации.

Далеко не последнюю роль в провале исламистов сыграло то, что новое руководство заняло враждебную позицию в отношении полиции, армии, судебной системы. Так, заключения временного соглаше-

ния с военным руководством о «разделе власти» — о чем свидетельствует новая Конституция — было явно недостаточно. Конфликт с судебной властью, в частности, закончился тем, что вызвал еще большее негодование египтян.

Не смогли «Братья-мусульмане» также выработать эффективный подход в отношении других сил, как внутри происламского блока, так и с противостоящей ему либеральной оппозицией. Так, главной задачей «Братьев» стало получение политических выгод от своей «умеренности» на фоне более консервативных салафитов. Но если совместная деятельность между ними все же имела место, то диалога с либералами не состоялось вовсе. Примечательно, что даже салафитская партия «Ан-Нур» выразила большую готовность вести диалог со светскими силами. Неудивительно, что вместо интеграции с как можно большим количеством фракций, широкого обсуждения тех или иных проблем все государственные решения принимались в узком кругу руководителей «Братьев-мусульман». Нельзя не признать, что на протяжении десятилетий именно закрытость и сплоченность «Братства» способствовали успеху его деятельности. Однако после прихода к власти такая изолированность могла сыграть лишь во вред — непрозрачность исполнительных органов указывала на то, что интересы исламских фундаменталистов ставятся выше интересов всего египетского общества. В этой связи не меньшее опасение у египтян вызывала зависимость нового руководства от таких государств, как Катар и Саудовская Аравия.

И наконец, нельзя назвать успешной деятельность «Братьев» по урегулированию этноконфессиональных конфликтов. Несмотря на некоторую дискриминацию коптов при Х. Мубараке, его режим все же обеспечивал им защиту. В постреволюционный же период безопасность этого религиозного меньшинства остается под угрозой. Доказательством этого служат многочисленные случаи столкновений коптов и мусульман в различных городах Египта.

В целом, эти и другие обстоятельства привели к тому, что «Братья» еще более дистанцировались от общества, а проблемы так и остались нерешенными. Но помимо прочего, важно то, что в глазах большинства египтян они препятствовали дальнейшей демократизации политической системы. Исламские фундаменталисты в Египте, таким образом, потерпели полное поражение, не сумев предстать ни в качестве технократов, ни в качестве объединительной силы.

Тем не менее, нестабильность в Египте и других государствах субрегиона указывает на то, что поиск новой концепции развития еще не завершен. Так, в прошлом веке Турция, Иран и Египет выбрали путь развития, который предполагал не только установление авторитарного режима, но и полное исключение ислама из политики. Однако вско-

ре стало очевидно, что эти государства нуждаются в реформах при одновременном следовании как традициям, так и требованиям современности. В Турции осознание недостатков чрезмерной европеизации, а также экономический подъем в провинциях привели к усилению происламских партий, имеющих собственное видение будущего страны. В Иране в период монархии неблагоприятная социально-экономическая обстановка и натиск «вестернизации» обусловили попытки провести преобразования под исламскими лозунгами, и они оказались вполне успешными. И несмотря на то что внутриполитическая ситуация в Турции и Иране не столь однозначна, экономические успехи правящих режимов являются залогом их стабильности.

Что касается «Братьев-мусульман», от турецкой Партии справедливости и развития и иранского духовенства их отличает то, что их позиции основываются не на экономических, культурных и иных достижениях, а сугубо на популярности среди городской и сельской бедноты. Это позволило им прийти к власти, но оказалось совершенно недостаточно, чтобы удержаться в ней. Несмотря на то, что иранская модель была изначально отвергнута «Братьями», она доказывает, что причиной их провала было не стремление радикально реформировать общество согласно исламским нормам, как считают многие, а напротив, отсутствие концепции развития страны, и потому — каких-либо позитивных изменений. Сыграло роль и то, что в отличие от иранского духовенства, возглавившего антишахскую революцию, «Братья-мусульмане» не принимали активного участия в протестах зимой 2011 года. Неудивительно, что их приход к власти считался незаслуженным в глазах большинства египтян. Все эти обстоятельства указывают на то, что «Братство» было обречено на провал.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМАГОГИЯ

В обсуждении принимают участие доктор философских наук, профессор, академик РАО ***Л.П. Буева****, доктор исторических наук, профессор, помощник ректора Российского государственного торгово-экономического университета* ***Г.В. Саенко****.*

Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор ***П.С. Гуревич****.*

Гуревич П. Один из видных политических деятелей США Джеймс Бейкер характеризуется канадским философом и писателем Джоном Солом как современный технократ, могущий использовать властные рычаги в целях социальной демагогии. Бейкер, по общему мнению, был лишен высоких идей или моральных принципов. В своих действиях этот политик руководствовался стремлением к власти и боязнью ее потерять. В то же время он был мастером закулисных манипуляций, что позволяло человеку системы на все сто использовать власть, которую он аккумулировал в своих руках.

Бейкер стал довольно известным политиком, потому что хорошо владел искусством демагогии. Он считал, что народ не может трезво судить об акциях властителя. Поэтому если врать, обещать и исповедовать мнимое народопоклонство, это всегда гарантирует успех. Объясняя свои удачи, Бейкер подчеркивал, что его стиль — решительные действия в ситуациях, когда другие испытывают сомнения и терзания совести. Иной политик, рассуждал он, топчется у кормушки, как надутая индейка. Хочется корма, но страх сильнее голода. Но тут появляется он, Бейкер, и «делает последний выстрел».

Оценка этого политика в международных кругах была высокой. Поэтому во время оккупации Ираком Кувейта его отправили на значительную руководящую должность. Но тут произошла осечка. Методы упрощенной и изощренной демагогии не имели эффекта. Бейкер испытал горечь позорного поражения. Социальная демагогия — неизменный спутник политической истории. Однако не вполне ясно, обуживается ее сфера в современном мире или, наоборот, становится безмерной. Всесильна ли социальная демагогия?

Хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Что такое социальная демагогия?

2. Каковы ее возможности и пределы?

1. Что такое социальная демагогия?

Гуревич П. Социальная демагогия стала массовым и отточенным оружием современной власти. Давайте, прежде всего, уточним, что это за феномен и чем он отличается, например, от популизма, от манипулирования общественным сознанием. Понимаю, что речь идет о сходных явлениях, но все-таки, если учесть, что на эти темы написаны сотни теоретических работ, стоит провести определенные демаркации. Тем более, что осмысление этого феномена имеет солидные философские традиции.

Мне кажется, мы сразу должны отметить, что слово «демагог», пришедшее к нам из античной Греции, претерпело в послеантичное время радикальное смысловое преображение . Это понятие не имело отрицательного оттенка, вот в чем суть. Демагоги действительно выражали интересы народа, стояли на страже его интересов. В античные времена прекрасно знали, что такое тирания. Защищать людей от произвола, правильно обозначать их собственные проблемы — вот к чему стремились демагоги. Между прочим, в Афинах демагоги пользовались массовым успехом, поскольку владели не только красноречием, но обладали также и государственным умом. В результате они нередко оказывались вождями, лидерами, правителями. Перикл и Фемистокл, к примеру, имели знатное происхождение и были яркими демагогами в Афинах. Когда, к примеру, Аристотель хотел обозначить свое отношение к вождю, властителю, способному позвать за собой народ, используя такие средства, как речь, поступки или подарки, то он называл его демагогом.

Буева Л. Чуть позже, как я понимаю, власть стала усыновлять это искусство, которое сводилось к тому, чтобы помогать народу. Слово «демагогия» все еще не имело негативно-протестного смысла. Оно в те времена ласкало слух. Ведь демагогами называли тех, кто взял на себя тяжелые и ответственные обязанности — руководить народом. Сегодня мы назвали бы такого управленца «менеджером», но такого слова в античной Греции не было.

Саенко Г. Но было слово «master». Однако оно разнилось от понятия демагогии. Мастер вел поиски, искал пути решения проблем. Но он скорее был теоретиком, а не практиком. Знал, как руководить, но не умел применить свое искусство в реальных общественных процессах. К людям, которые могли, как Одиссей в древнем эпосе, вести за собой людей, относилось слово «кибернетика», то есть «искусство кораблевождения». Итак, это было время поиска лидера.

Гуревич П. О назначении демагогии можно судить по этимологии слова. «Demagogia» — это «руководство народом» («demos» — народ, «ago» — «веду»). Древнегреческая демократия стремилась объяснить людям, ради чего принято то или иное решение власти. А это требовало не только знаний, но и ораторских навыков. Известно, что в античном образовании на первом месте стояла риторика. Сначала научись убеждать людей, воздействовать на них. Потом освой конкретную область знаний. Но без риторического мастерства ты — никто.

Буева Л. Если говорить о предназначении риторики, то, естественно, возник вопрос: не станет ли демагог уклоняться от истины, использовать ораторские приемы во зло, а не во благо. И этот политический вопрос был поднят на

философскую высоту. Каково предназначение риторики — она обязана служить истине или, наоборот, обслуживать политические цели? Уже Платон, критикуя софистов, отмечал, что их убежденность в том, будто истина недостижима, таит в себе опасные последствия. Он предостерегал софистов от спешной оценки того или иного решения как истинного на основании интересов текущего момента, сегодня мы сказали бы — политической конъюнктуры.

Саенко Г. Однако пока это только предостережение. Тем более, что римский философ Цицерон утверждал, что путь к истине сложен, чреват мнимостями, но истина все-таки существует. Поэтому задача софистов, демагогов в том, чтобы украсить правду, придать ей изящество и выразительность. Римские мыслители еще не разглядели той опасности, которая несла политическая практика. На деле массы верили тому, кто оказывался более речистым. Однако тираны уже начинали осознавать, что во многих случаях можно вообще обойтись без демагогии.

Гуревич П. Известный немецкий философ Иоганн Гердер писал: «Взгляни на деспотов Азии, Африки, да почти всего Земного шара, взгляни, какие чудовища восседают на римском троне, — под их ярмом долгие века стонал мир, — перечти смутные времена, войны, гонения, яростные бунты и посмотри — каков конец. Брут падает, и торжествует Антоний; гибнет Германик, и царят Тиберий, Калигула, Нерон; Аристид отправляется в изгнание, скитается по свету Конфуций, гибнут Сократ, Фокион, Сенека. Античное народовластие оказалось ущербным». Как говорится, всему свое время. Это и отмечает, кстати, Гердер: «Если бы породившее Перикла и Сократа время продлилось одно лишнее мгновение по сравнению с длительностью, что определена цепочкой обстоятельств, то это было бы несчастьем, и нужно сказать, что наступил бы опасный, невыносимый для Афин период истории». Да, действительно, пора афинских Демосфенов минула.

Буева Л. К тому же сама афинская демократия постепенно превращалась в охлократию. В конце V в. в числе политических лидеров оказывались такие, которые не обладали достаточными знаниями и нравственными качествами. Свое дарование они использовали в корыстных целях. Можно даже, я думаю, назвать некоторые имена. Скажем, владелец ламповой мастерской Гипербол или хозяин кожевенной мастерской Клеон. Ни ум, ни знатный род, ни особое красноречие не были им свойственны. Но они могли увлечь слушателей лицемерными речами, крутыми предложениями. Демагоги научились использовать инстинкты огромных скоплений людей. Но при этом обнаруживали алчность и политическую безответственность. Так слово «демагог» приобрело негативный смысл.

Саенко Г. После утверждения христианства возникла, мне кажется, другая альтернатива в понимании истины и красноречия. С одной стороны, христианские проповедники утверждали, что божественная истина сама по себе не нуждается в узорах ораторского искусства. Она абсолютна. Истина должна предстать перед верующими в самом первозданном виде, без украшений. Так, к примеру, следует воспринимать риторики Откровения. Но, с другой стороны, осознается, что простые люди не сразу могут принять христианские ценности. Нужны канонизированные риторические правила. Демагогия заявляет о значении норм, методов, установлений.

Гуревич П. На мой взгляд, в эстетике Нового времени, которая признает позитивное и негативное отношение к истине, искусство политического внушения празднует свой последний теоретический триумф. Возникает примечательная инверсия. Не истина определяет нужные ораторские краски. Наоборот, сам арсенал риторики, слова, стиль, красочность начинают уже выступать как критерии истины. Если сказано метко и впечатляюще, значит это истина. Происходит отождествление истины и искусства. Можно было бы переиначить известные слова из тургеневского романа: «об одном прошу тебя, друг Аркадий, говори красиво...»

Буева Л. Социальная демагогия к тому же обретает дополнительное слово — пропаганда.

Борясь против Реформации, духовенство стало активно искать средства, которые помогли бы помешать расколу прежде единого мировоззрения. В 1622 году Ватикан создал специальную организацию, призванную «удержать веру» и сохранить церковь. Конгрегация распространения веры — Congregatio de propaganda fide — стремилась укрепить католицизм во всех странах; именно она ввела в обиход слово «пропаганда», которое как понятие появилось, таким образом, в 1622 году и первоначально означало распространение идей и догматов церкви. Слово «пропаганда» уже в то время открыто связывалось с конкретными идеологическими ориентациями феодалов и духовенства. Свою реакционную деятельность Конгрегация маскировала абстрактно-гуманистическими призывами «совершенствования человека». Эту идеологическую фразеологию К. Маркс иронически назвал «человеколюбивым промыслом». Он говорил о своего рода монополии на «улучшение человеческого рода», которая с 1640 года целиком принадлежала Конгрегации.

Саенко Г. Наши рассуждения свидетельствуют о том, что социальная демагогия — это не просто перечень обманных приемов. Она погружает нас в область философии, философского постижения человека. Прежде чем нагрузить слово «демагогия» положительным или отрицательным смыслом, надо осветить вопрос о том, что представляет собой вообще человек как особый род сущего. Если человек — существо разумное, наделенное всеми достоинствами, приписанными ему Богом, то между истиной и риторикой не может быть расхождения. Иное дело, если человек — существо бедное, то без искусства кажимости не обойтись. Людям нужны подпорки. Не грех и уклониться от истины, если это поможет обществу и пойдет на пользу самим гражданам, не способным ориентироваться в сложных социальных распрях.

Гуревич П. То, что Платон поставил в вину софистам, стало получать санкцию признания. Человек — существо ущербное. Все его силы, ресурсы направлены на выживание. А тут уж не до истины. Да и вообще непонятно, способен ли человек адаптироваться к риторическому искусству? Посильно ли для него разобраться в красноречии? Так демагогия обрела иные смыслы. Техника речи — это не напряжение мысли. Она предлагает определенные правила поведения, вносит ориентиры для понимания существа событий. Она попросту устанавливает некие знаки, вешки. Но они могут быть приняты без рассуждений или отвергнуты как несостоятельные.

Буева Л. Софисты выступали в форме монолога: они растолковывали истину, а народ слушал. Платон призывал к диалогу. Он считал, что нужно посто-

янно учитывать мнение простых людей, знать их реальные запросы. Но разница между Платоном и софистами стала стираться. В любом случае особую ценность приобретает ораторское слово, призыв, лозунг. Риторика — всего лишь орган упорядочивания мыслей, а не средство обнаружения истины. Ницше даже, как известно, толковал критику софистики со стороны Платона как выражение зависти со стороны античного философа. Риторы были столь популярны, столь успешны. Принудить силой огромные массы людей, располагавших статусом свободных граждан, к непопулярному действию было сложно. Но античная жизнь и склонилась к «рукоприкладству», то есть к навыкам прямого физического воздействия на людей. Такой способ организации общественной жизни по праву назывался деспотизмом.

Саенко Г. Вот мы прослеживаем историю демагогии. Но имеет ли все это практическую ценность? Зачем, к примеру, современному политику знать, чем софисты отличались от Платона? Ведь демагогия, обольщение народа предполагает лукавство, социальный обман. Что может дать нам сегодня философский аспект проблемы? В IV веке до н.э. сама риторика отказалась от философских обоснований. Афинский оратор Исократ стал называть философией собственную софистику. Лишь короткий этап демагогии связан с государственным красноречием. В основном софисты блистали в судах.

Гуревич П. Можно ли врать своему народу? Допустима ли ложь как средство достижения прагматического успеха? Эти вопросы как раз и актуализируют тему. Сначала демагоги защищали интересы народа. Но потом возникло разочарование в людях. Разве они способны обуздывать свои страсти, блюсти национальные интересы? И опять рождается неизменный вопрос — что можно сказать о человеке вообще? Каков он по определению — разумен или неразумен, совестлив или гнусен, альтруист или эгоист? Нам и сегодня интересно, что думает современный властитель о людях, судьбами которых он распоряжается. Вспомним Никколо Макиавелли. Парадоксально, что его размышления продиктованы вовсе не анализом риторики как таковой. Его занимают другие вопросы. Можно ли довериться разумности людей, их жизненному опыту, их трезвости? А с другой стороны, где тот предел, за которым рискованно обманывать народ? Или этого предела нет?

Буева Л. Да, я согласна. Макиавелли одним из первых в эпоху перехода к новой эпохе европейской истории разработал прочную универсалию «человеческой природы». Его трактовка человека достаточно трезва и мрачна. Он писал о том, что о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность, влечет нажива. Имя Никколо Макиавелли вот уже шесть веков вызывает у многих людей чувство неприязни и осуждения.

Саенко Г. Вообще в мещанском сознании, а также в морализирующем политическом сознании, это имя воспринимается почти как символ лицемерия и самого гнусного вероломства. Католическая церковь и православная церковь видят в Макиавелли чуть ли не антихриста. Монархи всех стран, включая и российских царей, поносили его за республиканизм. Республиканцы обвиняли в воспевании абсолютизма. Жестокие правители навешивали ярлык заговорщика и смутьяна, а либералы осуждали за приспособленчество и готовность служить кому угодно, лишь бы поближе находиться к кормилу политической власти.

Гуревич П. Макиавелли, судя по всему, политический прагматик. Обосновывая роль государства, Макиавелли утверждал, что правитель не может обеспечить власть и порядок, если он будет честно вести политическую игру. Чтобы удержать власть, государь обязан подавить человеческий эгоизм во имя всеобщего блага и порядка. Такое подавление требует от политиков не только применения грубой силы, но и изворотливости ума, хитрости и даже вероломства в борьбе за власть и ее упрочение.

Буева Л. Все знают, книга Н. Макиавелли «Государь» принесла автору огромную славу. Эта книга — трактат, включающий в себя анализ политических ситуаций, как описанных античными авторами, так и современных Макиавелли. Автор излагает собственные поучения, которые позволяют, как он думает, политику добиться успеха. Порой эти наставления глубоко циничны. Широко известны слова автора «Государя» о том, что мудрый правитель государства обязан «по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла». Главная мысль Макиавелли: цель оправдывает средства. Правитель должен сочетать в своей личности и в своих действиях качества льва, способного расправиться с любым из врагов, и лисицы, способной провести самого изощренного мудреца.

Саенко Г. Такое политическое вероломство давно получило наименование макиавеллизма. Однако Павел Семенович уже предложил вдуматься в значение этой политической фигуры. Насколько справедлив осудительный взгляд на него? Дело в том, что Макиавелли пытался постичь новое качество политики. Он рассматривал ее с реалистических позиций. Правда эксперта оказалась горькой. Но разве в этом виноват сам автор? Макиавелли уклонился от морализирования, а это было модой в средневековом религиозном сознании. Он вовсе не оправдывал насильственные и безнравственные действия политика, тем более универсально, на все времена. Макиавелли видел суть государства в «общем благе». При этом речь у него шла не только о зажиточных гражданах. Он учитывал и интересы масс, народа. Более того, он пришел к выводу, что «народ» часто оказывается мудрее и надежнее главы государства.

Гуревич П. Пафос книги Макиавелли в том, чтобы научить политика быть искусным. Ему надлежит проявлять гибкость, постоянно соотноситься с переменами в жизни. Да, государю следует прибегать и к жестокости. Но она бывает разной. Прав только тот государь, который использует эту жестокость в интересах государства, да и то один раз, когда она соответствует государственным интересам. Насилие, по Макиавелли, призвано исправлять, а не разрушать. Запомним эту заповедь, она, возможно, еще пригодится нам.

Буева Л. Опираясь на свой опыт, Макиавелли делал определенные выводы, предсказывал результаты действий правителей («князей»), стремившихся установить или поддержать стабильный политический режим. Рецепты, предлагавшиеся Макиавелли, были столь необычными, что его поведение зачастую считалось безнравственным. На самом деле он всего-навсего с предельной ясностью изложил те принципы государственного управления, которыми пользовались всегда, когда вставал вопрос об удержании или захвате власти. Некоторые мыслители, в том числе и К. Маркс, осуждали Макиавелли за то, что у него «теоретическое рассмотрение политики освобождено от морали». Однако эти обвинения лишены основательных резонов. Еще Платон

отмечал, что всем правителям приходится «прибегать ко лжи и обману — ради пользы тех, кто им подвластен... подобные вещи полезны в виде лечебного средства». Вероятно, нельзя судить о Макиавелли в узком диапазоне. Он все-таки выдающийся философ политики. Но нет оснований и упиваться его рецептами, которые охотно приемлют политики, когда речь идет об управлении народом.

Саенко Г. Мне кажется, что цель Макиавелли состояла в воспитании сильного и самостоятельного политического человека, который обязан понимать ту опасность, в которую он погружает свою душу. До Макиавелли религиозная мораль как бы предшествовала действию, заведомо отличая дурной поступок от хорошего и побуждая человека действовать так, а не иначе. Макиавелли предложил освободить человека от таких ограничений и дать ему полную свободу.

Гуревич П. Однако понятие «политический макиавеллизм» бытует среди политиков и до сих пор. Ведь речь идет об использовании любых, в том числе аморальных средств (лжи, клеветы, жестокости, обмана) для достижения политических целей. В том же «Государе» Макиавелли обосновал законность отступления от нравственных законов для достижения великих политических целей, отбрасывая христианскую мораль, чтобы она не мешала политике. В арсенал возможных, с точки зрения Макиавелли, средств могут входить «хорошо применяемые жестокости», способность политика «быть великим притворщиком и лицемером», побеждать врагов «силой и обманом», умение правителя внушать подданным «любовь и страх», заставлять «народ верить силой в то, что не отвечает его убеждениям». Макиавелли писал: «Родину надо защищать средствами славными и позорными, лишь бы защищать ее хорошо». Эти рецепты завораживают политиков. Социальная демагогия в наши дни стала особенно циничной. Она буквально расползлась, стала нормой политической жизни.

Буева Л. Я согласна. Тем более, что успех правителя-демагога нередко в европейской истории оборачивался последующим крахом. Властитель заботится о злобе дня, он не в состоянии предвидеть дальнодействие своих ораторских побед. Между тем в Новое время эта тема вообще получила новую разработку. Философы выступали против демагогии. Томас Гоббс, к примеру, предлагал заменить риторику «ясным и элегантным выражением мыслей и понятий». Он даже пытался ввести в политический обиход выражение «правильный рассудок». Это что-то вроде «критического разума» Канта. Но кто может определить, какой рассудок правильный, а какой не вполне? А может быть, демагог уходит от ответственности, опираясь на обычный рассудок, который не обладает этим свойством правильности.

Саенко Г. Но Гоббс уже отчетливо видит, какую пагубу несет искусство политического красноречия. Он пытается противопоставить властителю народную смекалку, трезвость, близость к жизненным подробностям. Английский философ выступал против демократии именно потому, что этот политический режим потворствует не здравому рассудку, а порывам души. Ораторы обычно ориентируются не на природу вещей, а на пристрастия своих слушателей. Теория государства Т. Гоббса направлена на самосохранение государства. Это вполне очевидный рациональный мотив. Но такой договор

между властью и народом может быть нарушен, если на историческую арену выходит оратор, демагог. Гоббс патологически ненавидит риторику. Он вчиняет ей в вину возбуждение страстей с помощью удачных метафор. Гоббс настолько уверен в этом, что даже называет эту связь само собой разумеющейся. Метафора враждебна понятию. Она не опирается на инструментарий разума. И в этом случае открывается простор для манипулирования общественными представлениями.

Гуревич П. Возможно, это действительно курьезно, но насколько я помню, Гоббс пытается обосновать красноречие особого рода. Оно обычно воздерживается от метафор и образов и рассматривает вещи сами по себе. Английский философ не учитывает, что понятие тоже представляет собой искусственное образование. Он всячески оберегает абсолютистское государство. Гоббс, очевидно, не заметил противоречия между своей органической метафорой и искусственным появлением «государственного индивида». Запрет на риторику абсурден. Этот запрет можно также рассматривать как риторический акт. Так, антириторика становится одним из важнейших риторических средств. Но при этом она претендует на реалистическую строгость, которая якобы единственно соответствует серьезности положения человека здесь. Лозунг дня — меньше слов, больше дела...

Буева Л. Но разнородность мнений людей, политические предрассудки, религиозный фанатизм, присущие людям «естественные страсти» породили интерес и к другим сферам общественного сознания. Возникла потребность в философском осмыслении «человеческой природы», различных «отклонений ума», массовых заблуждений и предрассудков. Все это, естественно, приводит к размышлениям о том, способно ли сознание отражать истинное положение вещей, можно ли преодолеть заблуждения, что мешает разуму в познании мира? Последовательное освещение этих вопросов составило заслугу родоначальника английского материализма и экспериментирующей науки нового времени Фрэнсиса Бэкона.

Саенко Г. Смотрите, какие выводы следуют из такой постановки вопроса. Молчаливое, безмолвное поведение населения (знаменитое пушкинское «народ безмолвствует») приравнивается к взрыву негодования. И то, и другое, по сути дела, только знаки, символы. Вот что у Пушкина говорит царь Борис Годунов: «Безумны мы, когда народный плеск иль ярый вопль тревожит сердце наше». Царю уже не до вопрошания социальной истины. Он становится заложником исторической конъюнктуры. Что у нас сегодня является злобой дня — «народный плеск»? Это требует умащивания людей. «Я отворил им житницы, я злато рассыпал им, я им сыскал работы». А что ежели это не народный плеск, а его яростный вопль? Так демагогия поступает на службу к властителям.

Гуревич П. Но в эпоху Просвещения европейские мыслители все чаще задумываются над угрозой тирании, которая является результатом узурпирования народной власти. Просветители видели причину многих несчастий людей в существовании деспотического государства. Естественному состоянию человека соответствует мир. Войны, насилия, захваты приводят к возникновению государства. В Европе государства появились в результате вторжения варварских племен, вожди которых делили между собой захваченные

земли и обращали в крепостных местных жителей. Некоторые мыслители, в частности, Иоганн Гердер, не соглашались с договорной теорией происхождения государства. Они отрицали, что народ и правители пришли к доброму соглашению. Между тем всякое государство связано с насилием, с угнетением.

Буева Л. Несомненную защиту народа от демагогии мы находим в учении Иммануила Канта. В своей работе «Критика способности к суждению» Кант назвал риторику искусством пользоваться слабостями людей в своих целях. Оно не достойно внимания. Данное «коварное искусство» занято, по словам Канта, тем, что в важных вещах продвигает людей к решению, уподобляя их механизмам. Публика привыкает к демагогии, перестает осознавать ее опасность.

Саенко Г. Когда началась Французская революция, граждане из конвента начали осваивать метафоры Римской республики. Они буквально рядились в римские тоги, использовали лексику той эпохи, специфические выражения, идиомы. Чем глубже оказывается кризис легитимности, тем сильнее обнаруживает себя устремленность к риторической метафоре. Человек не является субъектом истории. Но нельзя утверждать, что он не имеет к ней отношения. Демагог утверждает: человек должен связывать себя с историей. Арсенал демагогии обширен: это может быть обращение к здравому смыслу людей или обыкновенная увертка.

Гуревич П. В XIX в. на историческую арену выходят массы. Это усложняет социальную демагогию. Она обретает новые оттенки и звучания. В политическую практику входит понятие «популизм». Но вот что парадоксально — социальная демагогия возвращает некогда присущий ей положительный смысл. Популистами называли себя представители мелкобуржуазной фермерской партии, которая была создана в 1891 году в Америке. Они добивались социальных реформ, в частности, требовали передать государству железные дороги и телеграф, ввести подоходный налог, ограничить земельную собственность. В политической философии популизм характеризует своеобразную форму взаимоотношений общества и власти. Он обязывает властителей аргументировать свое законотворчество, ссылаясь на голос народа. Это, по сути, возрождение римского права vox populi. Однако и в этом случае политики-популисты не удержались на идее народовластия. Они стали собственные интересы прикрывать социально привлекательными идеями.

Буева Л. Но это все же лишь частный случай манипулирования общественным мнением. Есть ли разница между этими явлениями?

Саенко Г. Мне кажется, разница есть. Популизм — своеобразный случай социальной демагогии. Популисты обращаются к народу, они нуждаются в его поддержке. Что касается социального демагога, то он может и не считаться с мнением масс. Его полномочия шире.

Гуревич П. Приведу пример из нашей отечественной истории. В 1984 году Коммунистическая партия обнаружила, что ее авторитет среди рабочих снижается. Чтобы вернуть утраченное доверие, можно было прибегнуть к популизму. Допустим, поднять заработную плату рабочим. Но это дорогостоящая затея. Демагогический прием обойдется дешевле. Весной 1984 года газета «Правда» опубликовала фельетон Ивана Шатуновского о том, что многие про-

фессора получают две зарплаты, поскольку, кроме научной работы, ведут еще и преподавательскую деятельность. Подтекстовый, демагогический смысл фельетона читался примерно так: вот ты, рабочий, целый день стоишь у станка, а вечером тебя поймали в проходной, потому что ты пытался унести домой гайку. Разве это справедливо, если учесть, что интеллигенция может тащить домой две зарплаты?

Буева Л. Мне кажется пример не очень удачным. Ведь это чистый популизм, потакание зависти, злобе простых работяг.

Саенко Г. Не согласен. Суть дела в том, что научный работник, которого приглашают в вуз почитать лекции, должен был получить на это разрешение прямого руководителя, а затем удостоверяющее согласие вице-президента Академии наук СССР. Выходит, оснований для изобличения профессуры не было: они не нарушали ни закон, ни существующие правила. На это фельетонист отвечал: но они должны были читать лекции в свободное от работы время. Но всем понятно, что это не что иное, как демагогия, поскольку ночью студенты не учатся. Однако здесь не важны детали. Акция состоялась, рабочие получили возможность отыграть собственное возмущение, позлорадствовать участи интеллигентов, судьба которых решалась уже в прокуратуре.

Гуревич П. Безусловно, грань между популизмом и социальной демагогией условна. Но я попробую обозначить ее другим примером. Всем хорошо известно, что Единый государственный экзамен вводился в нашей стране, несмотря на сопротивление преподавателей, ученых, родителей. Теперь уже всем понятно, что ЕГЭ не способен решить те задачи, которые были поставлены инициаторами этой акции. Полноценное обучение из-за этого нововведения превратилось в элементарное натаскивание. Все помнят многочисленные скандалы этого лета со списыванием результатов тестов. Тысячи учеников классов стали переводиться из больших городов в районные и даже деревенские школы. Теперь уже и в Министерстве образования и науки предлагают введение частично устного или двухуровнего экзамена. Наш премьер участвовал в качестве гостя молодежного форума «Машук». Там ему задали несколько неприятных вопросов о ЕГЭ. Политик мог бы в этом случае использовать популистскую возможность и поддержать всеобщую критику Единого государственного экзамена. Но премьер заявил, что система ЕГЭ работала и будет работать.

Разумеется, зрелый политик не должен опускаться до популизма. Но тогда он должен обосновать свое мнение. Вместо этого премьер вспомнил свои молодые годы и сообщил, что тогда завышали оценки. Но ведь сейчас завышают оценки в еще большем масштабе. Выходит, политик в данном случае выступил в качестве социального демагога.

Буева Л. Может быть, надо уточнить, что демагог — это человек, который вводит в заблуждение массы народа с помощью специальных уловок. Главная задача демагога — склонить на свою сторону слушателей.

2. Каковы возможности и пределы социальной демагогии?

Саенко Г. Слово «демагог» отрицательное, хлесткое. Принимая решение, политик может оказаться либо демагогом, либо циником. Может быть,

Макиавелли был прав, когда санкционировал возможность политика врать, изворачиваться, оставлять массы в дураках? Неужели политика и демагогия — близнецы-братья? Если это так, то народ имеет право отвернуться от такого политика. Мне понятно, что в качестве посредника между различными социальными слоями политик вынужден сглаживать противоречия, создавать видимость сотрудничества, гармонии. Но ведь рано или поздно это становится невыносимым для общества.

Гуревич П. Мы продвигались вдоль эпох, чтобы показать, какие проблемы обсуждали философы, размышляя о социальной демагогии. И мы как раз подошли к тому историческому времени, когда мыслители стали более прицельными, проблемными. Они осознали, что пропаганда и идеология нужны обществу. Но вместе с тем началась отчаянная критика массовых идеологических процессов современного общества. Социальные мыслители с ужасом констатировали всемогущество обмана, демагогии, манипулирования общественным сознанием.

Буева Л. Отметим все же, что интерпретация пропаганды как «просвещения» не была результатом сознательного лицемерия мыслителей раннебуржуазной эпохи. Война предрассудкам, «призракам (идолам) сознания» во имя «вечных истин» объявлялась ими в полном соответствии с господствующими убеждениями в разумности истории, единстве и неизбежности прогресса, внутренней гармонии индивидуального сознания.

Саенко Г. Все это так. Но уже Фридрих Ницше показывает, что политик не может пренебречь социальной демагогией, опираясь на реальность истории. Его современники убедились в том, что постоянный рост различных изданий, возрастание потоков сообщений, передаваемых с помощью телеграфа во все концы Европы, увеличение объема печатных материалов отнюдь не способствуют абстрактно понимаемому просвещению. Напротив, идеалы равенства и свободы, провозглашенные просветителями, превратились в своеобразные политические мифы.

Гуревич П. Правящая элита заинтересована отныне не в просвещении, а в суеверии, не в правде, а в «гнусной и бесстыдной» клевете, «распространяемой официозной и продажной прессой». В этих условиях мыслителю, стремящемуся к истине, не так-то легко прорваться к реальности, разорвать оболочку мифа, дабы устранить суеверие. Программа, намеченная просветителями, воочию обнаруживает свою несостоятельность.

Буева Л. Именно так. Но тут Ницше делает неожиданный радикальный ход, он ставит вопрос: а нужно ли вообще бороться с предрассудками? Действительно ли стоит изживать суеверие? Этот разрыв с просветительской идеологией вытекает из всей концепции Ницше, который предлагает провести тотальную «переоценку ценностей», пересмотреть устоявшиеся взгляды, не боясь шокировать просветительски ориентированных мыслителей с их «отжившей» и «пагубной» философией. Осуждая «жалкую современную болтовню политики» и себялюбие народов, Ницше провозглашает, что надо иметь «мужество к запрещенному — предназначение к лабиринту».

Саенко Г. Что же представляет собой тот «лабиринт», в который зовет Ницше? Немецкий философ утверждает, что ведущей силой исторического развития является «борьба за существование», которая в социальном плане

постепенно переходит в «волю к власти». Однако это «естественное состояние человечества», по идее Ницше, подверглось порче со стороны христианства, которое приняло сторону всего слабого, низкого, неудачного, сделало идеал из противоречия инстинктам самосохранения сильной жизни...».Критика христианства выполняет в концепции Ницше конкретное назначение: именно она призвана раскрыть немощность современной культуры, вобравшей в себя порочные установки и оказавшейся поэтому чуждой «подлинной жизни». Бичевание христианства позволяет, как полагает Ницше, восславить все «аристократическое» в ущерб «плебейской посредственности», господству «стада», «массы». Немецкий философ выделяет «мораль господ» в «мораль рабов», резко противопоставляя их.

Гуревич П. Почему же Ницше приступает к столь решительной «переоценке ценностей», к поиску истоков современных кризисных явлений? Томас Манн отмечает, что моральный критицизм вообще оказался общей тенденцией того времени. В конце XIX в. европейская интеллигенция выступила против ханжеской морали викторианского столетия; в европейском сознании сложилась общая установка «брать на подозрение» и разоблачать господствующие ориентации, чтобы проверять их справедливость.

Буева Л. Предстояло, прежде всего, осмыслить тот факт, что «просветительная пропаганда» духовных ценностей столкнулась с социально-жизненным контекстом, принципиально иным, нежели та атмосфера, в которой рождались эти ценности. Пока «наставники» сами определяли судьбы своей цивилизаторской деятельности, «вразумляя» опекаемых, которые рассматривались в качестве потенциальных носителей культурных богатств, концепция «просвещения» сохраняла свой облик. Но вот пропаганда стала массовой, «элита» начала разговор с «публикой». И сразу обнаружились вопиющие несоответствия между цивилизаторскими устремлениями «жрецов истины» и повседневной реальностью. Оказалось, что социальный опыт трудящихся вступает в противоречие с господствующей идеологией, просвещение на деле оборачивается принудительной духовной опекой, а подчас и прямым насилием. Массы вообще не хотят, чтобы наставники «вели» их, как слепцов, к неведомой им цели; массы сами хотят вырабатывать эту цель.

Саенко Г. Отсюда вывод: борьба с предрассудками — ложная задача, заведомо обречена на неудачу. Освободить мышление от иллюзий — значит, оказать человеку дурную услугу, лишить его уверенности в себе и развязать разрушительную энергию. Вот почему индивиду так жизненно важно питать суеверия, дающие ему «стратегию выживания». Человеку необходимо «покрывало иллюзии», он может «найти свое спасение лишь в иллюзии». Психологический мир индивида, с точки зрения Ницше, включает в себя потребность в фикции, в идеологической подпорке. Особую роль играет в этом отношении миф. «...Без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы: лишь обставленный мифами горизонт замыкает... культурное движение в некоторое законченное целое».

Гуревич П. Политик хочет заняться откровенной демагогией. А что же люди? Французский социолог Алексис Токвиль, изучая еще в позапрошлом веке поведение американских фермеров, неожиданно обнаружил, что в сознании многих из них укоренились прочные стандарты, которые легко можно

было принять за результат пропагандистского воздействия. Однако в самом содержании печати, доступной этим фермерам и популярной среди них, эти представления («иллюзии») не распространялись. Откуда они взялись? Каким образом откристаллизовались?

Буева Л. Я так понимаю, что следовало, вероятно, раскрыть механику появления этих иллюзий. Отвлеченно-рационалистические предпосылки, на базе которых традиционно изучалось движение к истине, здесь особого света не проливали. Предстояло описать какие-то новые механизмы духовной жизни людей. Ницше, как уже отмечалось, полагал, что превратные представления, духовные штампы нужны человеку, он испытывает в них психологическую потребность. Но он считал, что «потребитель» пропаганды лишь усваивает эти идеологические стандарты, а не создает их. А тут получалось, будто «иллюзии» живут в сознании индивида «сами по себе», независимо от пропаганды, и даже тиражируются. Токвиль ведь недаром обратил внимание именно на распространенность сходных духовных образований. Как же они формируются?

Саенко Г. Мне все время хочется привести такой пример. В начале Первой мировой войны в немецкой печати сложилась своеобразная форма подачи материала. Публиковались фотографии с короткими или развернутыми подписями, носящими характер комментария. Снимки воспроизводили картины военных действий, мучения солдат, попавших в плен, сцены грабежа и пыток. Эти материалы произвели огромное впечатление на общественное мнение, вызвали гнев различных слоев населения. Читатели полагали, что имеют дело с правдивой, неопровержимой информацией. Но неожиданно выяснилось, что эти сообщения не соответствуют действительности. Снимки не были какой-либо инсценировкой и воспроизводили картины подлинных событий. Однако подписи к ним строились с расчетом на преднамеренную фабрикацию общественного мнения. Текст зачастую состоял из лживых обвинений, заведомых провокаций. Например, сцена захоронения солдат подавалась как картина изощренных пыток и т. д.

Гуревич П. Очень интересный пример. Разоблачение этих фальшивок, механика их повседневного тиражирования буквально потрясли читателей. Оказывается, органы информации вполне могут вводить в заблуждение огромные массы людей, не прибегая при этом к сложной технике «сотворения мифа». Вполне достаточно слегка исказить текст комментария, чтобы вызвать бурю страстей, сознательно инспирированных настроений. Выяснилось, что человек во всеоружии разума и трезвости беззащитен перед обычной социальной демагогией. Но совсем недавно американские агентства распространили фотоснимки, на которых якобы изображены тела — жертвы химической атаки правительства Асада. Но трупы какие-то чистенькие, гладенькие. Хотя известно, что при химическом отравлении тела убитых не выглядят так благостно и аккуратно.

Буева Л. После Первой мировой войны многие социологи пришли к выводу, что именно сфера массовой демагогии является источником исторических потрясений. Они полагали, что войны не хотело ни одно буржуазное правительство. А анализ содержания печати, по их мнению, показывал, будто все страны вступили в сражение под влиянием умышленных инспираций. Осо-

бенно были возмущены американские социологи: им казалось, что их страна вовлечена в войну английской и французской демагогией.

Саенко Г. Представление о «триумфе социальной демагогии» стимулировалось теперь растущей уверенностью в том, что личность подвержена внешнему влиянию, общественное мнение легко вводится в заблуждение, а печать и радиовещание функционируют именно как средства массовой дезинформации. Многочисленные факты, свидетельствующие о том, что пропаганда легко вводит в заблуждение тысячи читателей или радиослушателей, западные исследователи стали истолковывать в том смысле, что сообщение оказывает прямое и неотразимое влияние на человека. Такая позиция способствовала проникновению в теорию социальной демагогии представлений о человеке как продукте внешних условий и внешнего воздействия. При этом росло убеждение, будто человек управляется автоматически и механически в рамках бихевиористской схемы «стимул — реакция».

Гуревич П. Уже в 20-х годах прошлого столетия в США развернулись широкие исследования, цель которых заключалась в том, чтобы изучить запросы аудитории, потребляющей рекламные материалы. Позже начался анализ интересов и предпочтений «потребителей» пропаганды. Правда, социологическая работа сразу же приобрела во многом потребительский, утилитарный характер.

Буева Л. Мы все время подчеркиваем неотвратимость и пагубность социальной демагогии. Но можно ли сказать, что она всесильна и нет пределов для идеологического внушения масс? Не кажется ли вам, коллеги, что само изучение механики социальной демагогии, ее рецептуры позволяет избежать ее тотального воздействия?

Саенко Г. Если бы массы имели более конкретное представление о том, с помощью каких приемов власть достигает своих целей, пренебрегая при этом зачастую интересами народа, то политическая практика выглядела бы иначе, была бы менее опасной и вредной. Парадоксально, что в нашей стране совершенно исчезла традиция постоянного интереса к языку социальной демагогии. Давно не было переводов зарубежных исследований на эту тему, нет книг и отечественных авторов. Между тем распознавание механизмов влияния на состояние умов является важной гарантией общественной гармонии. Мы помним из истории, какие последствия имела для Германии, для народов практика грамотной социальной демагогии. Вот, скажем, психологический механизм проекции. Он позволяет конструировать образ коварного врага и тем самым отвлекать общественность от реальных и насущных проблем.

Гуревич П. Социальная демагогия постоянно делит мир на «плохих» и «хороших». Нацисты, мы хорошо знаем, все время проводили различение между «нами» и «ними», воскрешая при этом образ многоликого врага. «Они» — это американцы, англичане и французы, разбогатевшие на войне. «Они» — это левые, революционные пролетарии и марксисты («эти люди вонзили нож в спину воюющей нации»). «Они» — это коммунисты («они хотят лишить нас остатков собственности, ввести общность жен»). «Они» — это русские («эти азиаты-дикари хотят привести на Рейн казаков»). «Они» — это другие славянские народы («занимают исконные немецкие земли, стесняют наше жизненное пространство»). «Они» — это евреи («ворочают ростовщиче-

ским и торговым капиталом, объединены в единый всемирный заговор и паразитируют на теле немецкого народа»).

Буева Л. Нацистская пропаганда строилась на ненависти, на возбуждении сильных эмоциональных эффектов. Назовем в качестве примера выступление Гитлера в сентябре 1938 года. Ему предшествовала настоящая психическая подготовка: на фоне вагнеровской музыки — медленный, грозный барабанный бой, тяжелый, кованый солдатский шаг и зловещее бряцание оружием, то нарастающее, то удаляющееся. Это было психическое насилие в чистом виде, рассчитанное на то, чтобы запугать миллионы людей во всем мире; они должны были представить себе огромную военную машину Германии в действии, готовую в любую минуту обрушиться на них и смести все на своем пути, представить со всей конкретностью — и капитулировать.

Саенко Г. Фашистская пропаганда уделяла огромное внимание организации всякого рода зрелищ — военных парадов, демонстраций, митингов, публичных праздников, факельных шествий и т. д. Эта сторона нацистской пропаганды, помимо устрашения, вызываемого демонстрацией силы, была направлена на то, чтобы искусственно «взвинтить» массы, довести их до состояния коллективного психоза, исступленного воодушевления.

Гуревич П. Разоблачая механику социальной демагогии, было бы преступно говорить о ее несокрушимости. Многие люди убеждены в том, что человек абсолютно беззащитен перед потоком размноженного обмана, он совершенно не в состоянии различить реальность и грезы, факт и вымысел. Более того, индивид будто бы и не стремится к этому. Иллюзия, служащая ему психологической опорой, устраивает его в большей мере, нежели жестокая правда современности. Именно поэтому, как полагают многие социологи, он внутренне тяготеет к такой культуре, которая маскирует действительность, помогает справиться с болезненным психическим напряжением, вызванным бешеным темпом «информационного общества».

Буева Л. Здесь немало сложных теоретических проблем. Как объяснить, например, податливость индивидуального сознания и в то же время его способность противостоять манипулятивным стандартам? Почему и как средства массовой коммуникации могут воздействовать на содержание культуры? Что представляет собой так называемая «визуализация» пропаганды, то есть возрастание в ней зрительных образов? Чем конкретно порождена «мания персонификации», то есть использование различных персонажей и героев массовой литературы в процессе манипулятивного воздействия на потребителя?

Саенко Г. Парадокс заключается в том, что социальная демагогия сочится отовсюду. Сегодня на международной арене прав тот, у кого сила. Можно беззастенчиво врать, будто в какой-то стране ведутся тайные разработки атомной бомбы, что правитель применил химическое оружие против своего народа, что восточный владыка не хочет быть демократом. Но ведь это не просто риторика. За ней следуют активные действия — свержение режима, захват ресурсов, принадлежащих какой-то стране. Все — политики, эксперты, простые люди — понимают, что на самом деле идет захват чужих богатств. Но риторика стала изощренной, наглой, открытой.

Гуревич П. Не следует полагать, будто она присуща только господствующей власти. Не чурается манипулирования сознанием и оппозиция. Посмот-

рим, к примеру, предвыборные программы кандидатов на пост столичного градоначальника. Алексей Навальный, скажем, рассчитывал в случае его избрания мэром предоставить москвичам возможность определять приоритеты в развитии города. Мысль замечательная, но не бесспорная. Всем понятно, что учитывать мнение людей необходимо, но определять приоритеты в развитии города все-таки должны специалисты.

Буева Л. Здесь мы вступаем в сферу массового сознания. Долг общества состоит в том, чтобы помогать людям, далеким от реальной политики, разбираться в социальных вопросах. С. Митрохин, это я еще раз о выборах мэра, обещал покончить с рабским трудом в столице, но не слишком ли все просто: использование мигрантов перестанет быть таким дешевым и их число резко сократится. Остановить кризис ЖКХ, установить контроль за тарифами. Но ведь это без всякого успеха пытается реализовать российское правительство. Нет ли здесь поверхностного погружения в проблему? Программа кандидата от ЛДПР — это набор лозунгов и восклицаний. «Мигранты? Домой!», «Проезд дорожает? Заморозить цены!», «Горячая вода? Будет всегда!», «Тарифы? Снизить!», «Низкие пособия? Повысить!», «Все нелегалы должны быть выдворены из Москвы». Н. Левичев предлагал политизировать деятельность мэра. Что все это означает, если не разгул демагогии? Ведь никто из них не говорит: «Я попытаюсь», «Попробую претворить в жизнь такие-то меры». Но кто из москвичей не знает, что проблемы города не решаются таким демагогическим натиском? Когда политик на полном серьезе предлагает добиваться межнациональных браков, усиливать это стремление и принуждать к таким союзам, то возникает и сомнение, все ли ладно у него с головой.

Саенко Г. А сколько социальной демагогии в риторике во внутренней политике! Западные социологи провозгласили «конец идеологии», чтобы заранее подготовиться к идейным схваткам. В наши дни, к примеру, между Россией и Китаем существуют добрые отношения. Но китайская власть пугает население Россией. Флагман китайской журналистики, крупнейшее государственное информагентство, объясняет своим гражданам, как обрушился Советский Союз. Да, это событие в нашей стране называют «крупнейшей геополитической катастрофой». Но зачем умышленно предлагать неправду? Агентство сообщает: «Россияне однажды проснулись ночью после большой демократизации и обнаружили, что... все выходы в море, которых русские добивались в течение нескольких веков, потеряны». Но наша страна по-прежнему имеют выходы к морю — Балтийское, Баренцово, Северный Ледовитый океан, Тихий океан, Азовское море, Черное... Что же мы потеряли из наших морей? Ничего. Но китайская власть внушает населению, насколько разрушительна большая демократизация.

Гуревич П. Как отстраниться от социальной демагогии? Как избежать ее суггестивной мощи? Весьма популярный философ Юлиус Эвола предлагал в качестве панацеи деполитизацию. Его книги спустя столетие породили своеобразную эволоманию. Он утверждает, что в современном мире нужно максимально отдалиться от политических интриг. Надо быть «обособленным человеком». Эту установку он называет аполитеей. Она, по представлениям Эволы, по существу обозначает внутреннюю позицию беспристрастности и независимости. «Аполитея означает сохранение непреодолимой внутренней

дистанции по отношению к современному обществу и его „ценностям“; отказ от всяких духовных и моральных связей с ним». Аполитея, в том виде, как она мыслится Эволой, не требует исполнения никаких особых предварительных условий во внешнем плане.

Буева Л. Аполитея — утопична. Манипулирование массовым сознанием настолько укрепилось, набрало такие обороты, что, вероятно, как пишет Жак Бодрийяр, преспокойно продолжало бы существовать, если бы человечество вообще исчезло. Политика больше не сосредоточена в политике, она затрагивает все сферы — экономику, искусство, спорт. Обыкновенное выступление артистов за рубежом нередко превращается в политическое событие. Почти нейтральное осуждение геев со стороны известной спортсменки вызвало мощные политические страсти. И спорт вышел за рамки спорта — он в бизнесе, в сексе, в политике, в общем стиле достижений. Все затронуто спортивным коэффициентом превосходства. Когда секс присутствует во всем, теряется иммунитет, комментирует эти тенденции французский философ. Деполитизация оказывается формой интенсивной политизации.

Саенко Г. Тот, кто читал книги Эволы, может быть поражен, насколько точно этот философ предугадал глобальные проблемы современной цивилизации. Его диагноз плачевен: распад морали, утрата патриотических чувств, деградация культуры и разложение искусства. Эвола был беспощаден к социальной демагогии. Он писал о том, что защита личности, которая опирается на индивидуализм, абсурдна и бессмысленна. Эвола разоблачал лицемерие, связанное с демократической риторикой. По его словам, отупение и низкопоклонство (малодушие) достигли такой степени, что слово «демократия» превратилось в своего рода идола, а его навязчивое повторение везде и повсюду вызывает тошноту. Похоже, сегодня все уже просто боятся сказать хоть слово против демократии и считают необходимым хоть как-то заявить о своей демократичности. Особенно это заметно, если открыто заявить о нежелании участвовать в грязной игре. Политики пытаются оправдать свои уступки, измышляя различные эпитеты и призывая к подлинной, национальной или здоровой демократии. Актуальны слова Гете: «Трудно избавиться от вызванных духов».

Гуревич П. Все же надо отметить, что идеи Ю. Эволы особенно популярны среди откровенных националистов. Этого мыслителя в первую очередь интересовали мистические свойства человеческой природы. Нет сомнений в том, что в современной политике и экономике значительную роль играет государство. Без преданности государственной идее трудно рассчитывать на успех. Но, как подметил в свое время М.Е. Салтыков-Щедрин, не надо путать отечество с Его Превосходительством. Скрепами традиционного государства были верность и преданность. Это был принцип порядка и духовной власти. Но современное государство в европейских странах уже не заслуживает такой сакральности. Оно превратилось в корпорацию. Политики занимаются бизнесом, в результате сами ставят интересы личной выгоды выше государственных.

Буева Л. Социальные демагоги легко спекулируют на национальных проблемах. Нет сомнений в том, что после крушения идеологии «мультикультурализма» европейские страны столкнулись с рядом мучительных проблем.

Полным ходом идет азиатизация Европы. Представление о ликующем вхождении народов в процесс глобализации оказалось легковесным. Социальному демагогу нетрудно найти повод для мобилизации людей, ощущающих единство «почвы и судьбы». И все-таки любое этнически разнородное государство, к примеру, США или Германия, вряд ли способно взять на вооружение карту национализма. Даже если это преходящий лозунг дня, скажем, для победы на выборах или длительная кампания, риторика исторической особости и державного превосходства ради национального единства уже не рекрутирует массы. Это, впрочем, не означает, что власть или оппозиция, мечтающая о власти, откажется от социальной демагогии вокруг «почвы и судьбы» .

Саенко Г. А с каким цинизмом сегодня реализуется международная политика! И. Ильф в свое время иронизировал: можно, скажем, объявить войну Дании под очевидным предлогом: зачем они замучили датского принца Гамлета? Но Гамлет — всего лишь фантазийный образ Шекспира. Это уже детали. Массы плохо представляют, где греза, где реальность. А вот про принца Гамлета слышали многие...

Гуревич П. Итак, сделаем некоторые выводы. Каковы же особенности современной социальной демагогии? Во-первых, она, по сути дела, перестала искать теоретическое обоснование. Прежняя опора на научное слово исчезло. Современный политик не утруждает себя подробными аргументами, чтобы продемонстрировать научную оснащенность. Власть стала циничной и прагматичной. Поток исследований по массовым идеологическим процессам заметно иссяк. Сегодня демагогические приемы никак не сопряжены с риторикой, с искусством красноречия. «Пипл хавает» — это относится и к нашей теме.

Буева Л. Еще одна особенность современной социальной демагогии: Она перестала быть локальным явлением. То, что было частностью, стало универсальным. Мы живем в мире социальной демагогии. Мы дышим этим воздухом. Если бы сегодня появился политик, который стремится назвать вещи своими именами, он показался бы нам странным и эксцентричным. Демагогия — это не перечень приемов, а та общественная среда, в которой мы живем. Когда демагогия существует во всем, теряется иммунитет к ней.

Саенко Г. Вы правы. Представим себе утопию в духе Роберта Шекли. Некий инопланетянин прибыл на нашу планету и пытается понять нравы нашей страны. Ему, к примеру, кажется алогичным и абсурдным, что доходы у многих чиновников значительно превышают их заработки. Покрутив щупальцем вокруг виска, инопланетянин спрашивает: неужели вы, земляне, не понимаете, что они берут взятки?

Буева Л. Социальная демагогия никогда не исчезнет, но и не позволит ничему иному занять ее место. Образ сидящего человека, отмечает французский философ, созерцающего в день забастовки пустой экран своего телевизора, когда-нибудь сочтут одним из самых великолепных образов антропологии нашего века.

Саенко Г. Я понимаю вашу мысль, Людмила Пантелеевна, вы сетуете на безмятежность масс, которые позволяют социальной демагогии быть абсолютно безответственной. Всякой ложной идеологии рано или поздно приходит конец. Она наказуема. Немецкий философ Карл Ясперс наглядно пока-

зал, что возмездие в социальной практике приходит обычно неожиданно и неотвратимо. Социальная демагогия, став надежным политическим инструментом, теряет трезвость и, в конечном счете, подрывает сама себя.

Гуревич П. Несомненно, затронутая нами тема не только актуальна, но и предельно значима. Представители власти много говорят о том, что нашему обществу нужна идеология. Нет сомнений в том, что выработка стратегии общественного развития — животрепещущая тема. К сожалению, мировоззренческий вакуум заполняется не открытым и честным разговором с народом о серьезных проблемах, которые встали перед нашим обществом, а суррогатом социальной демагогии.

Общественность тревожит упадок науки и образования, демографический кризис, ухудшение качества жизни. Она разочарована тем, что власть не слышит и не хочет слышать ее голос. Один из опорных мифов современной социальной демагогии в стереотипном представлении, будто в России сформировался слой «новых менеджеров», деятельность которых вызывает критику консерваторов, привыкших к прежним управленческим навыкам. Можно ли вернуть статус великой державы, если поставить на поток социальную демагогию? Безусловно, правы те эксперты, которые показывают, что социальная демагогия распространяется во всех направлениях, без какой-либо логики, присутствия в каждой скважине и щели. Эта ржа проникла во все сферы социальной жизни. В обществе зреет твердое убеждение в том, что мнимая забота о стабильности, качестве образования, эффективности науки, укреплении обороноспособности страны является просто густой дымовой завесой для социальной демагогии. Мы живем в постоянном воспроизведении фантазмов, образов, мечтаний. Такой политический столбняк, такая инерция опасны. Власть, похоже, сама уверовала в то, что жизнь развивается именно в тех берегах, в которых полощется социальная демагогия.

Исследования показывают, что при отсутствии оригинальной политической стратегии) при невозможности разумного управления социальными отношениями государство теряет свою социальную сущность. Оно уже не функционирует в соответствии со своей волей, им управляет шантаж, устрашение, притворство, провокации или показные хлопоты. Социальная система, как и биологическое тело, теряет свою естественную защиту по мере ее подделки и замены.

ПУБЛИКАЦИИ

Расим АГАЕВ (Азербайджан)

ТРИ ЭТАПА И ТРИ ИЗМЕРЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ БЕЗ КОНЦА

Все революционеры прошлого исходили из того, что если существующая власть лишает человека (народ) свободы и социального равноправия, то он вправе самостоятельно устранить эту несправедливость. Разумеется, было бы идеально, если б удалось подвести к пониманию допущенной несправедливости тех, кто осуществляет власть.

Случаи такого рода были столь редки в истории, что привычка апеллировать к насильственному решению животрепещущей проблемы — с помощью социальной революции — долгое время воспринималась (заметьте, на самых различных континентах) как естественная реакция масс, нашедших, наконец, универсальный инструмент восстановления попранных прав. Однако время, когда конституции наделяли народы правом на революционные перемены, давно осталось в иной исторической эпохе. Вместо них везде и всюду разработаны и приняты соответствующие законоположения об экстремизме, с помощью которых легко нейтрализуются любые попытки воздействия на власть, не говоря уже о революционных действиях.

Человеческие знания законов общественного развития и реальные экономические и интеллектуальные возможности позволяют, с одной стороны, воспользоваться мирным переходом к общественным преобразованиям — реформами. И примеры такого рода имеются: Сингапур, Южная Корея, есть надежды на эволюционное развитие и в Иране. С другой стороны, власть имущие при благоприятных условиях стабильного развития, спроса на природные ресурсы, особенно энергетические, получают возможность манипулировать действиями политических организаций и широких групп населения. Такой курс тем более получает распространение, что опирается на широкую поддержку мировых центров сил.

Однако эта очевидная и общепринятая политика не отменяет поиска иных, более совершенных форм государственного устройства, каковым многим представляется республика. Тем более, что переход к республиканским формам правления не обязательно может сопровождаться революционным нигилизмом. Имеются более мягкие, приемлемые способы согласования интересов, безболезненных способов сосуществования национальных сил, даже представляющих монархов и республиканцев. (Монархическая форма правления — в качестве одного из институтов государственной власти или абсо-

лютистских форм — сохраняется ныне в более чем 60 государствах Европы, Америки, Азии, Африки и Океании. То есть в более чем трети всех официально признанных ООН государств.)

Трансформации, которыми сопровождается процесс практического воплощения демократических идей за пределами исторической Европы, актуализируют поиск промежуточных, альтернативных моделей государственного устройства с упором на эволюционные принципы развития новых создаваемых политических систем. В этом плане ставка на монархические способы приобщения к цивилизационным процессам в развивающемся мире, сделанная в свое время западными политтехнологами, как альтернатива национал-демократическому опыту, требует переосмысления. При всех их архаике и ограничениях свобод (не более национал-революционных режимов) многие монархические государственные образования демонстрируют жизнеспособность, умение приобщиться к достижениям социального прогресса, обеспечить своим гражданам более высокий уровень жизни. Восприимчивость значительных социальных слоев населения к ним не вызывает сомнения. Очевидно, под воздействием этих факторов в последнее время в политической среде ряда стран, в том числе и постсоветского пространства, раздаются голоса о предпочтительности при определенных условиях некоего просвещенного авторитаризма. Являются ли эти выводы кратковременными, продиктованными конъюнктурой политического момента или же опираются на широкие общественные настроения — покажет будущее. Но факт, что дискуссии об этом идут, как и практические попытки формирования модернизированных правящих династий при молчаливом согласии международного сообщества и нескрываемом неприятии национальных элит.

Дискуссии вокруг этих проблем оказываются в центре внимания теории и практики общественного обновления, каждый раз после очередного революционного всплеска. И с каждым разом на передний план выступает и другая проблема: пределы и формы помощи и поддержки, которую оказывает Запад в целом в переходе различных стран, регионов к демократическим формам государственного устройства. На практике эта политика предстает как модернизированная технология контроля над геополитическими пространствами и мировыми ресурсами. Этой цели, по существу, служит и наступление на авторитаристские режимы, так или иначе связанные своим зарождением и утверждением не только реальному социализму, но и Западу в целом, рассматривавших их в качестве промежуточных или альтернативных путей развития. Если учесть, что географическая и демографическая зона авторитаризма ныне резко увеличивается за счет Китая, а также то, что либеральные идеологии на постсоветском пространстве повсеместно объявлены опасным заблуждением или иллюзиями интеллигентских кругов, приходится признать, что ждать поворота к европейским демократическим ценностям на значительных пространствах, в коих кровно заинтересованы СЕ и США, в среднесрочной перспективе не приходится.

Тот факт, что наиболее мощное наступление на авторитаризм начался с Арабского Востока, свидетельствует лишь об энергетическом и исламском составляющих геостратегической проблемы. Ближний Восток является нефтегазовым резервуаром США и СЕ, и контроль над регионом не может не рас-

сматриваться под углом зрения обеспечения энергетической безопасности западного мира. Финансово-экономический кризис, прогнозировавшийся большинством экспертов и научных центров, лишь ускорил реализацию геостратегических проектов, связанных с обширным геополитическим регионом от Каира до Равалпинди. Однако в указанном геополитическом пространстве доминирует новая идеология — ислам, — не менее воинственная, чем социализм, также апеллирующая к обездоленным массам, жаждущим справедливости. При всех противоречиях исламистских отрядов, многообразии форм и методов борьбы против мирового зла, каковым они считают США, Запад в целом и его неотъемлемую часть — Израиль, новое теократическое движение легко и незаметно преодолевает государственные и этнические границы, овладевая умами широких социальных слоев в силу особого этноконфессионального феномена, называемого мусульманскими идеологами уммой. Применение лекал классической социологии о классах, нациях и пр. отторгается традиционалистским миропониманием миллионов мусульман, воспринимающих единство приверженцев веры как некое божественное предназначение. Вот общемусульманская точка зрения об этом: «Революции Уммы доказали всему миру, что наши народы являются единой нацией, которые отвергают следование чему-либо, помимо убеждений, заключенных в словах: «Нет бога, кроме Аллаха! Нет альтернативы Исламу! Нет замены шариату!» Сегодня мусульмане стремятся вернуть свою великую силу, которой их лишили марионеточные режимы, ведущие войны против Ислама» (профессор Мухаммад Хальф аль-Хадид, Иордания).

Радикальное крыло движения исламистов возглавляет ИРИ. Однако оно не может быть относимо к доминантной идеологии, поскольку вес, влияние и возможности ИРИ уравновешиваются практикой умеренных исламистов в Турции, предложивших новую для исламского мира модель развития в рамках исламской демократии. К этому, на взгляд некоторых экспертов, более перспективному процессу в регионе с вниманием относятся и некоторые круги на Западе. Однако столь же пристального внимания заслуживает и другой фактор. А именно — неприятие уммой авторитаристских режимов, утвердившихся в ведущих арабских странах и пользующихся поддержкой США. Страны, являвшиеся флагманами арабских народов за независимость — Египет, Ирак, Сирии, Ливия, — по мнению идеологов исламского движения, выродились, стали прислужниками Запада и потому не способны отстаивать интересы арабской нации (профессор Мухаммад Хальф аль-Хадид, Иордания). На активном недовольстве уммы утвердившимися авторитаристскими режимами и основан фактический тайный союз США с новой мощной революционно настроенной силой, опираясь на которую Запад приступил к новому переустройству политической карты Ближнего Востока и далее по всему исламскому пространству, с последующим проникновением вглубь Евразии. «Бархатные» революции, прокатившиеся по постсоветскому пространству («оранжевый» вариант в Украине, «революция роз» в Грузии), получали новое продолжение и дополнительный мощный импульс в виде «Арабской весны».

В сущности, перед нами новое издание старой платформы перманентной революции со всеми ее характерными чертами: экспорт идей и военизирован-

ных отрядов, интернационализация движения, направленного на политико-государственное переустройство целого ряда стран, подключение к процессу широких социальных слоев с помощью призывов к реализации убедительного набора справедливых требований. Обращение к революционным формам борьбы, поддержанное идеологическими службами Запада, тем более удивительно, что сама идеология достижения демократических целей революционными методами была скомпрометирована и отброшена как устаревшая, несовместимая с либеральными ценностями еще на этапе разрушения СССР. Таким образом, революция как насильственная форма борьбы, отвергнутая в 1980-е годы, оказалась востребованной десятилетие спустя на постсоветском пространстве, и предстала в качестве главного двигателя истории еще через десять лет в обширном регионе — от Северной Африки, Ближнего Востока и до Тегерана.

В связи с этим есть смысл вкратце остановиться на некоторых характеристиках революционного обновления, прокатившегося по Арабскому Востоку.

В числе факторов, подведших регион к всеобщему бунту, эксперты выделяют нищету значительных слоев населении, безработицу среди молодежи, повальную коррупцию многочисленного чиновничества, раздражающий повсеместно эпотизм правящей верхушки, погрязшей в воровстве национальных богатств, купающейся в роскоши и не скрывающей наличия многомиллионной собственности и многомиллиардных счетов в западных банках. Раздражающее действие столь вызывающего образа жизни прямо пропорционально равнодушию, проявляемому управляющим классом к нуждам значительных слоев граждан, откровенное забвение национальных интересов. И все это на фоне небывалого роста численности населения, набирающего явно угрожающие темпы. «Руководить страной — процесс нелегкий. Прирост населения в Египте ежегодно — 1 млн 300 тыс. человек, а доходы растут далеко не такими темпами», — признавался в одном из своих последних интервью президент Х.Мубарак. И понять руководителя страны с почти 82 млн населения можно.

На первом этапе прихода «Арабской весны» в качестве движущей силы (особенно в Египте и Тунисе) предстала молодежь — не только ее люмпенский сегмент, но и значительное число образованной ее части — лишенная перспектив, владеющая новыми информационными технологиями и легко консолидировавшаяся посредством социальных сетей Интернета. Молодежь придала особую энергетику протестному движению, в процессе обостряющегося общественного противостояния обретя черты феномена, названного позже экспертами молодежным бунтом. Однако ни для кого не было секретом, что за кулисами событий действуют организационно структурировавшиеся и политически опытные исламистские силы. Их разнообразные отряды стали наиболее активным элементом этноконфессионального взрыва, после которого проведение парламентских выборов под напором новой идейно-политической силы в Египте и Тунисе (конец 2011 — начало 2012 года) стало неизбежным. Приход исламистов к власти венчал собой второй этап «Арабской весны».

Таким образом, можно говорить о грамотно проведенной тактической линии исламистских сил, направленных на консолидацию протестного движения и постепенный выход на авансцену политической жизни в качестве главного игрока разворачивающихся революционных событий. Этому в значительной, если не решающей степени способствовала и активизация свя-

зей с западным истеблишментом (США, Франция, Турция, прежде всего), создание своеобразной внешнеполитической группы поддержки, в том числе и силовой. В связи с чем приходится говорить об особой роли внешних сил в «Арабской весне», как о факторе, оказавшем решающее влияние на весь ход, развитие и реальные результаты революционных перемен на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Наиболее слаженно и практически открыто внешние силы действовали в Ливии. Здесь впервые (весной 2011 года) был создан прецедент совместного участия блока НАТО и некоторых арабских государств в насильственном изменении режима в отдельно взятой арабской стране. США, как флагман западной идеологии с сознанием своей исторической ответственности за существующий миропорядок, выступили в полном соответствии с ранее принятой Национальной стратегией обеспечения безопасности США (2006 год). Именно Стратегия-2006 разработала и выдвинула главную цель начавшегося нового передела мира — долговременное закрепление мировых ресурсов за глобальными корпорациями и государствами Запада и прежде всего США.

Третий этап «Арабской весны» связан, как считают арабские аналитики, с настойчивыми попытками США, Запада «украсть эти революции и увенчать их приходом так называемого умеренного или серединного Ислама, а также либерального Ислама» (профессор Шериф Заид, Египет). Еще до начала политических потрясений экспертное сообщество арабских государств склонялось к мысли, что турецкая политическая модель может стать образцом для всего ближневосточного региона благодаря «удачному сочетанию ислама и демократии». Именно так позиционировала себя Турция в начале революционных событий, однако по мере продвижения революционного процесса турецкое руководство сочло возможным полностью поддержать цели и задачи евроатлантического альянса.

«Революция продолжается» — полагают исламистские идеологи. Почти по Троцкому: «Революция арабской уммы имеет начало, но не имеет конца». Маршрут перманентной революции, перемены в ее темпах, неожиданные повороты и вынужденные остановки наилучшим образом свидетельствуют о целях и задачах этого нового социального и политического феномена. «Весна» началась в Тунисе (первый выход умеренного ислама), пролегла через Египет (ключевая страна суннитской части Большого Ближнего Востока), Ливию (первое место в Африке по запасам нефти, 3,4% мировых запасов), Сирию («проиранская» страна Большого Ближнего Востока) и замерла на границе Ирана (9,9% мировой нефти) , в связи с чем новая стадия переговоров с США, как и реформы Х. Рухани, будут иметь особое значение для судеб «Арабской весны». После вынужденной остановки она ворвется в просторы Южного Кавказа (основная цель — нефтяной Азербайджан), далее придут в движение массы недовольных в Центральной Азии, России — поскольку именно в этих странах сосредоточены основные суммарные запасы евразийской нефти и — что немаловажно — основные транспортно-энергетические коммуникации. «Благословенные революции не остановятся, пока не свершат настоящее изменение, которым будет доволен, во-первых, Аллах и Его посланник (с.а.с.), а во-вторых, вся исламская Умма» (профессор Шериф Заид, Египет).

Однако социально-экономические последствия «Арабской весны» вряд ли вдохновят умму на углубление и перманентное продолжение революционного процесса. По некоторым оценкам, в том числе президента Федерации арабского бизнеса Хамди Габала, общая стоимость потерь арабских стран, где произошли волнения и смена режимов, приближаются к 100 млрд долл. За последние полтора года резко ухудшилось и без того сложное экономическое положение арабских монархий, доселе считавшихся в этом плане благополучными. В этих условиях национальные правительства не смогут увеличить социальные расходы для стабилизации ситуации в своих странах. Высок риск, что такое развитие событий станет причиной дестабилизации внутриполитической ситуации и в ключевом государстве региона — Саудовской Аравии. Не приходится говорить и об исполнении надежд ряда исламских идеологов на осуществление мер по реализации принципов социальной революции, предполагающих радикальное изменение всей системы общественных отношений. К реформам в области формы собственности, способа экономического регулирования, политической системы пока нигде не приступали. Лучшего свидетельства подчиненной роли исламистов в революционном движении, тактика и стратегия которого определяется извне, пожалуй, подыскать трудно. Реальность такова: геополитический регион, известный под названием Большой Ближний Восток — от Северной Африки до Пакистана — американские стратеги относят к основному ареалу нестабильности в XXI веке. Что не может не рассматриваться Вашингтоном как реальная угроза стратегии США и мировому правопорядку (доклад «Предвидение 2030 года: Стратегия США в постзападном мире» — Envisioning 2030: US Strategy for a Post-Western World, Атлантический Совет, независимый научный центр по международным отношениям).

Перманентная революция в ее американском издании вызвала настороженность не только в исламском мире, но и тесно связанном с ним постсоветском геополитическом пространстве. Усиливаются признаки подозрений и недоверия в отношениях США, Запада в целом с целым рядом государств означенного региона. Революционное продвижение либеральной демократии под прикрытием борьбы с авторитаризмом вызывает, по существу, консолидацию в его рядах, вовлекая в этот процесс и демократически продвинутые государства. В целом эта тенденция не может не вызвать торможения демократических процессов, которое будет сопровождаться перегруппировкой авторитаристских сил, усилением радикального крыла исламского движения и ограничения зоны деятельности умеренных, демократических сил в нем.

В статье использованы материалы: обзор Российского института стратегических исследований (группа экспертов во главе с кандидатом философских наук, руководителем Центра Азии и Ближнего Востока Е.В. Супониной); статья Н.А. Комлевой «Арабская весна: геополитический аспект», доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории политической науки Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина; Доклад «Предвидение 2030 года: Стратегия США в постзападном мире» — Envisioning 2030: US Strategy for a Post-Western World, Атлантический Совет, независимый научный центр по международным отношениям; Россия в глобальной политике, № 1, 2013, Д. Малышевой «Арабская весна» глазами российских ученых», № 2, 2013, «И вечная весна», группа авторов.

Сергей ИСРАПИЛОВ

НЕ ОДНА, А ДВЕ КАТАСТРОФЫ

Ливия, Сирия, Афганистан, Ирак, Сомали, Судан, Йемен, Египет... Политические проблемы ряда стран мира, населенных преимущественно мусульманами, на протяжении уже двух десятилетий находятся в центре международной политики, не покидают заголовки статей и экраны мировых СМИ. Именно в исламском мире происходят революции, войны, социальные катастрофы, приковывающие к себе повышенное внимание. Здесь мы видим тенденцию к кризису национального государства, ставшую «визитной карточкой» этой части мира. Политическая нестабильность характерна для большинства исламских стран. Более того, некоторые из них практически исчезли с политической карты. Так, мировое сообщество уже признало распад Судана. Фактически перестали быть единым государством Сомали и Ирак. Неясна дальнейшая судьба Сирии и Ливии. Непонятно, сможет ли национальное правительство выстоять после ухода из Афганистана международного контингента...

Итак, мы видим целый ряд политических катастроф, которые лучше всего охарактеризовать словами «кризис» или даже «крах национальной государственности».

Казалось бы крах, кризис или «просто» снижение эффективности национального государства — настоящая трагедия. Ведь именно государство в современном мире является организатором и двигателем национальной экономики. В отсутствие же государства можно ожидать криминальную анархию, массовую безработицу, многочисленные социальные бедствия, хаос и, в конце концов, голод и войны...

Вместе с тем, в этих странах, переживающих бурные политические и социальные потрясения, сегодня имеет место высокий демографический рост. Как говорится, «на зависть соседям». Ниже мы привели демографические данные по самым бедствующим из исламских стран — Судану, Сомали, Афганистану и Ираку. Это страны, где фактически уже нет единого национального государства и нет экономики в привычном ее понимании. Но, как можно видеть, демографические показатели здесь в разы превышают данные благополучных стран Западной Европы.

Какой вывод можно сделать из этого факта? Возможно, правильнее всего будет сказать, что мы видим не одну, а сразу две катастрофы. Да, во многих исламских странах мира идет разрушение национального государства и связанной с ним национальной экономики. Это вызывает ухудшение экономиче-

ских показателей, обострение социальных бед и политической нестабильности. В то же время в странах Европы имеет место кризис общества. Здесь происходит или уже произошло разрушение социальных институтов, объединенных словом «общество»: семьи, общины, традиций, морали... И в этом смысле демографические показатели — самый значимый маркер этого кризиса.

Сегодня Европа с интересом, а порой с сочувствием смотрит на политически нестабильные страны, где идет гражданская война и нет эффективной экономики. Но вдумайтесь в следующие цифры. За последние двадцать лет население Афганистана, где идет бесконечная война, увеличилось в три раза(!). За это же время удвоилось население Ирака, пережившего две полномасштабные войны, иностранную оккупацию и террористическую войну. Почти удвоилось население Судана и на 50% выросло население Сомали. А коренное население России, Германии и Франции сократилось на 5-12%. Народы, внесшие огромный вклад в мировую историю, «тихо» уходят. И в этой связи особенно странно, что Европа не чувствует собственной демографической катастрофы.

Мы, европейцы (и россияне в том числе), привыкли мыслить образами, которые навязали нам мировые информгиганты: AFP, BBC, Euronews... Война выглядит зрелищнее, чем нежелание семей из благополучных стран отягощаться детьми. Может, именно поэтому Европа не замечает собственной катастрофы, но видит катастрофу чужую?..

Возможно, мы имеем право спросить: «А что хуже: кризис государства или кризис общества?» Такая постановка вопроса несколько непривычна для нашего уха. Более того, его невозможно ставить в сложившейся системе ценностей. Мы, как и все европейцы, уверены, что кризис государства хуже кризиса общества. Война, нестабильность, отсутствие работы, падение жизненного уровня пугают нас больше, чем собственные бездетность или безнравственность. Но при этом мы все же понимаем, что общество с отрицательными показателями динамики рождаемости обречено и на экономическую стагнацию, и на засилье мигрантов, и на рост числа конфликтов между мигрантами и «коренными» (см. *табл.*)...

Особо следует отметить, что существующая система статистической отчетности несколько ретуширует истинное положение с демографией в странах Западной Европы. Как известно, население страны будет сокращаться при коэффициенте рождаемости (числу рождений на одну женщину) ниже 2,1. И если при коэффициенте рождаемости 1,2–1,4 население продолжает расти, то речь идет о механическом росте, обеспеченном миллионами мигрантов. Мы можем задаться вопросом: «Какой смысл говорить об экономических успехах какого-либо народа в условиях его вымирания? Нужно ли стремиться к наращиванию этих успехов в условиях стремительной депопуляции?» Ответ на этот вопрос крайне важен и для России, испытывающей существенные проблемы с демографией.

Удивительно, но в нашем рациональном мире, где, казалось бы, сняты табу на публичное обсуждение самых сокровенных и неудобных тем, общество не стремится задать себе простой и естественный вопрос: уместно ли стремиться к экономическому прогрессу даже ценой исчезновения народа? К сожалению, вопрос этот отдан на откуп маргиналам, например — радикальным националистам. Так, в Германии, которая известна суровым преследованием за любые проявления расизма и радикального национализма, за исследуемый нами период (с 1990 года) зарегистрировано 138 убийств на почве

Таблица

Экономическое положение и динамика демографических показателей стран мира в сравнении (данные Всемирного Банка [1, 2])

Показатели	Динамика численности населения				Динамика численности населения			
	1990	2000	2010	2011	1990	2000	2010	2011
	АФГАНИСТАН Место в мировом рейтинге ВВП — 108-е				**ГЕРМАНИЯ** Место в мировом рейтинге ВВП — 4-е			
Численность населения, всего, *млн чел.*	11,7	20,6	28,4	29,1	79,4	82,2	81,8	81,8
Прирост численности населения, в год, в %	4,5	3,0	2,5	2,5	0,9	0,1	–0,2	0,0
Рождаемость, на 1000 чел.	50	50	38	37	11	9	8	8
Коэффициент рождаемости (рождений на 1 женщину)	7,7	7,7	5,7	5,4	1,5	1,4	1,4	1,4
	СУДАН Место в мировом рейтинге ВВП — 71-е				**ФРАНЦИЯ** Место в мировом рейтинге ВВП — 4-е			
Численность населения, всего, *млн чел.*	20,0	27,7	35,7	36,4	58,4	60,9	65,0	65,4
Прирост численности населения, в год, в %	3,6	2,4	2,3	2,2	0,5	0,7	0,5	0,5
Рождаемость, на 1000 чел.	42	40	35	34	13	13	13	13
Коэффициент рождаемости (рождений на 1 женщину)	6,2	5,4	4,6	4,6	1,8	1,9	2,0	2,0
	СОМАЛИ Место в мировом рейтинге ВВП — нет данных				**ИТАЛИЯ** Место в мировом рейтинге ВВП — 9-е			
Численность населения, всего, *млн чел.*	6,3	7,4	9,6	9,9	56,7	56,9	60,5	60,9
Прирост численности населения, в год, в %	0,6	3,3	2,7	2,8	0,1	0,0	0,5	0,4
Рождаемость, на 1000 чел.	48	49	45	45	10	9	9	9
Коэффициент рождаемости (рождений на 1 женщину)	7,4	7,6	6,9	6,8	1,3	1,4	1,4	1,4
	ИРАК Место в мировом рейтинге ВВП — 47-е				**ИСПАНИЯ** Место в мировом рейтинге ВВП — 13-е			
Численность населения, всего, *млн чел.*	17,5	23,8	31,0	31,8	38,9	40,3	46,1	46,2
Прирост численности населения, в год, в %	2,6	3,1	2,6	2,5	0,2	0,8	0,4	0,2
Рождаемость, на 1000 чел.	38	36	32	32	10	10	11	10
Коэффициент рождаемости (рождений на 1 женщину)	5,9	5,0	4,2	4,1	1,3	1,2	1,4	1,4

расовой нетерпимости. И, по мнению исследователей, это далеко не полная картина. Прошедшие в 2013 году выборы в очередной раз показали рост ультраправых настроений в обществе. И политики ничего не могут поделать с этим [3]. Да и что можно поделать с проблемой, которая перезрела, но была загнана в глубокое подполье? Очевидно, что проблема депопуляции в Германии зашла слишком далеко. Сегодня там проживает свыше 15 млн мигрантов при общем населении в 82 млн человек [4]. В этом случае даже экономическое благополучие страны не может компенсировать конфликты, которые неизбежно возникают в этнически меняющемся обществе.

В то же время для нейтрального исследователя, ученого порой попытка задать вопрос о недопустимо высокой цене экономического роста означает конфликт с общественным мнением и политиками.

Наблюдение за особенностями демографии — тонкий социальный индикатор, говорящий, к примеру, об уверенности в будущем и о самочувствии граждан. И в нищем Афганистане, и в воюющем Ираке, и в политически стабильных Франции и Германии детей заводят люди, уверенные в будущем. Разумеется, уровень достатка, который обеспечат родители детям во Франции и Германии, существенно отличается от того, что будет обеспечен в Афганистане или Ираке. Но для продолжения рода уверенность в будущем является минимально-необходимым условием. Выходит, в богатой Европе меньше уверенных в завтрашнем дне, чем в нищих и воюющих азиатских, африканских странах? Эти рассуждения подводят нас к еще одному аспекту кризиса западного общества — к вопросу о кризисе личности.

Разумеется, тот факт, что Европа и, шире, Запад находится в кризисе, видят и на Западе. Но обычно, говоря о кризисе, принято акцентировать внимание на совсем иных проблемах. В основном на проблемах экономики. Много говорят о том, что с конца 1990-х годов экономика западных стран фактически не развивается. Что темпы экономического роста находятся ниже темпов демографического (а по сути, миграционного) прироста. Идет постепенная деиндустриализация, утрачивается технологическое лидерство в мире, растут мощные конкуренты. Большинство стран Запада не имеют сил к навязыванию своей воли бывшим колониям — ни военных, ни финансовых, ни индустриальных, ни интеллектуальных... Запад политически интегрировался, «сбился в стаю», чтобы удержать ситуацию под контролем.

Я думаю, что и кризис общества на Западе, и кризис национального государства в странах исламского Востока — не просто процессы, происходящие параллельно. Эти процессы взаимосвязаны и имеют общие корни. Глобализация существенно меняет политическую, социальную, экономическую, демографическую картину мира. Возможно, именно глобализация лежит в основе кризиса государства в исламских странах и кризиса общества на Западе. Но это тема отдельного исследования.

После крушения СССР Запад, в частности европейские страны, резко усилил свое влияние в мире. А агрессивная внешняя политика Запада маскирует его внутренние проблемы. Запад бомбил Ливию, активно участвует в конфликте в Сирии, оккупировал Афганистан, Ирак, вмешивается в дела Мали... Все эти страны — исламские. Дело не в том, что Запад как-то по-особому не любит мусульман. Просто именно мусульманские страны переживают кризис национальной государственности. Они слабы из-за обрыва связывающих любое общество уз национальной идеи. Здесь имеет место внутреннее разложение общества, построенного на национализме и прочих неисламских цен-

ностях. Оно идет быстрее, чем на самом Западе. Именно это опережающее избавление общества от собственной силы, единства и взаимной национальной солидарности ведет к тому, что исламские общества быстрее слабеют и становятся легкой добычей для интервентов. Запад может сколько угодно ругать любое неисламское государство: Белоруссию, Северную Корею, Кубу, Венесуэлу, Боливию, но напасть поостережется, так как там нет внутреннего разложения общества.

Процессы распада национального государства в исламских странах мира более заметны, находятся в фокусе внимания. Негативные процессы в западных странах, кризис общества, депопуляция и т.д. привлекают меньше внимания. Однако оба этих кризиса одинаково значимы для судеб отдельных народов и всего мира. Они требуют серьезных усилий для противостояния им.

Следует ожидать, что в будущем оба кризиса (кризис государства в исламских странах и кризис общества в Европе) резко изменят свою природу. Невозможно, чтобы исламские страны продолжали разрушать во внутренних конфликтах экономику, но при этом стремительно наращивали численность населения. Рано или поздно, но обязательно наступит предел, за которым кризис государства обернется невозможностью кормить всех и естественным ограничением темпов демографического роста. Иными словами, кризис государства перерастет в кризис общества. Так же и в Европе демографические проблемы уменьшат возможности экономического, политического и социального прогресса. То есть кризис общества станет кризисом государства.

Сегодня проблемы Европы находятся в тени кризиса государств в исламских странах. Разумеется, рано или поздно Европа пройдет через эту полосу проблем. Кризис, каким бы глубоким он ни был, скорее всего не будет означать физической гибели народов. Какой будет Европа после окончания кризиса? Деструкция мусульманского Востока показала, что эти страны выбрали в качестве альтернативы капиталистической организации общества вечные ценности религии. А что выберет Европа? Вернется ли к национализму, который сделал ее богатой и преуспевающей, позволил покорить мир? Или к христианству, которое позволит оздоровить вымирающее общество? Или к коммунизму, который также — порождение Запада? Время покажет.

Источники:

1. Данные Всемирного банка, 2012 год. — URL: http://www.data.worldbank.org/data-catalog/GDP-ranking-table

2. URL:http://www.ddp-ext.worldbank.org/ext/ddpreports/ViewSharedReport?&CF=1&REPORT_ID=10312&REQUEST_TYPE=VIEWADVANCED&HF=N

3. BBC. New film uncovers racism in Germany. — URL: http://www.news.bbc.co.uk/2/hi/europe/8347040.stm

4. BBC. many to draw up 'values contract' for new immigrants. — URL: http://www.news.bbc.co.uk/2/hi/europe/8374396.stm

Ирина СЕМЕНЕНКО

ПРОСТРАНСТВО, ТЕРРИТОРИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ

Происходящие в мире процессы, которые определяет вектор глобализации — становление открытого информационного пространства, бурное развитие сетевых взаимосвязей, высокая индивидуальная мобильность, — радикально на глазах одного поколения изменили привязанности включенного в эти процессы человека и его представления о своем месте в мире. Сегодня все меньше людей полагает для себя жизненно важным связывать личные перспективы с перспективами развития государства и того сообщества, которое опирается на структуры национального государства, на принадлежность к гражданству как правовому институту. Ощущение себя частью национально-государственного сообщества не переживается как жизненная потребность, уступая в системе самоопределения иным — личностным и групповым — приоритетам.

Национальная (ориентированная на страну происхождения, которая отождествляется с понятием исторической нации) составляющая в системе идентификационных ориентиров утрачивает былое нормативное значение для позиционирования индивида как полноправного члена политического сообщества. В результате продолжают размываться и устойчивые опоры национального государства. Образы и понятия, структурирующие национальную картину мира, вытесняются универсалистскими моделями самоидентификации. Но идет и обратный процесс поиска социально значимых и эмоционально наполненных жизненных ориентиров, которые глобальный универсализм дать не может.

В систему координат модернизационных процессов в современном мире вписаны пространства и территории. Глобализация стимулирует процессы детерриториализации больших и малых сообществ, таких разных, как диаспоры мигрантов, структуры глобального гражданского общества, сетевые интеллектуальные сообщества или персонал транснациональных корпораций. Территория как категория самоидентификации не ограничивается пределами государства как политической общности. Поэтому тем более значимым ориентиром и важным психологическим компенсатором такого размывания устойчивых привязанностей оказывается «идентичность места»: она может поддерживать необходимые для самоидентификации человека эмоциональные или иные символические опоры.

Локальная идентичность (самоотождествление человека со своей «малой родиной», с местом проживания) утверждается в открытом информационном

пространстве в ходе сознательного, а порой и неосознанного противостояния обезличенным глобальным символам. В повседневной жизни потребность национального самостояния утверждается с помощью «осязаемых» этнокультурных ориентиров. Этничность, понимаемая в этом контексте как общий социальный опыт прошлого, материализованный в связанной с исторической территорией проживания культурной традиции и, особенно явственно сегодня — в культуре повседневности, становится эффективным ресурсом политической мобилизации.

Регионализация политического пространства — рост значения регионов в составе национального государства и макрорегионов — наднациональных объединений как субъектов политического процесса выдвигает территориальную идентичность в качестве одной из точек отсчета в осмыслении современного политического развития и повестки дня социокультурной модернизации.

Пример тому — проблемы и противоречия государственного строительства в постфранкистской Испании. Автономистские настроения сильны в периферийных по отношению к центру исторических провинциях, настойчиво утверждающих свои культурные традиции. В первую очередь речь идет об экономически успешных Каталонии и Стране Басков. Здесь целенаправленные усилия местной власти по укреплению региональной идентичности играют роль инструмента реализации политических и экономических притязаний местных элит. Но они опираются на общественный запрос на своё особое, узнаваемое лицо и на признание особого статуса региона — вплоть до права на государственность. Так, в Каталонии занятия в школах ведутся на каталанском языке. Его знание обязательно для работы в органах государственной службы автономии, и он стал сегодня основным языком повседневного общения. Этим же путем идет и Страна Басков: ее правительство официально поощряет двуязычие граждан, при этом знание баскского языка обязательно для госслужащих. Многие привычные уху современного испанца слова заменены в последние годы на баскские аналоги и стали неотъемлемой частью не только словаря политиков национального уровня, но и политкорректной повседневности страны. Испанское название региона (Страна Басков — Pais Vasco) вытеснено баскским (Euskadi), а привычное наименование языка коренных жителей — баскский (Vascuence) — замещено на соответствующее баскское наименование «эускера» (Euskera).

Вопрос о признании статуса местного языка уже стал предметом ожесточенных споров в ряде других регионов (в частности, в Валенсии). Лингвистический и культурный национализм отражает требования независимости от Центра и предоставления региону возможностей самому решать проблемы собственного развития. Политическая идентичность приобретает, таким образом, территориальное измерение. В процессе регулирования противоречий вопрос о пересмотре параметров модели организации политического пространства страны — государства автономий — стал камнем преткновения в политическом противостоянии в Центре и в отношениях Центра и регионов, а также на уровне институтов Евросоюза в условиях усиления представительства интересов регионов в ЕС[1]. Но и в рамках нынешней модели региональная идентичность становится мощной опорой продвижения прав территориаль-

[1] Подробнее об этом см.: *Прохоренко И.Л.* Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании. — М.: ИМЭМО РАН, 2010.

ных сообществ, тем более, когда, как в случае развитых регионов, она подкреплена не только культурным самостоянием, но и фискальной автономией. Нарочитое, а порой и агрессивное ее утверждение опирается на динамичное экономическое развитие территории. Сама региональная идентичность переживается здесь как эмоционально наполненная и опирается на яркие символы и осязаемые смыслы. В то же время значительная часть населения делает прагматический выбор в пользу двуязычия и многоуровневой культурной идентификации — со своей автономией (и с локальной языковой и культурной традицией), со страной и с Европой. Именно так позиционирует себя, согласно данным опросов, баскская молодежь[2].

На «диалектическую противоположность» пространства мест и пространства потоков как «материальной организации социальных практик в разделенном времени, работающем через потоки», обращает внимание Мануэль Кастельс[3]. Такие потоки формируют трансграничные и транскультурные пространства современности. В них вливаются трудовые мигранты и беженцы, международные студенты и передвигающиеся по миру деятели науки и культуры, туристы, волонтеры глобальных гражданских организаций. И, с другой стороны — бюрократия международных и наднациональных организаций, управленческий персонал ТНК. Эти человеческие потоки переплетаются с потоками информации, технологий и виртуальных платежных средств, формируя несущие конструкции новой экономики и новую конфигурацию рынка труда.

В пространстве потоков рождаются универсалистские основания идентичности, а в пространстве мест утверждаются ее партикуляристские характеристики. По мнению российского географа М.П. Крылова, «специфическое соотношение культуры мобильности и культуры укорененности как важнейших компонент региональной идентичности создает своеобразные «матрицы» глобализма, антиглобализма и партикуляризма». Уточняя эти понятия, исследователь подчеркивает, что «для глобализма характерно доминирование мобильности над укорененностью, релятивизм в отношении идентичности, для антиглобализма — гармония между укорененностью и мобильностью, для партикуляризма — преобладание укорененности над мобильностью. Модернизация свойственна, прежде всего, глобализму и антиглобализму, архаика тяготеет к партикуляризму»[4].

Эти характеристики переплетаются в глобальных и локальных изменениях разного уровня — так называемой глокализации, согласно утвердившемуся в научном дискурсе термину известного теоретика глобализации Роланда Робертсона. В ходе социокультурной модернизации происходит не только вытеснение партикуляристских установок в сознании человека универсалистскими. Национальные модели модернизации предполагают и элементы синтеза партикуляризма и универсализма, традиции и инновации.

---

[2] См.: *Azurmendi M.-J., Larracaga N., Apalategi J.* Bilinguism, identity and citizenship in the Basque Country // Bilingualism and identity / Ed. by M. Nico-Murcia, J. Rothman. — Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2008. — P. 35–62.

[3] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — С. 386.

[4] *Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России. — М.: Новый хронограф, 2010. — С. 51–52.

Мадина ТЛОСТАНОВА

КРИЗИС КАК УТРАЧЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ*

Постсоветский мир и особенно Россия пока демонстрируют лишь неспособность воспользоваться кризисом как на глазах утрачиваемой возможностью. В результате мы продолжаем оставаться для остального мира, хотя и не всегда осознанно, заразными жертвами катастрофы, и потому изгоями, обвиняемыми и монстрами. Обратимся к критическому анализу стремительно понижающегося статуса России в БРИКС, в особенности, по ключевым для будущего показателям, связанным с производством знания, который демонстрирует, как растущая пропасть между популистской государственной риторикой, оторванными от жизни и бесконечно устаревшими экономическими показателями и реальной клептократической практикой порождает бесконечную мультипликацию кризисных явлений.

По определению кризисы (от греческого слова krenein — выбирать) должны помогать нам меняться, предлагая возможность более или менее осознанного выбора будущего, принятия решений, особенно в условиях глобальной общности человеческой судьбы, и потому они являются потенциально продуктивными. В сегодняшнем обществе это условие реализуется лишь частично и для достаточно узкого слоя. Но люди во всем мире пытаются все более активно и с переменным успехом вернуть себе эту возможность, борясь с упрямыми властными асимметриями и иерархиями, насаждаемыми больной модерностью.

Системный кризис всех ее элементов, касающийся субъектности, сферы производства знания, этики и ведущий к гораздо более разрушительным и далеко идущим последствиям, чем только лишь экономический и социальный крах, пока развивается по принципу замкнутого круга, когда болезнь лечится ее же причинами, и те, кто принимает решения, отказываются понимать, что, по словам Боавентуры де Соусы Сантоса [23], не существует современного решения проблем современности или, другими словами, нельзя преодолеть кризис изнутри модерности.

Необходима диалогическая современная философия кризиса, которая была бы сформулирована с множественных, пограничных, соотносительных позиций и могла бы быть названа полипространственной или плюритопиче-

* Статья предоставлена редакцией журнала «Философия и культура».

ской [16, 13], укорененной в экстериорности как позиции извне, созданной изнутри [9].

Как известно, кризис и критика — однокоренные слова. Но критика и особенно самокритика — это то, что отсутствует в большинстве неолиберальных западных интерпретаций кризиса на уровне государства, корпораций, мейнстримовских экспертов, которые пытаются облагораживать и спасать капитализм вместо того, чтобы усомниться в его валидности и/или абсолютной обязательности для настоящего и будущего мира. Но было бы несправедливым не заметить и конструктивную критику, возникающую все больше на уровне и со стороны гражданского и политического общества (социальных движений) по мере того, как так называемый средний человек начинает понимать, что, где бы он ни жил — на Глобальном Севере, Глобальном Юге или в тотальной пустоте бывшего Советского пространства, его жизнь обесценивается.

Подобная критическая чувствительность в будущем может привести к созданию глобальной солидарности не негативного противостояния, но позитивного миротворения, причем основания этого мира должны подробно и активно обдумываться и обсуждаться на глобальном уровне и на пересечении колониальных и имперских различий, а также с честной и бескорыстной готовностью расстаться с собственным (не всегда) удобным местом в иерархии модерности ради иного множественного и немодерного или, скорее, трансмодерного мира, если мы хотим использовать этот кризис как возможность для человечества, а не признак его окончательного упадка.

Подобные процессы, интуиции и откровения были заметны уже в течение некоторого времени, хотя и выступали в ограниченной и часто импульсивной форме реакции гражданского общества на издержки так называемого катастрофического капитализма, в терминологии Наоми Кляйн [13]. Но сегодня они проникают всюду, ведь шоковая доктрина в социальном, политическом и экономическом управлении быстро становится новой глобальной путешествующей моделью.

В книге «О божественном предупреждении: интерпретации катастроф в современную эпоху» Джейн Анна и Луис Гордон рассуждают о внутренней связи небесных тел и катастроф. «Это заставляет совершать выбор. Поскольку результаты неверного выбора могут оказаться катастрофическими, такие божественные предупреждения вызывают не только тревогу, борьбу за выбор, который следует совершить, но и страх. Изначальный знак тогда предупреждает о катастрофе, но катастрофа производит жертв, являющихся следствием изначального знака: они, по сути, становятся знаками, несущими с собой катастрофу как чуму, куда бы они ни направлялись. Другими словами, они становятся монстрами» [10, 11]. И таких монстров становится все больше в связи с кризисом. И даже принадлежность к мировому Северу больше не спасает от возможности в одночасье превратиться в монстра. Перенося эту логику на экзистенциальную и онтологическую сферу, Гордоны отмечают, что расизм и колониализм создали людей, «отмеченных как постоянные знаки злой судьбы и гибели. Проблемных людей» [10, 11].

Постсоветское пространство в сегодняшнем мире по другим причинам стало также таким проблемным регионом, причем и для себя самого, и для внешнего мира.

Население постсоветского пространства в последние двадцать лет рассматривается как досадный осколок разрушенной системы, нежеланный ни в одной части мира, куда бы мы ни пытались перебраться, спасаясь с тонущего корабля. Мы остаемся парадигматическими изгоями нового мира, людьми без будущего, мифопоэтическими монстрами, даже если акценты в обынаковлении и несколько сместились после 11 сентября 2001 года к мусульманским, иным как новым глобальным эмблематичным монстрам, а в последнее время к целым странам (особенно Юга Европы), серьезно затронутым кризисом.

Любой сегодня может стать такой жертвой-монстром, символизирующим и сигнализирующим о кризисе и раздражающим тех, кто все еще держится на плаву. И все же постсоветский случай — по-особому обреченный в силу нескольких причин.

Кризис модерности предлагает разные возможности для разных акторов — от обреченных попыток ревестернизации, которые приведут к скорому концу, что понимают сегодня, кажется, даже лидеры европейских государств, до различных тенденций девестернизации, которые, на мой взгляд, недопустимо сваливать в одну гомогенную кучу, поскольку внутренние импульсы, основания и мотивы, стоящие за девестернизацией, совершенно различны [4]. Наиболее радикальный вариант посткризисного сценария — трансмодерный выбор, который в определенной мере жаждет кризиса, чтобы отмежеваться от модерности/колониальности и переосмыслить ее с тем, чтобы раскрыть альтернативные и вечно незавершенные возможности непредсказуемого мира в становлении, открытые и подвижные утопии будущего, чей результат неизвестен заранее в отличие от закрытых консервативных утопий XX века [22].

Размышлять о кризисе изнутри, находясь в его гуще или в самом процессе и будучи его жертвой, — довольно неблагодарная задача. Но мы не можем сидеть и ждать, пока он кончится и придет время его объективно анализировать, поскольку на сей раз может оказаться слишком поздно и просто никого не останется, чтобы выполнить эту работу. Задача критических интеллектуалов в этом смысле двояка: наряду с переосмыслением прошлого, мы должны обдумывать и проекцию будущего и сознательно работать на реализацию его благоприятных моделей. Большинство из деколониальных мыслителей (за несколькими важными исключениями) остаются маргинальными в своих странах — мы трикстеры, протекающие в мейнстримовские дискурсы время от времени и проблематизирующие модерность с пограничной позиции.

Сама деколониальность представляет собой кризис в том смысле, что она привносит критическую рефлексию в субъектность и в деятельность. Но это особый кризис, являющийся длительным, а не радикальным революционным начинанием, имеющий место главным образом в сфере мышления, знания, духовности, субъектности, новых политических моделей, которые по-прежнему не имеют возможности реализации в существующих нормативных фреймах. Наша задача — медленно и постепенно изменять сознание, высвобождая в нем эмансипаторские драйвы и стремясь к созданию глобального деколониального сообщества смысла и ощущения [20]. В некоторых регионах, таких, как Латинская Америка, эта задача легче реализуема, чем в полицейских режимах, каковыми являются многие постсоветские страны. Здесь подобная

чувствительность по-прежнему загнана в область неофициальных, неакадемических и подавленных дискурсов и практик.

Если тенденции восстановления модерности в ее исключительных правах продолжатся, все мы, включая тех, кто ей противостоит, погибнем. И это, увы, самый вероятный из сценариев. Если человечество останется на Земле, ему придется кардинально измениться, причем не в направлении продолжения эйфории технологических гаджетов, вплоть до их окончательного сращения с онтологией человека или триумфального и сошедшего с ума консьюмеризма, но в направлении переосмысления и открытия альтернативных, дискредитированных и забытых духовных ориентаций, этических и политических моделей, экзистенциальных чувствительностей. Такого рода процессы идут очень активно сегодня, но представляется, что необходим некий мощный ускоритель извне, какой-то глобальный катаклизм, который инициировал бы столь же глобальный качественный скачок, в результате которого планета освободилась бы от устаревших ценностей и риторики модерности-постмодерности-альтермодерности.

Сегодняшнего экономического и социального кризиса явно недостаточно: необходим вызов самому существованию человечества на более серьезном, чем простая прикладная экология, уровне, для пробуждения действительно глобального трансформационного драйва, который бы переломил волю миллиарда, надеющегося купить экономическое и социальное благополучие и безопасность даже в самых критических условиях. Как только богатые и бедные сравняются в степени рискованности своих жизней перед лицом экологических и техногенных катастроф, неизбежно возникнет новое глобальное сообщество или единство жителей Земли на руинах самонадеянной модерности.

Честный капитализм, капитализм с человеческим лицом или полицентрический капитализм — все это лишь ослабит пружину на время, но нет никакой гарантии, что очень скоро все снова не схлопнется в очередную мизантропическую модель, если мы не поставим под сомнение аксиологию поздней модерности. Тенденции к девестернизации становятся все более глобальными, но парадоксально: они в большей мере укоренены в конкретных локальных, геополитических и экономических властных интересах и в этом смысле всего лишь соответствуют процессам очередного разделения и картирования мира, в гуще которых мы находимся.

Жизнь обычного человека остается одинаково бесправной и ничего не стоящей при любом из существующих сценариев — и в условиях однополярной гегемонии Севера, и в условиях местного подавления различными неоколониальными или квази-нео-колониальными режимами или более мелкими локальными «центрами». И здесь легче всего занять безопасную и безнравственную позицию и рассуждать абстрактно о важности любых антизападных и особенно антиамериканских инициатив, не видя, что демагогическая внешняя политика различных диктаторов и авторитарных государств неотделима от драконовской внутренней политики. Подобные схематичные аберрации не принимают во внимание реальные человеческие жизни, воспринимая их лишь как персонажей теоретических сюжетов. Такие обобщения страдают отсутствием чувства соотносительности и подспудного ощущения связи всего

и всех на Земле, что характерно для большинства космологий коренных народов и альтерглобальных социальных движений.

В то же время стратегически девестернизация важна, поскольку она дестабилизирует Западное/Северное доминирование с различных локальных позиций. Деколониальные инициативы нередко пересекаются с девестернизацией. Только мы должны помнить, что девестернизация не является целью, но лишь средством. В конце концов, столь ли уж важно, какие страны ответственны в большей мере за глобальное потепление и у кого есть право продолжать загрязнять воздух, чтобы восстановить справедливость в отношении исторических асимметрий, если завтра дышать будет нечем никому или большинство стран окажутся затоплены? Вряд ли стоит следовать подобной самоубийственной справедливости.

Как отмечалось выше, современная мировая система крайне неравномерна в своих шансах на развитие освободительных импульсов, и разные пространства и страны имеют различные перспективы в посткризисном мире. Я далека от того, чтобы представить деколониальный выбор в качестве новой путешествующей теории, годной для всех. Например, Турция как наследница Османской империи и Россия — обе представляют собой империи второго ряда, отмеченные внешним имперским различием. Одна из них носит квазизападный характер, другая квазимусульманский, и обе отмечены логикой догоняющей модернизации. Но их шансы в посткризисном мире различны, и гораздо более благоприятны в случае с Турцией.

Что стоит за этим любопытным различием? Конечно же, сфера аксиологии. И здесь следует вернуться к девестернизации и указать на внутренние противоречия и телеологические конфликты между ее агентами, которые ставят под сомнение валидность самой модели и осуществимость подобных союзов в посткризисном мире. Например, БРИКС часто рассматривается как один из успешных проектов девестернизации [15]. Но контраст России и остальных членов союза, большинство из которых, кроме России, были ранее колониями западных капиталистических империй современности, даже в таком простом критерии, как экономический рост, очевиден для всех, так что Нуриэль Рубини и Иан Бреммер даже предложили исключить Россию из БРИКС и заменить ее Индонезией или в будущем — Турцией [21].

Цели и самоощущение эксимперий и эксколоний совершенно различны, как различаются и их реальные экономические ситуации и гипотетические роли в будущей мировой экономике. В распределении труда в БРИКС Бразилия отвечает за сельское хозяйство, Китай — за дешевую рабочую силу, Индия — за дешевые интеллектуальные ресурсы, тогда как Россия ассоциируется исключительно с экспортом газа и нефти, запасы которых, по оценкам независимых экспертов, намного меньше, чем того хотелось бы. Сам по себе этот сдвиг крайне позорен для нашей страны, которая из производителя знания (хотя и довольно ограниченного) и государства с одной из лучших систем образования стремительно скатилась к политике сознательного разрушения образования, как и здравоохранения, идущими рука об руку с демографической катастрофой (уровнем рождаемости первого мира и уровнем смертности третьего мира).

Образование вообще является лакмусовой бумажкой для элит, ясно демонстрируя их реальные интенции: в то время как Россия истерично протестова-

ла против исключения ее университетов из всех международных рейтингов и одновременно ускоренно переводила высшее образование на сугубо коммерческие рельсы, китайцы и индийцы, не торопясь и не привлекая к этому лишнего внимания, реально модернизировали свои системы образования, так что сегодня предыдущее поколение студентов, которых посылали учиться на Запад, вернулось домой и стало само профессорствовать в своих национальных университетах, так что отпала необходимость посылать детей учиться за границу, а сами азиатские университеты стали постепенно обгонять нас в рейтингах.

Это реальный шаг к девестернизации, а не бесстыдная и замешанная на двойных стандартах практика путинской России. Согласно Владиславу Иноземцеву, «крайняя укорененность власти за границами собственной родины делает ее антизападную риторику попросту гротескной; обличение государств, в которых «припаркованы» капиталы наших министров и учатся их дети, не вызывает ничего, кроме смеха. Избавиться от гротеска, который ежечасно продуцировала система «суверенной демократии», — значит попытаться выжить. Продуцировать его и дальше — значит совершить политическое самоубийство. Если элита хоть в какой-то мере связывает свое будущее со страной, которой пока управляет, ей нужно пойти на медленный демонтаж построенной системы, на своего рода организованное отступление» [1]. Важно то, что элита явно не связывает свое будущее с этой страной.

По сути, мы имеем дело с очередной самоколонизацией или реколонизацией, когда элиты рассматривают граждан собственной страны (и людей той же этнической и расовой принадлежности) в качестве современного эквивалента рабов, лишенных человеческого достоинства и даже самой принадлежности к человечеству. Это было нормой для российских элит, уже начиная с Ивана Грозного и, особенно, с Петра Первого. Отличие состоит в том, что легитимность такого контроля автократического беззакония ранее коренилась в аристократических, богопомазаннических и прочих архаичных основаниях избранности, тогда как сегодня мы имеем дело с «элитой», выросшей из пресловутых советских шариковых и кухарок, управлявших государствами, молниеносно приспособившихся к среде дикого и (гос)корпоративного капитализма.

Страны БРИКС — наиболее экономически быстро развивающиеся страны, тогда как Россия повернута в совершенно другую сторону — ускоренной деиндустриализации, инволюции и депопуляции. Поверженная империя бедного Севера не может занять достойного места даже в БРИКС. Если бы во внимание принимались реальные факторы экономического роста и реальные индикаторы человеческого благосостояния вместо поверхностных показателей ВНП, Россия не могла бы и мечтать о членстве в БРИКС, даже если и претендует на инициативу в создании этого союза.

Реальные цели и этика российских и некоторых других громогласных антизападных ораторов, выступающих с популистскими слоганами, становятся явными, когда мы обращаемся к десяткам реальных ситуаций, в которых экономические и экологические проблемы тесно переплетены с духовными и эпистемологическими. Таков пример 10-миллиардного проекта газопровода, спроектированного через плато Укок из России в Китай. Коренное насе-

ление Алтая (теленгиты) использовало находящееся в области вечной мерзлоты плато Укок и Золотые Горы (включенные в число объектов всемирного наследия ЮНЕСКО) [19] в течение тысяч лет как место захоронения предков и почитания духов неба, гор и вод. Газопровод разрежет Плато и Национальный парк Канас в Китае, одну из последних в этой стране нетронутых природных территорий. Укок был выбран потому, что это единственная область, где Россия и Китай имеют непосредственную границу, а экологически менее вредные и экономически более выполнимые проекты проходили бы через Северную Корею, Монголию или Казахстан. Проект вызвал негодование и активные протесты теленгитов, что выразилось в деятельности таких организаций,как Эре Чуи — теленгитская ассоциация сообществ малых народов. Религиозные чувства теленгитов, экологическая важность этой территории, на которой проживает множество редких видов и зарождается река Катунь, сейсмическая опасность строительства в этом регионе, маячащее таяние ледников и изменение климата всей Юго-Западной Сибири в результате строительства газопровода, нарушение международных и российских законов — все это не имеет никакого значения для Газпрома.

Это была бы обычная обличительная история о корпоративной капиталистической жадности, если бы не одна важная и типично российская деталь — проект явно невыгоден, но целью является вовсе не сам газопровод. Скорее речь идет об очередном упивании совершенно символической ролью глобального гаранта энергетической стабильности и об элементарном воровстве. Китаю не нужен российский газ по предлагаемым завышенным ценам, и он не готов участвовать в наших обычных коррупционных схемах (коррупционная рента в России, как известно, достигает 300%) с целью распила денег, выделяемых на это строительство и набивания бюрократических карманов.

Источники:

1. *Иноземцев В.* Превентивная демократия // Ведомости. 8 июня, 2012. — URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1833007/preventivnaya_demokratiya
2. *Мельников К., Гудков А., Панченко А.* Вся власть в Сибири // Коммерсант. № 71 (4856), 2012, 20 апреля. — URL: http://www.kommersant.ru/doc/1919404
3. *Пелипенко А.* Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. — М., 2007.
4. *Толстанова М.* Анатомия счастливой жизни в эпоху глобализации: Размышления о возможных сценариях ближайшего будущего человечества // Личность. Культура. Общество. Том XIV. Вып. 3 (№ 73–74). 2012.
5. *Agamben G.* Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life. Trans. by Daniel Heller-Roazen. Stanford: Stanford University Press, 1998.
6. *Alban Achinte A.* Texiendo textos y saberes. Cinco hijos para pensar los estudios culturales, la colonialidad y la interculturalidad. Popayán, Editorial Universidad del Cauca, Colección Estiodios (Inter)culturales, 2006.
7. *Alvesson M., Willmott H.* Studying Management Critically. — London: Sage, 2003.
8. *Anielski M.* The Economics of Happiness. Discovering Genuine Wealth. — New Society Publishers, 2007.
9. *Dussel E.* Philosophy of Liberation. — Maryknoll: Orbis Books, 1985.
10. *Foucault M.* The History of Sexuality. Vol. 1: The Will to Knowledge. — London: Penguin, 1998.

11. *Gordon J.A.* and *L.R.* Of Divine Warning. Reading Disaster in the Modern Age. — Boulder: Paradigm Publishers, 2010.

12. *Hinkelammert F.* The Hidden Logic of Modernity: Locke and the inversion of Human Rights // Worlds and Knowledges Otherwise. A Web Dossier. Volume 1, Dossier 1, Fall 2004. — URL: http://www.jhfc.duke.edu/wko/ 10.10.08

13. *Klein N.* The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism. — Toronto: Knopf Canada, 2007.

14. *Maldonado-Torres N.* Against War. Views from the Underside of Modernity. — Durham: Duke University Press, 2008.

15. *Mattison Ch.* Delinking, Decoloniality and Dewesternization: Interview with Walter Mignolo (part II), May 2012. — Critical Legal Thinking. — URL: http://www.criticallegalthinking.com/2012/05/02/delinking-decoloniality-dewesternization-interview-with-walter-mignolo-part-ii/

16. *Mignolo W.D.* The Darker Side of the Renaissance. — Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1995.

17. *Norberg-Hodge H.* Steven Gorelick, John Page. The Economics of Happiness. International Society for Ecology and Culture. 2011.

18. *Parker M.* Against Management: Organisation in the Age of Managerialism. — Oxford: Polity, 2002.

19. Pipeline Update: UNESCO Leaves Altai with Concern. The Altai Project, June 8, 2012. — URL: http://www.altaiproject.org/?p=2240

20. *Ranciere J.* Contemporary Art and the Politics of Aesthetics // Communities of Sense. Rethinking Aesthetics and Politics. — Durham & London: Duke University Press, 2009. — P. 31–50.

21. *Roubini N.*, *Bremmer I.* Time to Black-ball Russia's Autocratic State // Opinion, Financial Times, May 29, 2012. — URL: http://www.ft.com/intl/cms/s/0/b9cb5870-a975-11e1-9772-00144feabdc0.html#axzz1wGDmKI2K

22. *Santos B.S.* The World Social Forum: A User's Manual. — URL: http://www.ces.uc.pt/bss/documentos/fsm_eng.pdf, 2004.

23. *Santos B.S.* The Rise of the Global Left, the World Social Forum and Beyond. — London: Verso, 2006.

24. *Sardar Z.* Introduction: Surprise, Surprise! // Critical Muslim. 01, January-March 2012.

25. *Sen A.* The Idea of Justice. — Harvard University Press & London: Allen Lane, 2009.

26. *Shiva V.* Earth Democracy. Justice, Sustainability and Peace. — N.Y., Boston: South End Press, 2005.

Юрий РЕЗНИК

«ИМИТАТОРЫ» И «ГИБРИДЫ» В НАУЧНОЙ СРЕДЕ

Опишу для начала типичных представителей научной бюрократии, разделив их условно на две группы — «имитаторы» (имитационные типы) и «гибриды» (гибридные типы). Первые составляют в своей совокупности внутринаучную бюрократию, а вторые — околонаучную. Строгое различие между ними еще предстоит установить, но в первом приближении оно состоит в следующем: внутринаучная бюрократия, олицетворяемая имитационными типами, возникает в рамках самого института науки, деформируя научные ценности, вербуя своих сторонников преимущественно из числа карьерно ориентированных исследователей и осуществляя тем самым «внутреннюю колонизацию» науки.

Околонаучная бюрократия, представленная гибридными субъектами, есть коалиция или конфигурация чиновников, бизнесменов и ученых, которые вступают между собой в отношения «заказчик — исполнитель», что приводит, в конечном счете, к «внешней экспансии» на здание науки.

Общий признак внутринаучной группы бюрократии состоит в имитации и выхолащивании самой сути научного творчества, а также подмене его истинных установок формально-бюрократическими ритуалами и процедурами. Поэтому их отличает не творческая активность, приносящая реальные результаты и заслуженное признание коллег, а склонность «играть» в науку и научные занятия ради собственного возвышения и удовлетворения тщеславных планов на научном поприще. А для этого все средства хороши.

Люди, которые сходятся друг с другом в способах имитации конкретного вида научного знания, объединяются обычно в организованные и непрофессиональные сообщества (кланы). Такие сообщества создают иллюзию единства для придания большей убедительности и устойчивости положению псевдоученых. К тому же так проще защищать общие интересы и привлекать сторонников.

А теперь я хочу представить читателю образы относительно «чистых» бюрократов в науке, имитирующих научную деятельность. Они выделяются мною по месту в бюрократической иерархии науки (в отличие от подлинной иерархии, определяемой талантами и дарованиями ученых) и характеру имитации научной деятельности. Среди них я рассматриваю такие фигуры или имитационные типы, как «Патриарх», «Соратник», «Претендент», «Испол-

нитель», «Слуга», «Маргинал». Первые три типа относятся условно к касте господ, последние три — к сервисной группе. Разумеется, у меня за этими фигурами стоят образы конкретных, ныне живущих людей, с которыми мне приходилось сталкиваться на протяжении многих лет.

«Патриарх» в науке — центральная фигура, воплощающая в себе образ псевдоученого в наиболее полной мере. В творческой иерархии это такой же самоприсвоенный статус, как и позиция Примадонны в отечественной эстраде. Как правило, это человек, добившийся своего положения не столько личным творчеством или большим количеством успешно завершенных «под его руководством» научных проектов, сколько точно выверенными шагами по карьерной лестнице и взвешенными действиями на арене внутриполитической борьбы в научном сообществе. Патриархом в науке становится далеко не каждый бюрократ, имеющий, как правило, незаслуженное звание академика. Быть патриархом — это значит играть определенную роль, не только связанную с некоторыми субъективными причинами, но и навязанную внешними обстоятельствами жизни, прежде всего, политической конъюнктурой.

Постоянным доверием у Патриарха пользуется его Соратник, человек весьма посредственный, хотя и амбициозный. Он всегда находится в тени Патриарха, выступая оборотной стороной его «я». Как правило, у них имеется общее прошлое, о котором слагаются легенды и мифы. В некоторых публичных ситуациях Соратник вправе выступать от имени Патриарха, озвучивать его решения. Он — неизменный тамада на торжествах, устроенных в честь Патриарха, и его правая рука на других ответственных мероприятиях. Соратник редко становится преемником Патриарха. Его место занимает Претендент или посторонний субъект, назначенный сверху.

Следующей по рангу в бюрократической иерархии научных статусов идет фигура Претендента, стремящегося занять место Патриарха, но соблюдающего до поры до времени определенную дистанцию. Он — плоть от плоти человек Патриарха, хотя предпочитает публично дистанцироваться от него. У этого человека имеется своя свита, т.е. те, кто по тем или иным причинам оказался в стороне от лиц, приближенных к фигуре Патриарха.

Претендент не лишен талантов и может иногда воплощать в себе изощренный ум аналитика, знакомого с методами психологической борьбы с противниками, чувство юмора, позволяющего ему рядиться под своего человека и втираться в доверие к подчиненным, изворотливость администратора, у которого истинные цели развития научного учреждения подменяются корпоративными, а чаще всего личными интересами, а также дополняются стремлением укрепить свое собственное положение и занять более выгодную позицию в бюрократической подсистеме науки.

Судьба первых лиц бюрократической иерархии часто складывается драматично. Личная драма Патриарха заключается в том, что он уже не может полноценно заниматься научным творчеством, поскольку давно потерял форму. В последние десятилетия все тексты, публикуемые или озвучиваемые от его имени, написаны слугами и исполнителями. Однако это не мешает ему сохранять образ величия. Соратник же вынужден длительную часть своей карьеры мириться с позицией № 2. И если он что-то представляет собой в научном плане, то старается это не выпячивать, предпочитая говорить вполголоса,

делать все вполсилы. Что же касается Претендента, то его оппозиционность носит весьма предсказуемый характер. Вся его деятельность подчинена одной цели — занять место Патриарха, как только возникнет подходящая ситуация.

Еще один персонаж в бюрократической иерархии имитаторов — это Исполнитель. Патриарх и его свита, состоящая из Соратника и доверенных слуг, нуждается в квалифицированных специалистах, которые поддерживают научный статус учреждения и выполняют рутинную работу.

Самая неоднозначная и противоречивая фигура в бюрократической иерархии научной номенклатуры — это Слуга. Патриарху нужны преданные и лояльные слуги. А слуги, как известно, бывают разные. Одни становятся слугами по призванию. Им нравится помогать другим и находить в этом своего рода вдохновение. Другие же, напротив, идут на работу помощников, преследуя куда более амбициозные цели, чем их хозяева.

Приведу некоторые черты социально-психологического портрета Слуги с весьма символической фамилией Иудин. Хуже всего то, что он не удовлетворяется своей ролью слуги и претендует на большее, желая стать господином, не имея на то никаких оснований — ни научных, ни организационных. Слуга, исполняющий обязанности руководителя, не имеющий надежного профессионального статуса и прочного морального стержня, в лучшем случае воспроизводит внешние черты стиля вышестоящего руководителя. Но, будучи представителем касты господ, а в более широком плане — всего постноменклатурного класса, он выполняет их волю. Поэтому мы имеем дело не просто с зарвавшимся слугой, возомнившим себя господином, а с представителем правящей номенклатуры.

По-видимому, те, кто рекомендовал Иудина на руководящую работу в научный институт, знали его как инициативного, добросовестного и лояльного работника (исполнителя), который будет землю рыть, чтобы заслужить высокое доверие. Но они не учли одно обстоятельство: данный социально-психологический (примитивно-тоталитарный) тип службиста имеет ограниченную сферу применения. Его место в обслуге. Я даже не уверен, что он может заниматься логистической деятельностью, связанной с учетом и продвижением информационных и материально-финансовых потоков. Но точно знаю одно, что его ни в коем случае нельзя направлять на работу с творческими людьми, в особенности в научные коллективы, где, кроме нравственных достоинств, требуются еще гибкость мышления, способность к саморефлексии и незаурядный ум.

Еще один любопытный тип, имитирующий научную деятельность, я называю Маргиналом. Причем речь идет не о настоящих ученых, занимающих по отношению к бюрократии маргинальную позицию по ряду параметров (статусным притязаниям, уровню доходов, числу привилегий, масштабу ресурсов и пр.), а о маргиналах в науке, которые, не пройдя хорошую научную школу и не получив прививку профессионального творчества, доводят до абсурда или извращают суть любой идеи, концепции в науке. Они отличаются невероятной всеядностью, берутся за все, за любой научный или образовательный проект, выхолащивая постепенно его содержание.

Сила Маргинала заключается в его необычайной пластичности и адаптивности, а основная слабость — в патологическом непонимании сути научных

исследований и полном отсутствии таких качеств, как чувство нового, чувство вкуса и чувство меры. На мой взгляд, этот тип нельзя допускать к науке на пушечный выстрел. Но дело в том, что маргиналы составляют очень важную часть свиты Патриарха и его Соратников, которая с готовностью и даже с восхищением воспринимает всерьез любую глупость или нелепицу. И с такой же готовностью они бросаются исполнять бредовые идеи своих господ. Фигура Маргинала в науке удобна еще и тем, что её можно использовать время от времени в качестве «мальчика для битья», утверждая свое интеллектуальное и моральное превосходство.

Такова типология внутринаучной бюрократии, для которой наука является не только игрой, лишь отдаленно напоминающей творчество, но и карьерной лестницей, взбираясь по которой можно получить определенные социальные блага (звания, должности, награды, привилегии и пр.). Конечно, имитационные типы бюрократа наносят огромный моральный урон науке и ученым. Они размывают ценностные ориентации, на которых базируется этнос ученых, культивируя аморальные по сути установки (алчность, своекорыстие, стремление к личной выгоде, склонность к привилегиям, неприятие инакомыслия и любых несанкционированных свыше инициатив). Но это «наши» бюрократы и с ними еще можно как-то договориться. Гораздо опаснее для науки другой тип бюрократии, о котором речь пойдет далее.

Гибридизация есть один из признаков бюрократизации современной отечественной науки и ее неизбежного спутника — околонаучной бюрократии. В буквальном смысле она означает скрещивание животных, принадлежащих к разным видам. В мире науки такими видами выступают ученые, а в сфере управления — чиновники и бизнесмены. Причем каждая из этих групп обладает собственным потенциалом и соответствующим видом капитала. Так, у чиновника имеется политический капитал и его реальное воплощение — власть. Бизнесмен владеет собственностью и другими видами экономического капитала. Ему подвластно практически всё, даже влияние на власть имущих. И только ученый, если он настоящий и профессиональный исследователь, имеет (всего лишь!) символический капитал (т.е. свое имя и косвенное влияние на развитие науки), опирающийся на его собственный научный потенциал. Ему недоступны в силу сложившегося разделения труда и ценностных предпочтений политические и экономические ресурсы.

Гибриды формируются в реальной практике управления наукой как особые социоантропологические типы. Это не просто «ученые-бизнесмены», торгующие знаниями и извлекающие выгоду из собственной деятельности, и не просто «чиновники от науки», которые претендует на право выражения истины в последней инстанции, диктуя ученым предполагаемые и выгодные лично ему результаты исследований. Это — коллективный субъект, совмещающий в себе качества чиновников и ученых, или бизнесменов и ученых, или всех вместе взятых.

В отличие от имитаторов гибридные субъекты воспринимают науку и научные занятия не как игру, в которой могут быть победители (господа) и побежденные (главное — соблюдение формальных условностей и ритуалов), а как сферу обмена ресурсами — иногда взаимовыгодного (в виде обычной сделки), но чаще всего неравноценного (в форме установления какой-либо зависи-

мости). В наименее выгодной позиции в таком симбиозе оказываются, как правило, ученые.

Вот с такими гибридными типами в науке нам и приходится чаще всего иметь дело в повседневной научной жизни. В отличие от имитационных типов, которые предпочитают играть в науку и научные исследования, их гораздо труднее идентифицировать. Они не играют, а просто покупают услуги ученых, оставляя им позицию наемных работников. Меня как любителя всяческих таксономий и типологий интересует, прежде всего, практическая сторона анализа гибридных типов бюрократа в науке: как научиться их распознавать в конкретных ситуациях взаимодействия, чтобы минимизировать вред, наносимый науке их псевдонаучной деятельностью.

У гибридного типа бюрократа в науке имеются, как правило, две стороны: активная или пассивная, доминирующая или зависимая, контролирующая значимые ресурсы или обладающая лишь одним из них (символическим). Первую из сторон (активную, доминирующую, контролирующую ресурсы) представляет заказчик, т.е. чиновник или бизнесмен, контролирующий значимые ресурсы, вторую (пассивную, зависимую, символически значимую) — исполнитель, т.е. ученый, исследователь, у которого нет ничего, кроме его доброго имени и научного авторитета. Взаимосвязь между ними происходит по схеме «заказчик — исполнитель».

На первый взгляд, гибридные типы отличает профессиональная и научная несостоятельность, которая должна быть видна невооруженным взглядом по их публикациям и устным выступлениям. Но это только на первый взгляд. Ведь такой союз построен на объединении капиталов (политического, экономического и символического), а это всегда дает заведомый выигрыш заказчику. За его деньги и влияние можно купить все, кроме чести, достоинства и уважения.

Меня спросили недавно: кто писал книгу одному из новоявленных академиков — «питерские» или «московские» писатели? По мнению моего питерского коллеги, который задал этот вопрос, это, наверняка, сделали московские «писатели». Не знаю почему, но я с ним согласился. Вполне добротная научная работа, выдержанная в хороших академических традициях. Однако подобные представления о соревновательности между двумя научными столицами заставляют только горько улыбаться.

Пишут теперь книги нашим (а чьим же еще?) горе-академикам по заказу, и иногда пишут так профессионально, что не придерешься. Так что аргумент против наводнения дилетантами нашей славной Академии действует уже не в полной мере. Они научились соблюдать формальные критерии, хотя и остались по своей сути дилетантами. Но дилетантами в погонах и мантиях, с солидными банковскими счетами и обширными связями. Это касается и текстов их докладов, написанных по заказу нашими вполне профессиональными коллегами.

Возникает вопрос: а разве в советское время было как-то иначе? Да, писали и тогда. Различие состоит лишь в масштабах и объемах выплачиваемых сумм. Сейчас это приобрело практически массовый характер. Тогда же это воспринималось скорее как исключения из правила. Тексты писали, как правило, только большим начальникам, начиная с докладов и заканчивая дис-

сертациями. Причем писали чаще всего бесплатно, чтобы сохранить или упрочить свое положение, принимая правила игры и не испытывая при этом никаких угрызений совести. Значит, причина такого положения дел как сегодня, так и вчера коренится не только в них (руководителях-дилетантах, претендующих на высокие научные посты, или бизнесменах с высокими амбициями и соразмерными им доходами), но и в нас самих — научных профессионалах, стремящихся пополнить свой семейный бюджет за счет подобных заказов. И что это, как не сделка с собственной совестью, которой нет нравственного оправдания.

Так кто же тогда виноват и кто вправе давать этим социальным гибридам моральную оценку (осуждать их или принимать)? Ответ на этот вопрос неоднозначен. Увы, но приходится признать, что грех-то у нас с ними общий. И кто из нас в большей степени гибриден — мы (исполнители — ученые) или они (заказчики — чиновники и бизнесмены) — еще неизвестно. Или, может быть, мы образуем вместе с ними некое целое — взаимовыгодный союз или коалицию, а наши отношения есть лишь одна большая сделка. И стоит ли тогда осуждать бюрократов, которые «успешно защищают» диссертации, укрепляя свои позиции в руководящих структурах, в том числе в управлении академическими и образовательными институтами, если многие из нас, считающие себя профессионалами в науке, смотрят на эти факты сквозь пальцы?

Мария КОРТУНОВА

ПОРА «ВАЛИТЬ» ИЛИ ОСТАТЬСЯ, ИЛИ МОЯ РОДИНА ТАМ, ГДЕ МНЕ ХОРОШО?

В середине лета 2013 года мои друзья сообщили мне, что уезжают на постоянное место жительства во Францию, что решение это было принято ими давно и что ждали они лишь результатов собеседования с новым работодателем – крупной французской юридической фирмой. Моя подруга по образованию юрист, училась в магистратуре университета в Страсбурге, работала какое-то время после учебы в Париже. Поэтому решение переехать именно во Францию выглядело весьма логичным. Результаты собеседования оказались блестящими, друзья собрали вещи и уехали, пригласив меня в гости уже на новое место жительства.

Через некоторое время подруга прислала мне ссылку на распродажу авиабилетов Airfrance и еще раз повторила приглашение остановиться в их квартире в 17-м округе Парижа. На подъем я человек легкий, и так как отпуск еще не был отгулян, билеты были куплены и маршрут спланирован.

Друзья поселились в крохотной квартирке в 15 минутах ходьбы до Champs-Élysées. 17-й округ расположен в северо-западной части города, и тут нет столь характерных для Парижа толп туристов. Здесь тихо и спокойно, много элегантных и красивых домов, и проживают тут в основном представители высшего среднего класса.

Как рассказала подруга, квартиру удалось снять в этом районе практически чудом, здесь не любят мигрантов, стараются соблюсти «чистоту» района. Ведь проблема миграции стоит для Франции так же остро, как и для других стран Западной Европы, а в последние годы и для России.

Принять решение изменить свою жизнь, уехать из страны и начать все заново в другом месте достаточно сложно, особенно для перешедших 40-летний рубеж. Что толкает людей на столь радикальные изменения в наше время, когда всегда есть возможность купить билет и поехать в путешествие в любую точку Земного шара (при наличии материальных возможностей, разумеется)?

Начиная с 1917 года по настоящее время Россия пережила пять волн эмиграции. Они различаются не только по времени, но и характерными особенностями, делающими каждую из них не похожей на остальные.

Первая волна эмиграции оставила наиболее яркий след в истории. Во-первых, в изгнании оказалась большая часть интеллектуальной элиты дореволюционной России, люди с мировыми именами. Во-вторых, белоэмигранты в основной своей массе уезжали из России лишь перед лицом прямой угрозы для жизни, десятилетиями держались вместе, всячески культивировали свою русскость и заявляли о себе именно в этом качестве. Многие принципиально отказывались от гражданства приютивших их стран и жили с так называемыми «нансеновскими» паспортами.

Вторая волна эмиграции оказалась многочисленнее первой: после Второй мировой войны на Западе остались более полутора миллионов советских граждан. По оценкам историков, число тех, кто отступил с немцами, составляло не более 200 тысяч. Остальные попали в плен или были насильственно отправлены на работы в Германию, но почли за благо не возвращаться, зная о судьбе тех, кто вернулся.

В отличие от первой, вторая волна эмиграции прошла незаметно. Она состояла не из интеллектуалов, а из простых людей, в основном жителей Западной Украины, Западной Белоруссии и стран Балтии, а также представителей мусульманских народов СССР, не ассоциировавших себя с Россией. О возвращении эти люди не мечтали, себя не афишировали, связей друг с другом не поддерживали, книг не писали, общественной деятельностью не занимались.

В 1960–1970-е годы, когда советские люди стали чаще выезжать за границу, а норма об уголовной ответственности родственников была отменена, счет «невозвращенцам» пошел на десятки. На Западе остались: помощник генерального секретаря ООН Аркадий Шевченко, историк-германист и консультант ЦК КПСС Михаил Восленский, солисты балета Большого театра Михаил Барышников, Рудольф Нуриев и Александр Годунов, чемпионы-фигуристы Людмила Белоусова и Олег Протопопов, шахматист Виктор Корчной и многие другие.

В этот период стали получать разрешение на выезд советские евреи, немцы и понтийские греки, которые стремились воссоединиться со своими семьями. В отличие от эмигрантов первой и второй волн, представители третьей выезжали на законных основаниях, не являясь преступниками в глазах советского государства, и могли поддерживать связь с родными и друзьями.

Эту третью волну эмиграции отличает от двух первых то, что впервые существенную роль стали играть экономические мотивы.

В годы горбачевской перестройки эмиграция упростилась, расширились научные и культурные обмены, участились поездки по частным приглашениям. При Горбачеве «выпускать» стали либеральнее, но основной принцип оставался неизменным: гражданин должен был обосновать перед властями необходимость поездки и получить разрешение. Лишь с 1992 года появилась возможность практически без ограничений оформлять загранпаспорт, ни перед кем при этом не отчитываясь.

В 1990-х годах Россию накрыла четвертая волна эмиграции. В отличие от советского периода, люди больше не сжигали за собой мосты. Многих вообще можно называть эмигрантами с натяжкой, поскольку они планировали вернуться или жить «на два дома».

В нулевые годы эмиграция из России сократилась примерно вдвое. Но в ее качественном составе произошли важные изменения, что дало основание говорить о пятой волне.

Именно в этот период среди эмигрантов появляются люди, которых, по мнению многих, можно назвать диссидентами и политэмигрантами. Наиболее известные фигуры пятой волны — Борис Березовский, Ахмед Закаев, Юлий Дубов, Владимир Гусинский и Леонид Невзлин. Однозначно называть эту эмиграцию политической нельзя. Подавляющее большинство никаким преследованиям не подвергались. Однако политические мотивы, несомненно, повлияли на решения многих из них.

Есть те, кого просто перестала устраивать обстановка в стране. Ведь политические причины не обязательно связаны с наличием непосредственной угрозы человеку.

После решения Владимира Путина баллотироваться на третий срок и ряда недавних событий, ставших, по мнению наблюдателей, демонстрацией курса на «завинчивание гаек», в России заговорили об усилении эмиграционных настроений.

Эти настроения охватили рядовых представителей городского среднего класса. И манит их, в отличие от советской эпохи и лихих 1990-х, не колбаса. Некоторые аналитики в связи с этим говорят об отдельной шестой волне.

Уезжают в основном молодые люди, живущие в крупных городах: программисты, врачи, ученые, менеджеры с дипломами MBA, предприниматели. Одним словом – российский средний класс. Это нельзя назвать типичной экономической эмиграцией: новые российские эмигранты, оседая за границей, практически сразу покупают себе квартиры, открывают фирмы и часто быстро находят себе привлекательную работу на высоких должностях в корпорациях.

О размерах новой российской эмиграции судить сложно, ведь большинство людей уезжает, не отказываясь от гражданства, не получая паспорта страны, где они осели. Очень популярен среди уезжающих россиян Таиланд и индийский Гоа. Туда едут не хиппи, а молодые менеджеры, которые успели заработать в годы процветания. Когда пришел кризис 2009 года, они продали или сдали в аренду свои квартиры в дорогой Москве, а сами теперь живут в домах рядом с дешевыми тропическими пляжами и при помощи ноутбука ведут бизнес в России.

Не собираются рвать связи с Родиной и мои друзья, они не продали московскую квартиру. Здесь у них остались и родственники, и многочисленные друзья, они поддерживают с ними связи и собираются наведываться в Москву. На вопрос «Почему они решились на переезд?» был дан вполне распространенный сейчас ответ: «Мы не хотим рожать в России детей, сталкиваться с российской коррумпированной бюрократией, хотим жить спокойно, видеть вокруг доброжелательные лица, быть уверенными в завтрашнем дне». И еще прозвучал ответ: «Нам стыдно за свое государство».

Безусловно, такое ощущение разделяется не всеми. Но каждый человек либо чувствует себя со страной, либо нет. Есть и те, которые никуда не собираются, которые надеются что-то изменить здесь, а не смотреть с безопасного отдаления, что станет с Россией – «кончится» она или нет.

Ведь как писал известный русский философ В. Розанов в «Опавших листьях»: «Счастливую и великую Родину любить невелика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно когда наша «Мать» пьяна, лжет и вся запуталась в грехе — мы и не должны отходить от нее». И я полностью разделяю такую позицию.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

ДУХ И ПОЛИТИКА

Вебер Альфред. Избранное: Кризис европейской цивилизации. М.-СПб, 2012. — 565 с.

Российским читателям хорошо знакомо имя Макса Вебера, известного историка и социолога. Его же младший брат Альфред — один из ведущих классиков философии культуры. По кардинальным вопросам общественной жизни братья не были единомышленниками. Напротив, их разделял глубокий мировоззренческий конфликт. Однако в широкой исторической перспективе эти различия представляются сегодня не столь уж значимыми. Оба брата обладали огромной эрудицией, мыслили разносторонне, масштабно. Альфред Вебер (1868–1958) был временно отстранен нацистами от преподавательской деятельности. Он получил возможность целиком посвятить свою жизнь фундаментальным научным исследованиям.

А. Вебер видел свою исследовательскую задачу в том, чтобы проанализировать типичные принципы, которые присущи формам движения культуры. Это позволило ему раскрыть историю и судьбу крупных исторических образований. Его увлекала конкретная социальная морфология, позволяющая по-своему видеть и выстраивать политическую историю. *«Политическая история, — писал он, — так же как история хозяйства и социальная история, изучает по своей сущности судьбы крупных исторических образований человечества, их больших, географически, событийно и культурно связанных друг с другом единств, намереваясь посредством установления представляющихся существенными для общего хода развития конкретных фактов уяснить в каждом данном случае их особую судьбу»* (с. 8).

Чем же интересен взгляд А. Вебера на политику? Он решительно отвергает столь привычную для современных людей оценку политики в сугубо прагматичном ключе, как набор технологических практик и эффективных приемов. По мнению Вебера, политика в значительной степени обусловлена культурой, ее особенностями. Только в этом смысле она может воздействовать на общественные и цивилизационные процессы. Поэтому задача политика постичь дух, который возникает, пробуждается, теряет свои силы и стареет в различных исторических телах, проявляя эманации культуры как символы его существования и судьбы.

Историософское мышление Вебера предполагает, что и в человеческой участи, которую мы называем историей, нужно разобраться глубоко, с учетом жизни духа. Так, настаивал Вебер, надлежит поступать всегда, идет ли речь о «первобытных народах», «исторических народах» в более узком смысле слова, или о тех, кто на первый взгляд тысячелетиями пребывает в состоянии стагнации. Такое отношение к судьбе народов, понятное дело, утрачено в современной политике, которая уже не помышляет о равноправии народов и их будущей участи. Напротив, все чаще политики ищут возможность отделить достойные, развитые страны от тех, кому положена другая доля, служит сырьевым придатком успешных стран, которые нуждаются в дешевой рабочей силе.

Вебер считал, что всемирная история в целом, несомненно, по своему сущностному содержанию не может быть составлена, как полагают идеологи современной глобалистики, из отдельных стран. В каждую из ее эпох всемирная история неповторима и оригинальна. Вебер считал, что в истории огромное значение принадлежит личности. Он не намерен отрицать роль исторической случайности или, если взглянуть глубже, того таинственного начала, которое проявляет себя в исторических судьбах.

Все, что берет начало в последней и глубочайшей сфере бытия и вовлекает в нее, люди склонны называть судьбой. *«Мы — немцы, — пишет он, — вступили в XIX век, обладая универсальным и глубоким самосознанием, которому, без сомнения, могут позавидовать многие времена и народы, не будучи в состоянии его достичь»* (с. 101). Вебер задается вопросом: что такое дух в политике? Как ему удается там существовать? В Германии, по словам культуролога, дух и политика в общественной практике имеют между собой мало общего. Наши политические лидеры не являются духовными вождями. Осмысливая немецкую историю, Вебер восклицает: *«Как будто какой-то злой рок отделяет сферу духа от политики»* (с. 144). Люди и их лидеры хотят, чтобы политика была практически эффективной вплоть до деловой изворотливости, лукавой хитрости и взаимного обмана. Но ведь великий философ Платон считал, что политика должна быть истинным воплощением духа, формой господства мудрецов. В оценке Вебера, это был неземной идеал, возникший в воображении великого человека, который терзался, осознав, что обнаружился распад политической формы бытия греков.

«Дух и политика, — пишет Вебер, — с тех пор, как произошло разграничение различных сфер жизни — религиозной, политической, экономической, научно-интеллектуальной, — разграничение, совершившееся не во всех исторических областях, отсутствовавшее, например, в Китае, Индии, до греческой античности, но в ясной, пока дух и политика с тех пор стали будто брат и сестра, которые могут стоять друг против друга с приязнью или враждой, подобно тому, чем являются друг для друга экономика и политика, религия и государство» (с. 144).

Вебер убежден в том, что всякая политическая воля неизменно уходит мощными корнями в стремление к власти. Это, по его словам, вездесущий побудительный мотив. Может быть, стоит устранить данную человеческую страсть, искоренить ее? Вряд ли это возможно. Да и жизнь после этого не станет лучше. Важнее соотнести властолюбие со сферой духа. Многие считают,

что всякое созидание политических форм уже и знаменует соединение политики с духом. Например, Ш. Монтескьё писал о связи аристократии и самообладания, демократии и доблести. А. Токвиль тоже связывал аристократию с энтузиазмом, желанием славы и блеска, а демократию – с потребностью в достижении счастья, невозмутимой заурядностью и законопослушанием.

Немецкий исследователь считает, что подобные воззрения не соответствуют действительности. *«Любая политическая аристократия, — отмечает он, — если свести ее к простому противопоставлению — с тем же успехом может означать господство заурядной, бездуховной посредственности, так же как демократия допускает, чтобы в ее рамках возобладали качества духовного аристократизма и наполняли ее своим духом»* (с. 145).

Да, действительно, венецианская аристократия, к примеру, которая гордилась своей изысканностью, правила этим государством около тысячи лет, отличалась вероломством и жестокостью. Аристократия старой Пруссии, по мнению историков, сумела стать основой и носительницей романтизма. Но не смогла сохранить эти достоинства. Со временем ее представители образовали средоточие посредственностей, превратились в сборище заурядных и даже недалеких людей. Афинская демократия эпохи Перикла и Кимоно, из которых один представлял ее народное, другой — консервативное направления. Они боролись между собой. Но в то же время являли собой замечательную политическую аристократию духа. Хотя демократия сохраняла множество привилегий, не подлежащих осуждению, а ее реализация была основана на труде рабов, в целом это все-таки было временем господства аристократии духа.

Правда, и она выродилась. В ней получила развитие социальная демагогия. Но в дряхлеющем теле афинской демократии еще циркулировала живая кровь предшествующей эпохи. А вот политическая демократия Рима, несмотря на многочисленные преображения государственного строя, оставалась аристократичной. История получила неслыханное число людей, которые поистине были аристократами духа — от Сципиона до Юлия Цезаря.

«А что ныне? У нас есть современные демократии, — пишет Вебер, — где преобладает выраженная склонность к духовному упрощению при существующем наряду с тем чрезвычайно искреннем стремлении следовать нескольким убедительным, простым идеям, — стремлении, сопряженном с тоже весьма действенной заботой о материальном благосостоянии, бизнесе и зарабатывании денег, — хорошо известное американское сочетание качеств» (с. 146).

Вебер скорбит об утраченной великой политической традиции, которая сохраняла элементы духа, сделав их привычными для политической практики. Теперь нет символического воплощения такой традиции, выражения национального духа в совершенно определенных, четко сформулированных идеях. Вебер прав: политика перестала быть одухотворенной. В современном мире вообще утрачен вкус к идеологическому обоснованию политических решений, к философскому определению основных стратегических шагов. Можно ли, скажем, представить русскую историю периода ликвидации крепостничества, чтобы лишить ее духовной стороны. Ведь ликвидация рабства в России не была только разумной политической мерой, продиктованной

здравым смыслом. Этому предшествовала огромная «сшибка» идей, обоснований и чисто метафизических споров.

Вебер указывает еще на одну особенность политической практики, которая действительно получила широкое распространение в современную эпоху. Речь идет о привычке представлять и восхвалять себя. Есть очевидное рассогласование между тем, чем является та или иная страна на самом деле, и имиджем, который сложился внутри страны. Это можно характеризовать как полное отступление от духовных основ политики, как нарциссическое самообожание.

Между периодом, когда писались труды Вебера, и нынешним временем солидная историческая дистанция. Но затронутые им проблемы сохраняют свою актуальность. Он пишет о пребывании европейских стран между Востоком и Западом как о мучительном процессе. *«Отныне он явился перед нами неприкрашенным, ужасающим, не сулящим никаких надежд, не сглаживаемым с помощью каких-либо промежуточных сил, в следующей форме: предстоит ли нам стать рабами Запада или Востока, одновременно полем сражения между ними и, может быть, однажды обратиться в пустыню?»* (с. 155).

Вебер указывает еще на одну важную проблему, которая широко обсуждается в современной политической философии. Он провидчески замечает, что духовного пространства Европы, каким оно было прежде в духовном отношении, больше не может существовать. Несмотря на политические процессы, связанные с укреплением Европы, созданием Евросоюза, утрачено главное – духовное единство. На самом деле, что может теперь связывать духовно, скажем, Германию и Турцию? Пожалуй, только размышления о судьбе евро как валюты.

Философия, по словам Вебера, не может существовать без новых идей. Это нонсенс. Что сулит нам пространственное сближение народов, обретение им присущей национальной специфики? Возникла взаимная ненависть. Как выбраться из атмосферы вражды и низости? Эти вопросы следует рассматривать, по мнению Вебера, не с экономической точки зрения. Такова задача государственных деятелей и политиков. Как надлежит рассматривать мировые проблемы? Только в перспективе духовного развития мира.

Касаясь проблемы формирования человечества в будущем, Вебер пишет: *«В духовном отношении Восток — плотная масса, которую не так легко поглотить, даже если располагать при этом столь гигантскими материальными силами, какие только имеются где-нибудь на Земле»* (с. 191).

Труды Вебера в контексте нынешней эпохи не воспринимаются только как исторические исследования. Они могли бы вооружить современных политиков духовным компасом.

Эльвира Спирова

SUMMARY

EDITOR'SPAGE

Vagif Guseynov. WHAT THE DAY-TO-COME PREPARES FOR US

1. Politically, the popular attitude towards President V. Putin is gradually going to the worse, though this has not affected the general level of trust in him.

2. The outlines of the economic crisis-to-come are becoming to be seen more clearly in the gradual slide from stagnation to recession. The experts point at the exhaustion of the current model's of growth potential as the primary cause of economic growth slowdown.

3. By the end of the year, the interethnic conflicts and the problem of migration have come to the foreground of the domestic political situation in Russia.

4. Obviously, all the problems — in the economy, governance, foreign policy, and, last but not least, in the nationalistic outbursts — will move up to the new year of 2014 and go on to further develop, for no signs of their being solved are seen yet.

PRESSING TOPICS

Pavel Gurevich. THERE USED TO BE WORSE TIMES...

1. The State authority has openly declared the country being in hard position.

2. There have been quite a few dramatic pages in Russia's chronicle. Russia's most brilliant minds had tried to get knowledge of what the authority and society might be addressed with at the threshold of hard years. Warnings are numerous. But one of them seems to be the most topical. Wouldn't Nekrasov's poetic lines, There used to be worse times, but never had been fouler ones, become descriptive to our real being?

3. Let us wish the current authority to be proactive and sober, keen in its political maneuvering, sagacious and successful, let us wish the long-suffering people to keep on its everlasting patience, let us wish the society to be reasonably guided on its way. In hard times, as the social philosophy asserts, the society might close its ranks, though the risk of split is always invariable. It would make good to avoid such a threat.

Boris Chernyshev. THE UNLEARNED LESSON OF RUSSIA'S EXPERIENCE IN MARKET REFORMING AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

The principles of liberal market economy, laid down in the late 20th century, have undergone no changes, whatever remarks to criticize some negative aspects of the consequences of the 1992–1999 «shock therapy» had been put in the Russian Federation President V.V. Putin's rhetoric ever since.

The government's excessive adherence to this model makes it unable to constantly challenge the past, to critically interpret the gained experience, and to timely refuse the insolvent theoretical principles that have become hopelessly outdated long ago. It may be just regretful, that the Soviet leadership's negative experience of errors and failures in the accelerated construction of Socialism, Communism, Developed Socialism has proved to become the lesson unlearned by the modern Russia's political elites that are assuredly driving the «streetcar of the power» into another historical deadlock.

Gennady Bocharov. SPACE AS THE NECESSITY

With the years passed, the cosmic exploration has become a customary matter. And a cosmonaut's trade is making him or her a worker. But the interest and attention towards problems of space in general is declining year by year. This article means to consider the problems of Russia's missile-cosmic industry which are impeding its enhancement and multiplying its failures.

THE ISSUE'S MAIN TOPIC

Oksana V. Ghaman-Golutvina. THE METAPHYSICAL DIMENTIONS OF THE RUSSIAN ELITE TRANSFORMATIONS. Part II

The current period of the post-Soviet elites evolution is characterized by its defining as the post-imperial stage. The article's second part views Russia's post-imperial evolution in the light of the British experience. *(To be completed)*

FOREIGN AFFAIRS

Sung Hoon JEH. THE RUSSIAN FAR EAST MODERNIZATION AND THE RK-RF COOPERATION AS VIEWED FROM REPUBLIC OF KOREA

One of the key priorities of the Russian Federation's current leadership is the proactive and immediate development of the Far East and Trans-Baikal territories of the country. The recognition of the need is being supported with actual practices, including setting up the Ministry for Far East Development and working out the State Program on Socio-Economic Development of the Far East and Trans-Baikal (for the period up to 2025).

To implement these moves means to form up the system mechanisms of the Russian Far East territories growth. That, in turn, gives new options to the cooperation between the Russian Federation and Republic of Korea.

Frank von Hippel. Minimizing Gobal Stocks of Nuclear-Weapon-Usable Materials

The total quantity of highly enriched uranium and plutonium in the world is sufficient for on the order of 100,000 nuclear weapons. The total number of actual operational nuclear warheads is down to about 10,000 and will hopefully continue to decline.

The value of eliminating excess stocks of weapons HEU and plutonium in order to make nuclear reductions more irreversible was understood by Russia and the U.S. in the 1990s.

The importance of converting research reactors from HEU to LEU fuel in order to reduce the risk of nuclear terrorism was recognized after terrorists killed thousands of people in the United States on 11 September 2001.

Thus the minimization of stocks of HEU and plutonium is the common denominator of policies to promote nuclear disarmament and prevent nuclear proliferation and terrorism.

Eldar Kasayev. THE RUSSIA— TURKEY CONTEMPORARY ECONOMIC RELATIONS

1. Russia's interest towards the Turkish market is being limited by just large-scale projects which would bring dividends in the long-term perspective only.

2. The situation is foreseeable when Moscow would get no desired return at all. For Ankara might well be easily reoriented from one project onto another following its own geopolitical and economic interests.

3. To substantially increase the trade indicators the Russian side has to develop the long-term export strategy focused at the Turkish market.

4. Turkey, most likely, would continue to follow the balanced foreign policy line closely intertwined with its pragmatic economic interests. The Russian side has to take that into account, especially in the issues of importance for its own development.

Sergey Demidenko. THE INTERNATIONAL SITUATION ADOUT SYRIA. THE REALITY AND MYTHS

1. It was globally eye witnessed, once again, how much truth is there in the claim that the USA has no wish to get involved in the Syrian conflict and does not give a damn about the sufferings of the people on both sides of the barricade.

In general, the US president, having officially claimed Damascus responsible for the chemical attack in Huta started a game that is very risky for his own image.

2. As the things go now, Saudi Arabia and Qatar suffer a failure on the Syrian field. More that that, they themselves are in no-joke way fighting for the influence in the Arab world.

3. Bashar al-Assad is acting relying totally upon the resources of his own, on support of middle class and economically active part of the population and (why it must not be confessed?) on the Iranian help. Those who oppose the government are made up, and it is quite obvious already, the minority of the population and some outside extremists that made their destiny to destroy 'heretical regime of the Alawis' in Damascus.

4. That is what we have currently — First, more vulnerable to the external threats Damascus that had lost its arsenals; Second, a clear signal concerning Syria to the Saudi to sort it out by themselves; Third, chemical weapon destruction in Syria is to be, most likely, done at the expense of Russia, as the USA, conditioned with the delays in approving the state budget will be pleased to shift the expense on our shoulders.

ECONOMICS & FINANCE

Vasily Koltashov. THE RIGID ECONOMY'S TRAP

1. By the Fall 2013, there are more and more data available to testify the global crisis «second wave» hitting Russia. The 2012–2013 activization of destructive processes in the world economy and neo-Liberal measures taken by the Dmitry Medvedev government plunged the Russian economy into new recession.

2. The 'rigid economy' policy will be a trap to the country. It will give no long-term relief to some privileged raw companies, and make the problems problems of the real sector (especially, of the enterprises focused on the domestic market) even harder. Such a policy will generally increase the basis for the crisis that is coming back, in many respects, due to the government's fault.

3. The Medvedev cabinet's hardline Liberal course promises Russia neither stability nor well-being growth in 2014. The government, however, has politically strengthened their positions: the compromise, they reached with the Kremlin, left the «cautious» party among the top bureaucracy disarmed. As a result, the Liberal line in the economy has sharply amplified.

Abrahr Yarlykapov. THE RUSSIAN COUNTRYSIDE MISCHIEFS

1. To balanced and proportionally develop the industrial agriculture is a decisive condition of escalating producing the agricultural goods and raw materials, qualitative improving food resources, and also stocking the necessary reserves for some events of emergency. For the task of preserving the national interests in food provision of the country's population with food items of our own produce was and still remains the key one.

2. Unfortunately, Russia's transition onto market economy has seriously worsened socio-economic condition of a great bulk of rural workers.

3. One of the negative consequences of the country's economic reforming is the foreign companies' actual winning the domestic food market.

Debut

Gulzhahon Atakulova. ISLAM AND DEMOCRACY IN THE MODERN WORLD

For convenience, there are three schools to be marked out in the Islamic political thinking can be It is conditionally possible to allocate three directions of Islamic political thought — traditionalism, fundamentalism, and modernism.

The three schools of the political Islam are all borrowing each others' features, which cause a great deal of confusion to the issue under discussion.

Today, the majority of conservatives and fundamentalists see no contradictions between the values of the democracy and Islam, on the contrary, they recognize the conformity of these, thus laying down the foundations of the Islamic model of liberalization and modernization.

THE «ROUND TABLE»

SOCIAL DEMAGOGY

The participants in the discussion were Academician L. P. Buyeva of the Russian Academy of Education, Professor, Dr.Sc. (Philosophy); G. V. Saenko, Dr.Sc. (History), Professor, the First pro-rector, Euroean Institute JUSTO.

The Round Table is hosted by Professor P. S. Gurevich, Dr.Sc.(Philosophy).

The following questions were under the discussion —

1. What is the social demagogy?
2. What are its potentialities and limits?
3. What role does the demagogy play in our country?

PUBLICATIONS

Rasim Agayev (Azerbaijan). THE THREE STAGES AND THREE DIMENTIONS OF A REVOLUTION WITH NO ENDING

Human knowledge of the social development laws, and actual economic and intellectual resources, on the one hand, make it possible to come to social transformation by of peaceful means — reforms. On the other hand, the powers that be, under favorable conditions of stable development, get the chance to manipulate the activities of the political organizations and wider groups of the population. Such a course is even more expanding due to support it gets from the world centers of power.

Recently, the political community in some countries, including in the post-Soviet areas, hear some people voice the preference, under some specific conditions, of some sort of enlightened authoritarianism. Are these based on the short-term state of political affairs or have they a wider support in popular attitudes, it is for the future to reveal.

Sergey Israpilov. NOT ONE, BUT TWO DISASTERS

1. What is worse, the crisis of a state or the crisis of a society? To put the question in such a way is somewhat unusual to our ear. Moreover, it cannot be put so in the prevalent system of values.

2. Our rational world, where there seem to be no taboo to publicly discuss the innermost and most inconvenient subjects, the society have no striving to ask themselves a simple and natural question, Is it appropriate to seek the economic progress even at the expense of the people's dying-off? Unfortunately, this question has been farmed to the marginal groups, the radical nationalists, foe instance.

3. The society crisis in the West, and the nation-state crisis of in the countries of the Islamic Orient are not just the processes going in parallel. These processes are interconnected and have the same roots. Globalization is drastically changing the political, social, economic, demographic scenes of the world. It is, probably, the globalization that is the basis of the state crisis in the Islamic countries and the society crisis in the West.

***Irina Semenenko*. THE SPACE, TERRITORY, IDENTITY**

Today, less and less people think, it is vital for themselves to link the personal perspectives with those of development of the state and the community that is based upon the structures of the national state, upon belonging to the citizenship as to the law institution. As a result, the national state steadfast supports start to wash away. The images and concepts that make up the national scene of the world are superseded with the universalistic models of self-identity. But, also, there is a reverse process of searching the socially significant and emotionally filled guidance in life, which the global universalism is unable to provide.

Philosophy and politics

***Mladina Tlostanova*. THE CRISIS AS THE OPTION LOST**

The crises, by definition, are to help us to change by suggesting to make more or less conscious choice of a future option and do the decision-making, especially under the condition of the global commonness of human fortune; that is what makes them potentially productive.

The post-Soviet world, and Russia especially, still demonstrate just being unable to take advantage of the crisis as the favorable option that is being lost under their own eyes. As a result, we are still seen (not always consciously though) by the rest of the world as infectious victims of a disaster and, therefore, pariahs, culprits, and monsters.

***Yury Reznik*. «IMITATORS» AND «HYBRIDS» IN THE ACADEIC WORLD**

For convenience, the typical scientific bureaucracy can be divided into two groups, «the imitators» (imitating types) and «the hybrids» (hybrid types). The former, in their total, make up the inter-academic bureaucracy, while the latter — the pseudoscientific one. This article aims at drawing the strict distinction between them.

Eye witnessing

***Maria Kortunova*. IS IT HIGH TIME TO MAKE OFF, OR STAY, OR IS MY MOTHERLAND ANYWHERE I FILL MYSELF PLEASED?**

Making decision to change one's own life, leave the country and start everything anew in the other place is difficult enough, especially for those who had crossed the 40-year-of-age line. What made Russia's citizens to so drastically change their destinies, when nowadays it is all too easy to buy tickets and make it off traveling to any place on the Earth?

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

THE SPIRIT AND POLITICS

Weber, Alfred. The Selected Works: Western Civilization Crisis. M.-SPb, 2012. 565 pp.

A. Weber resolutely rejects to assess a policy, in a strictly pragmatic key, as some kind of set of technological experiences and effective methods, which has become so habitual for contemporary humans. Weber thinks, a policy is substantially caused by the culture and its features. Just in such a sense it can exert influence upon social and civilization processes. That is why a politician's task is to comprehend the spirit that comes into being, awakens, fails, and grows old in various historical bodies, showing culture emanations as the symbols of its existence and destiny.

He makes a visionary note, that Europe's spiritual space, in the way it had been previously known spiritually, can no longer to exist. Despite the political activities aimed at strengthening Europe, the European Union upon after its creation had brought in the main loss — the spiritual unity.

Elvira Spirova

СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 2013 ГОДУ (ПО РАЗДЕЛАМ)

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов. Что день грядущий нам готовит, его мой взор... №1
Вагиф Гусейнов. Экономика всему голова №2
Вагиф Гусейнов. В рамках «непатерналистского консерватизма» №3
Вагиф Гусейнов. Что день грядущий... №4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Алексей Денисов. О некоторых внешнеполитических итогах 2012 года №1
Геннадий Бочаров. «Когда не делаются лучше, становятся хуже» №1
Олег Поклонов. Арктика – новые вызовы для России №1
Павел Гуревич. Абсурд как социальный феномен №2
Владимир Козлов. О борьбе с коррупцией в правоохранительных органах №2
Василий Колташёв. И никаких чудес не случится... №2
Михаил Горшков. Бедность в России №3
Павел Гуревич. «Бывали хуже времена...» №4
Борис Чернышёв. Неусвоенный урок опыта рыночных преобразований в России начала XXI века №4
Геннадий Бочаров. Космос как необходимость №4

ГЕОПОЛИТИКА

Владимир Дергачёв (Украина). Геополитическая трансформация Латинской Америки №2
Владимир Дергачёв (Украина). Геополитическая трансформация Латинской Америки (окончание) №3

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Два взгляда на одну проблему: Последующие шаги по контролю над вооружениями
Линтон Брукс (США). Взгляд с Запада №1
Джаянта Дханапала (Шри-Ланка). С точки зрения глобального Юга №1
Сергей Демиденко. Внутриполитическая ситуация в Египте в контексте противостояния между исламистами и либералами №1
Эльдар Касаев. Ирак: Текущее состояние и потенциал российского нефтяного бизнеса №1
Сергей Исрапилов. Западная Европа: спад или возрождение? №1
Джон Карлсон (Австралия). Ядерные вызовы КНДР и Ирана: политические аспекты №2
Георгий Мирский. Исламское сообщество и «Арабская весна» №2
Ноха Бакр (Египет). Ближний Восток: сложные задачи безопасности №2
Валерий Бондаренко. Евразийская интеграция и общественное мнение в Беларуси №2
Ксения Боришполец, Станислав Чернявский. Интеграционные зигзаги украинской элиты №2
Тарик Рауф (Австрия) Нераспространение ядерного оружия: размышления о прошлом и будущем №3
Андрей Суздальцев. Белорусско-европейский дипломатический кризис №3
Александр Оськин. Левые партии в Польше в борьбе за власть №3
Евгений Канаев. Третье ядерное испытание КНДР: вызовы, ответы и интересы России №3
Алексей Пилько. Российско-американские отношения (1992–2013): неумолимая логика цикличности №3
Эльдар Касаев. «Газовая ОПЕК»: развеивая мифы с места событий №3
Сергей Демиденко. Международная обстановка вокруг Сирии: реальность и мифы №3
Эльдар Касаев. Современные экономические связи России и Турции №4
Сергей Демиденко. Международная обстановка вокруг Сирии: реальность и мифы (окончание) №4
Чже Сун Хун (Южная Корея). Модернизация российского Дальнего Востока и сотрудничество между РК и РФ: взгляд из Республики Корея №4
Фрэнк фон Хиппель (США).Сведение к минимуму глобальных запасов ядерных материалов, пригодных для создания оружия №4

ТЕМА НОМЕРА:

Электронная дипломатия: дань конъюнктуре или перспективный инструмент внешней политики

Обсуждение проблемы №2

Российская элита: прогресс или стагнация

Оксана Гаман-Голутвина. Метафизические измерения трансформаций российских элит. Часть I . . . №3
Оксана Гаман-Голутвина. Метафизические измерения трансформаций российских элит. Часть II . . . №4

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

Василий Колташов. Итоги проблемного года: выводы на будущее . . . №1
Абрар Ярлыкапов. Проблемы продовольственной безопасности . . . №1
Валерий Паульман (Эстония). Мрачные грани кризиса . . . №2
Василий Колташов. Печальные последствия: спад и его продолжение в России . . . №3
Александр Гончаренко. Северный морской путь как конкурентное транспортно-логистическое пространство . . . №3
Абрар Ярлыкапов. Беды российской деревни . . . №4
Василий Колташов. Ловушка «жесткой экономики» . . . №4

ДЕБЮТ

Наталия Протопопова. Особенности современного этапа обновления политической элиты Египта . . . №2
Юлия Соколова. Транснациональные корпорации как субъект современного мирового политического процесса . . . №3
Гулжахон Атакулова. Ислам и демократия в современном мире . . . №4

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Социальное расслоение: формирование новой сословности . . . №1
Что такое социальное государство? . . . №2
Реформа — социальный феномен? . . . №3
Социальная демагогия . . . №4

ПУБЛИКАЦИИ

Вагиф Гусейнов. Пролог. Отрывок из книги воспоминаний «Больше, чем одна жизнь» . . . №1
Владимир Рощупкин. Фронт под северным сиянием, или «Вундерланд» без чудес . . . №2
Елена Комлева. От православия к феномену ядерной энергии: заимствование фрагментов методологии антропосоциального толкования . . . №3
Расим Агаев (Азербайджан). Три этапа и три измерения революции без конца . . . №4
Сергей Исрапилов. Не одна, а две катастрофы . . . №4
Ирина Семененко. Пространство, территория, идентичность . . . №4

Увидеть своими глазами

Мария Кортунова. Шахматный турнир в Михайловском дворце Русского музея . . . №2
Мария Кортунова. Путь на Соловки . . . №3
Мария Кортунова. Пора «валить» или остаться, или Моя Родина там, где мне хорошо? . . . №4

Философия и политика

Фёдор Блюхер, Сергей Гурко. Власть. Политика. Мораль . . . №1
Алексей Кара-Мурза. Как мысли превращаются в доктрины . . . №2
Валерий Подорога. Что такое философия и чем она должна быть сегодня? . . . №3
Мадина Тлостанова. Кризис как утраченная возможность . . . №4
Юрий Резник. «Имитаторы» и «гибриды» в научной среде . . . №4

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спирова. Мистерии масс. *О книге Канетти Элиаса «Масса и власть»* . . . №1
Эльвира Спирова. Похвальное слово капитализму. *О книге Альберта О. Хиршмана «Страсти и интересы. Политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа»* . . . №2
Эльвира Спирова. Утраченная самотождественность. *О книге Брубейкера Роджерса «Этничность без групп»* . . . №3
Эльвира Спирова. Дух и политика. *О книге Вебера Альфреда «Избранное: Кризис европейской цивилизации»* . . . №4

Рецензия

Аристарт Ковалёв (Эстония). Наука о взаимодействии всеобщих и общих категорий и закономерностей. *О монографии В.Ф Паульмана «К общей теории политической экономии»* . . . №2

Книги, которые могут вас заинтересовать . . . №1, 3

ITEMS PUBLISHED IN THE VESTNIK ANALITIKI BULLETIN IN 2013

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. What does the future hold for us, it caught my eye... .....№1
Vagif Guseynov. The Economy Heads All .....№2
Vagif Guseynov. BIn the Frameworks of the Non-Paternalistic Conservatism .....№3
Vagif Guseynov. What the Day-to-come Prepares for Us... .....№4

PRESSING TOPICS

Alexey Denisov. Where are we going? What we believe in? .....№1
Gennady Bocharov. «When they do not improve to the better, they decline to the worse» ...№1
Oleg Poklonnov. The Arctic: Russia's new challenge .....№1
Pavel Gurevich. Absurd as a social phenomenon .....№2
Vyacheslav Kozlov. Some problems of fighting corruption
in the law enforcement bodies .....№2
Vasily Koltashev. And no miracles would ever happen .....№2
Mikhail Gorshkov. Poverty in Russia .....№3
Pavel Gurevich. There Used to be Worse Times... .....№4
Boris Chernyshov. The Unlearned Lesson of Russia's Experience
in Market Reforming at the Beginning of the 21st Century .....№4
Gennady Bocharov. Space as the Necessity .....№4

GEOPOLITICS

Vladimir Dergachev (Ukrain). Latin America's geopolitical transformation of
Latin America .....№2
Vladimir Dergachev (Ukrain). Latin America's geopolitical transformation of
Latin America *(complition)* .....№3

FOREIGN AFFAIRS

Two viewpoints on one problem: Next steps for arms control and disarmament
Linton Brooks (USA). The view from the West .....№1
Jayantha Dhanapala (Sri-Lanka). A view from the global South .....№1
Sergey Demidenko. Egypt: circling around .....№1
Eldar Kasayev. Iraq: the Russian oil business present situation and potential .....№1
Sergey Israpilov. The Western Europe: recession or revival? .....№1
John Carlson (Australia). DPRK and Iranian nuclear challenges — political aspects ...№2
Georgy Mirsky. The Islamic community and the Arab spring .....№2
Noha Bakr (Egipt). Security Challenges in the Middle East .....№2
Valery Bondarenko (Belarus). The Eurasian integration and public opinion
in Belarus .....№2
Ksenia Borishpolets , Stanislav Chernyavsky. The Ukrainian elite's
integration zigzags .....№2
Tariq Rauf (Austria). Nuclear Non-Proliferation: Past and Future Considerations ....№3
Andrey Suzdaltsev. The Belarus-EU Diplomatic Crisis .....№3
Alexander Os'kin. Left Wing Parties Struggling for Power in Poland .....№3
Yevgeny Kanayev. The Third Nuclear Test in Democratic People's Republic of Korea:
Russia's Challenges, Responses and Interests .....№3
Alexey Pil'ko. The Russian-American Relations (1992–2013):
the Inexorable Logic of Cyclisity .....№3
Eldar Kasayev. «The Gas OPEC»: On-the-Spot Myths Shattering .....№3
Sergey Demidenko. The International Situation about Syria. The Reality and Myths ...№3
Eldar Kasaev. The Russia-Turkey Contemporary Economic Relations .....№4
Sergey Demidenko. The International Situation about Syria. The Reality and Myths ...№4
Sung Hoon JEH (S.Korea). The Russian Far East Modernization and the RK-RF
Cooperation as viewed from Republic of Korea .....№4
Frank von Hippel (USA). Minimizing Gobal Stocks of Nuclear-Weapon-Usable
Materials .....№4

THE ISSUE'S MAIN TOPIC:

Electronic Diplomacy: a tribute to the current situation or a foreign policy promising tool?
Discussion .....№2

Russian Elite: Progress or Stagnation
Oxana V. Ghaman-Golutvina. The Metaphysical Dimensions of the Russian Elite
Transformations. Part I .....№3

Oxana V. Ghaman-Golutvina. The Metaphysical Dimensions of the Russian Elite Transformations. Part II . . . . . №4

ECONOMICS & FINANCE

Vasily Koltashov. The year of European crisis: summing up for the future . . . . . №1
Abrahr Yarlykapov. Problems of the food security . . . . . №1
Valery Paulman (Estonia). The crisis dark sides . . . . . №2
Vasily Koltashov. The Unfortunate Consequences: the Recession and Its Going On . . . . №3
Alexander Goncharenko. The Northern Sea Route as Competitive Transport and Logistic Space . . . . . №3
Abrar Yarlykapov. The Russian Countryside Mischiefs . . . . . №4
Vasily Koltashov. The Rigid Economy's Trap . . . . . №4

DEBUT

Natalia Protopopova. Specifics of the current renewal of Egypt's political elite . . . . . №2
Yulia Sokolova. Multinational Corporations Viewed as the Player in Modern World Politics . . . . . №3
Gulzhahon Atakulova. Islam and Democracy in the Modern World . . . . . №4

«ROUND TABLE»

Social stratification. New estates system forming up . . . . . №1
What is it a social state? . . . . . №2
Reforming as a social fenomenon? . . . . . №3
Social Demagogy . . . . . №4

PUBLICATIONS

Vagif Guseynov. Prologue. The extract from the 2-volume-memoirs More Than One Life . . . . . №1
Vladimir Roschupkin. The front under the polar lights, or 'wonderland' of no wonders . . . . . №1
Yelena Komleva. From the orthodoxy to the nuclear energy phenomenon: borrowing fragments of the methodology of anthroposocial interpretation . . . . . №1
Boris Chernyshev. Alternative as the state division making tool in Russia's history . . . №2
Rasim Agayev (Azerbaijan). The flickering «ideas of Eurasian integration» . . . . . №2
Vladimir Roschupkin. Thinking of the ocean that is long way off and Thor Heyerdahl who is still close by . . . . . №3
Rasim Agaev(Azerbaijan). The Three Stages and Three Dimentions of a Revolution with no Ending . . . . . №4
Sergey Israpilov. Not One, but Two Disasters . . . . . №4
Irina Semenenko. The Space, Territory, Identity . . . . . №4

Увидеть своими глазами

Maria Kortunova. Chess tournament in Mikhalovsky Palace of Russian Museum . . . . . №2
Maria Kortunova. The Way to Solovki . . . . . №3
Maria Kortunova. Is it High Time to Make off, or Stay or Is my Motherland anywhere I Fill Myself Comfortable? . . . . . №4

Философия и политика

Fedor Blyukher, Sergey Gurko. The power. Politics. Morals . . . . . №1
Alexey Kara-Murza. The way thoughts turn into doctrines . . . . . №2
Valery Podoroga. What is Philosophy and what is to be today? . . . . . №3
Mladina Tlostanova. The crisis as the option lost . . . . . №4
Yury Reznik. «Imitators» and «hybrids» in the acadeic world . . . . . №4

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. The mysteries of mass. On Canetti, Elias. Crowds and Power (Masse und Macht) . . . . . №1
Elvira Spirova. Panegyric on capitalism. About the book by Hirschman, Albert Otto. The Passions and the Interests: Political Arguments For Capitalism Before Its Triumph . . . . . №2
Elvira Spirova. The Lost Self-Identity. About the book by Brubaker Rogers. The Ethniciy Without Groups. . . . . №3
Elvira Spirova. The Spirit and Politics. About the Alfred Weber's book «The Selected Works: Western Civilization Crisis» . . . . . №4

Review

Aristart Kovalyov. On Professor V. F. Paulman's, Dr.Sc. (Economics), monograph on Towards the General Theory of Political Economy . . . . . №2

New books that might be of interest . . . . . №1, 3

ОБ АВТОРАХ

Агаев Расим Гусейнович *(Азербайджан)* — заместитель председателя Союза журналистов Азербайджана. По образованию филолог — окончил Азербайджанский государственный университет. С 1964 года в журналистике — Азербайджанское радио, собкор Агентства печати Новости, газеты «Труд» по Азербайджану, заведующий Бюро АПН в Ливии. Кандидатская диссертация посвящена проблемам политических союзов в Ираке. В разные годы работал заведующим идеологическим отделом ЦК Компартии Азербайджана, руководителем пресс-службы Президента АР. Автор ряда работ по проблемам Ближнего Востока, стран Южного Кавказа.

Атакулова Гулжахон Шарафидиновна — студентка 4-го курса кафедры мировой политики и мировой экономики ГУ-ВШЭ.

Бочаров Геннадий Николаевич — член Союза писателей Москвы, автор многих документальных книг, изданных в разное время общим тиражом полтора миллиона экземпляров. Большинство его работ переведено на основные языки мира.

В течение ряда лет Геннадий Бочаров работал специальным корреспондентом «Комсомольской правды», обозревателем «Литературной газеты», политическим обозревателем при генеральном директоре ТАСС, политическим обозревателем «Известий» и «Российской газеты». В качестве специального корреспондента побывал более чем в 50 государствах мира, в том числе во всех его «горячих точках».

В советское время был удостоен высших профессиональных наград: премии Союза журналистов СССР, премии им. Михаила Кольцова, премии им. Владимира Гиляровского, премии Ленинского комсомола. За репортажи с космодрома Байконур удостоен почетных знаков им. Ю.Гагарина, академика С. Королёва и т.д. Награжден орденами и медалями СССР, включая боевой орден Красной Звезды.

Недавно Г. Бочаров «по совокупности творческих достижений» был удостоен премии Союза журналистов Российской Федерации «Золотое перо России».

Книга Г. Бочарова «Русская рулетка» в начале девяностых годов стала подлинным мировым бестселлером — ее издали крупнейшие издательства Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Берлина, Стокгольма, Люксембурга и др. Тема большинства книг Г. Бочарова — человек преодолевающий. Лучшие его работы составляют учебное пособие — книга «Чистые вершины» — для отделений иностранных университетов, на которых изучается современный русский язык.

В течение последних 20 лет Г. Бочаров переизбирается членом Правления Международного фонда авиационной безопасности. В этом качестве он участвует во всех международных семинарах, которые проводятся в различных точках мира. Авиационная тематика занимает значительное место в его творчестве.

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна — доктор политических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Специалист в области изучения политических элит, политического лидерства, политической культуры и политического сознания. Автор монографий «Политические элиты России: вехи исторической эволюции»; «Бюрократия Российской империи», «Цивилизация. Культура. Личность» (в соавторстве); ответственный редактор книг «Самые влиятельные люди России-2003», «Властные элиты современной России». Автор более 150 научных работ.

Гусейнов Вагиф Алиовсатович — директор Института стратегических оценок и анализа (ИСОА), главный редактор журнала «Вестник аналитики»; член Совета по внешней и оборонной политике (с 1998 года), член Российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития; член правления Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы РАН), член правления общества «Россия — Германия»; генерал-майор в отставке.

Автор книг: «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть — экономика и геополитика», «Политика у порога твоего дома» (2008), двухтомника «Больше, чем одна жизнь» (2013). Соредактор и издатель монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье — Черно-

морье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор, редактор и издатель книг: «Россия — Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007), «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы)» (2008), «Россия в изменяющемся мире» (2008). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» (2007), «Россия и Мир — Новая эпоха» (2008), «Центральная Азия. Геополитика и экономика региона» (2010), «Нефтегазовый комплекс России: тенденции развития (2000–2010 годы)» (2011).

Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

Гуревич Павел Семенович — доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН, директор Института психоанализа и социального управления, президент Московской ассоциации психоаналитиков.

Вице-президент Академии гуманитарных исследований, академик РАЕН, Международной академии информатизации, Академии педагогических и социальных наук. Специалист по философской антропологии, глубинной психологии, философии культуры и современной западной философии.

Главный редактор журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника», «Педагогика и просвещение», «Филология: научные исследования». Автор многочисленных монографий, школьных и вузовских учебников, в том числе «Философская антропология» (2008), «Основы философии» (2011), «Эстетика» (2011), «Философское толкование человека» (2012), «Философская интерпретация человека» (2013).

Демиденко Сергей Владимирович — сотрудник Института стратегических оценок и анализа, кандидат исторических наук. Специалист по сепаратистским и экстремистским движениям на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Исрапилов Сергей Исрапилович — кандидат исторических наук, преподаватель исторического факультета Дагестанского государственного университета.

Касаев Эльдар Османович — юрист-международник, специалист по инвестициям в энергетику стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Родился 20 января 1985 года в Москве. После окончания Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России находился на дипломатической службе в Катаре, затем занимал должность научного сотрудника Центра ситуационного анализа РАН. Автор более 220 научных и аналитических статей. Автор монографии «Катар в XXI веке: современные тенденции и прогнозы экономического развития» (2013) и брошюры «Россия — Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей» (2013). Сфера научных интересов: исследование правовых аспектов пользования недрами, анализ инвестиционного климата, оценка перспектив деятельности российского и иностранного бизнеса в ТЭК государств БВСА. Участвует в ситуационных анализах, а также других исследовательских проектах по заказу российских нефтегазовых компаний и политических структур. Регулярно выступает гостем в аналитической программе «Панорама» телеканала «Русия аль-Яум», арабская редакция RT (ранее — Russia Today).

Колташов Василий Георгиевич — руководитель Центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений (ИГСО).

Кортунова Мария Васильевна — сотрудник Института стратегических оценок и анализа. Окончила МГИМО МИД РФ по специальности экономист-международник; фотограф, участник программ Фонда развития визуальной коммуникации «Объективная реальность».

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). Специалист в области философской и социальной антропологии. Шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество» (с 1999 года) и ответственный редактор альманаха-ежегодника «Вопросы социальной теории» (с 2007 года). Автор книг «Социокультурная антропология: история, теория и методология. Энциклопедиче-

ский словарь» (в соавторстве; 2012); «Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции» (в соавторстве; 2012), «Социология: Основы общей теории» (в соавторстве; 2008), «Гражданское общество: истоки и современность» (в соавторстве; 2006), «Введение в теорию личности. В 2-х ч.» (в соавторстве; 2003–2004), «Введение в социальную теорию. Социальная системология» (2003) и др. Имеет более 200 научных статей.

Семененко Ирина Станиславовна — доктор политических наук, зав. сектором прикладных социально-политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО РАН. Сфера научных интересов включает изучение национальной идентичности и концептуализацию идентичности как ресурса общественного развития, анализ тенденций социокультурной динамики России в XX — начале XXI вв. Автор монографий и научных статей, отв. редактор коллективных монографий, в том числе двухтомника «Политическая идентичность и политика идентичности» (М.: РОССПЭН, 2011–2012»), включающего первый в российской научной литературе словарь по тематике политической идентичности.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Тлостанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры философии факультета государственного управления РАНХиГС (Москва). Специалист в области постколониальных исследований, эстетики и культурологии. Главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество» (с 2011 года). Автор книг «Gender Epistemologies and Eurasian Borderlands» (N.Y., London, 2010), «Деколониальные гендерные эпистемологии»(2009), «Постсоветская литература и эстетика транскультурации. Жить никогда, писать ниоткуда (2004), «Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века» (2000) и др. Имеет свыше 150 статей.

Фрэнк фон Хиппель *(США)* — заслуженный профессор Принстонского университета, старший научный сотрудник в Программе по научной и глобальной безопасности, сопредседатель международной экспертной группы по расщепляющимся материалам. В течение 1980-х годов работал с Евгением Велиховым и другими советскими учеными по оказанию поддержки М. Горбачёву в разработке стратегий по прекращению ядерной гонки вооружений. В течение 1993–1994 годов работал помощником руководителя по вопросам национальной безопасности в Управлении научно-технической политики при Белом доме, где участвовал в процессе разработок совместных программ по повышению безопасности ядерных материалов в бывшем СССР.

Чернышёв Борис Васильевич — доктор исторических наук, профессор, декан юридического факультета Саратовского государственного социально-экономического университета.

В 1972 году после окончания исторического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского работал комиссаром областного штаба студенческих строительных отрядов, зав. отделом студенческой молодежи обкома ВЛКСМ, инструктором отдела науки и учебных заведений горкома КПСС. Лауреат Всесоюзного конкурса молодых ученых по общественным наукам 1977 года. С 1985 года на преподавательской работе. В 1988–1990 годах — старший научный сотрудник Академии общественных наук при ЦК КПСС. С 1991 года на службе в органах внутренних дел: начальник кафедры Саратовского юридического института МВД России.

Автор монографий: «Осмысление исторического опыта в трудах В. И. Ленина. О методологических категориях политического анализа», «Проблемы методологии исторического анализа при разработке политических решений. 1924–1990 гг.», «Разработка и принятие государственных решений в России: уроки истории XVIII–XX вв.», «Исторический анализ политической ситуации в решениях правителей России XVIII — начала XXI вв.», а также ряда статей по истории государственного управления России. Лауреат конкурса на лучшую научную книгу 2004 г. среди преподавателей вузов России.

Область научных интересов: модернизация российского общества; история и теория подготовки, принятия и реализации государственных решений в России XVIII — начала XXI вв., правители и политическая элита общества в механизме подготовки государственных решений.

Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации.

Чже Сун Хун (Sung Hoon Jeh) — старший научный сотрудник (research fellow) Корейского национального института внешней экономической политики (Korea Institute for International Economic Policy). Постоянный член Корейской ассоциации политической науки, Корейской ассоциации международных исследований, Корейской ассоциации краеведческих исследований. Автор многочисленных работ по геополитике, мировой политике, внутренней и внешней политике России, а также международным отношениям в Восточной Азии.

Ярлыкапов Абрар Бадретдинович — доктор экономических наук, профессор. Ветеран боевых действий в Афганистане (1985–1987).

Окончил агрономический факультет Башкирского сельскохозяйственного института (1964), Высшую партийную школу при ЦК КПСС (1974), аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС (1981). Известный специалист в области аграрной экономики. Опубликовал более 40 работ научного и учебного характера общим объемом 136 п. л. Впервые ввел в научный оборот экономическое понятие (дефиницию) «точки роста» (*Ярлыкапов А.Б.* АПК: точки роста). Научный руководитель и консультант 11 защищенных кандидатских и докторских диссертационных исследований. С 2005 по 2010 год — заместитель заведующего кафедрой финансов и отраслевой экономики по научной работе РАГС. Является заместителем председателя докторского диссертационного совета при РАНХ и ГС, а в другом диссертационном совете академии — членом совета. Имеет сертификат Нью-Йоркской международной академии менеджмента (США) о прохождении интенсивного курса «Бизнес-менеджмент и маркетинг» (1991), закончил также курсы повышения квалификации ГОУ ВПО «Академия народного хозяйства при Правительстве РФ» по программе «Муниципальные финансы» (2006). Участвовал в разное время в подготовке значимых документов директивных органов, в том числе как член рабочей группы Конституционного совещания — проекта Конституции Российской Федерации, за что отмечен Благодарностью Президента Российской Федерации (1993).

Награжден орденами «Знак Почета» (1971) и Дружбы народов (1988), Преподобного Сергия Радонежского III степени Русской Православной Церкви (2002), Почетным знаком ЦК ВЛКСМ (1978), 13 медалями (в том числе 4 — иностранных государств), почетными грамотами Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Центрального Комитета ВЛКСМ, Правительства Москвы, Президиума Верховного Совета Башкирской ССР, РАГС при Президенте РФ, Патриаршей грамотой Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, дипломом Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, нагрудным знаком «Отличник социалистического сельского хозяйства СССР».

OUR AUTHORS

Rasim G.AGAYEV *(Azerbaijan)* — Deputy Chairman of the Azerbaijan Union of Journalists. Graduated from the Azerbaijan State University (the Philological Department). Since 1964, engaged in journalism as correspondent of the Azerbaijan Radio, the Novosti Press Agency's own correspondent, the Trud newspaper's correspondent for Azerbaijan, the Chief of the Novosti PA Bureau in Libya. His Cand. Sc. (History) thesis explored on problems of political alliances in Iraq. In divers years, hold positions of the Chief of the Ideological Department at the Communist Party of Azerbaijan Central Committee, the Head of the Press Service of the President of the Azerbaijan Republic. Authored some publications on problems in the Middle East and the Southern Caucasus countries.

Gulzhahon ATAKULOVA — 4th year student, World politics and world economy department, State University High School of Economics.

Gennady N. BOCHAROV — member of the Moscow Union of Writers, authored many non-fiction books with total circulation of a million and a half; most of them were translated into main world languages.

For a number of years, was a practical journalist of note — special correspondent of the Komsomolskaya Pravda newspaper, columnist of the Literaturnaya Gazeta weekly, political analyst at the TASS news agency Director General, political columnist of the Izvestia and Rossyiskaya Gazeta newspapers. In his professional capacity visited more than 50 countries all over the globe, including all its «hot spots».

In the Soviet times, became holder of the highest awards in the trade: the USSR Union of Journalists Prize; the Mikhail Koltsov Prize; the Vladimir Gilyarovsky Prize, the Lenin Komsomol Prize. His reports from the Baikonur space launch-cite brought him, among the others, the Yury Gagarin and the Academician Sergey Korolev honorary badges, etc. Awarded with the USSR state decorations, including the Red Star Order for service in battle.

Recently, G. Bocharov «by the aggregate creative achievements» was honored by the Union of Journalists of the Russian Federation with the title of The Russia's Gold Pen».

Early in 1990s, The Russian Roulette. the book by Bocharov proved to become a true world-wide bestseller, put into print by the most prominent publishing houses in London, Paris, New York, Berlin, Stockholm, Luxembourg, and so forth. The chief subject of the most of his books is a person overcoming.

The Bocharov's best made up the Pure Tops text-book for the modern Russian language studies at the foreign universities.

For the last 20 years, holds position of a member at the Board of the International Foundation for the Aviation Safety. In this capacity, participates in all international seminars which are being held world over. The aviation is an ever-present subject in his writings.

Boris V. CHERNYSHEV — Dr. Sc. (History), Professor, the dean of faculty of law of the Saratov State Socio Economic University

In 1972 was graduated from the N. G. Chernyshevky Saratov State University (Department of History). Later, was appointed the Commissar of the Oblast HQ of the Student Construction Teams, then headed the Department of Student Youth at the Young Communist League (Komsomol) Oblast Committee, then employed as the Instructor of the Science and Educational Establishments Department at the Communist Party (the CPSU) City Committee. The prize-winner of the 1977 All-Union Contest for Young Researchers in the Social Sciences. Since 1985, engaged in high school lecturing. In 1988–1990 — Senior Researcher at the CPSU Central Committee Academy of Social Sciences. In 1991, entered the law-enforcement service as the Chair Head at the RF Ministry of Internal Affairs Saratov State Law Institute. Authored the monographs on The Interpretation of the Historical Experience in V.I. Lenin's works. Methodological Categories of Political Analysis; The Problems of Methodology of Historical Analysis In Political Decision-Making. 1924–1990; the State Decision-Making in Russia: History's lessons of the 18th to 20th Centuries; the Historical Analysis of Political Situation in Russia's Rulers Decisions of the 18th to early 21st Centuries; and a number of articles on history of Russia's state governance. The prize-winner of the 2004 Best Scientific Book contest among Russia's high school lecturers.

The sphere of research interests includes the Russian society's modernizing; the history and theory of Russia's state decisions being worked out, passed and implemented in the 18th to early 21st centuries; the society's rulers and political elite in the mechanism of the state decision-making. Holds the title of the Honored Educationalist of the Russian Federation Higher School.

Frank N. von HIPPEL — a Senior Research Physicist, is Professor of Public and International Affairs emeritus at Princeton University's Program on Science and Global Security and co-chair of the International Panel on Fissile Materials. During the 1980s, he worked with Evgeny Velikhov and other Soviet scientists advising Mikhail Gorbachev to develop strategies to end the nuclear arms race. During 1993–1994, he served as Assistant Director for National Security in the White House Office of Science and Technology Policy and helped develop the cooperative program to strengthen the security of nuclear materials in the former Soviet Union.

Sergey I. ISRAPILOV — Cand. Sc. (History), lecturer at the Department of History of the Dagestan State University.

Oksana V. GAMAN-GOLUTVINA — Dr. Sc. (Politology), professor at the RF President's Academy of State Service. The expert in studying political elites, political leadership, political culture and political consciousness. Authored such monographs as the Political Elites in Russia: Historical Evolution Milestones; the Bureaucracy in the Russian Empire; the Civilization. Culture. Personality (in co-authorship). Was managing editor of the book publications the Russia's Most Influential People — 2003; the Power Elites of Contemporary Russia. In total, published more than 150 scientific works.

Vagif A. GUSEYNOV — Director of the Institute of Strategic Studies and Analysis (ISOA), Editor-in-Chief of the Vestnik Analytiki bulletin. Holds membership in the Council on Foreign and Defense Policies (since 1998), the Russian-Chinese Committee on Friendship, Peace and Development, Board of the Council on Mediterranean and Black Sea Studies (the Russian Academy of Sciences Institute of Europe), Board of the Russia-Germany Society. Ranked Major-General (rtd).

Authored books, including Chronicle of Secret Struggle; Intoxicating Dope of Power; War of Compromats; The Caspian Oil: Economics and Geopolitics; The Politics at Your House Threshold (2008). Co-editored and published the monographs on The Iraq Crisis and Development of the New World Order» (Moscow, 2004); The Mediterranean — Black Sea Coast — Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East (2006). Co-authored, co-edited and published books on Russia-Great Britain: Another Cooling (2007); The Greater Middle East. Stimili and PreliminaryResults of the Democratization (2007); The South Caucasus: Trends and Problems of Development (1992-2008) (2008); Russia in Changing World (2008). Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP (2002); Russia's Competitiveness under Globalization (2006); The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future (2007); Russia and the World: New Epoch (2008); The Central Asia. The Region's Geopolitics and Economics (2010), «Russia's Oil and Gas Complex: Trends of Development (2000-10)» (2011).

Authored many articles on the international politics, Russia's relations with the European Union, energy security, the Near and Middle East problems, on the Southern Caucasus countries, Russia's domestic policy and economy.

Pavel S. GUREVICH — D.Sc. (Philosophy), D.Sc. (Philology), Professor, Sector Head at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, Director of the Institute of Psychotherapy and Social Management, President of the Moscow Association of Psychotherapists.

The Vice-President of the Academy of Liberal Studies, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, the International Informatization Academy, and the Academy of Pedagogical and Social Sciences. Fields of research include philosophical anthropology, deep psychology, philosophy of culture and modern Western philosophy.

Editor-in-chief of the «Filosofiya i kultura» (Philosophy and Culture), «Psykhologiya i psykhotekhnika» (Psychology and Psychotechnics), «Pedagogika i prosvescheniye» (Pedagogics and Enlightenment), «Filologiya: nauchniye issledovaniya» (Philology: Scientific Researches) magazines and journals. Is permanently present in the academic publications and national media, authored some high school and university textbooks, including The Philosophical Anthropology (2008), The Foundation of Philosophy (2011), The Aesthetics (2011), The Philosophical Exposition of the Human (2012), The Philosophical Interpretation of the Human (2013).

Sergey V. DEMIDENKO — Cand. Sc. (History), researcher at the Institute of Strategic Studies and Analysis. Expert on separatist and extremist movements in the Middle East and the Central Asia.

Eldar O. KASAYEV — lawyer on international affairs, expert in investing into power engineering of the Mid-Eastern and African (MEA) countries. Born on 20th January, 1985, in Moscow. Graduated from the International Institute of Energy Policy and Diplomacy at the RF Ministry for Foreign Affairs MGIMO University (2008). Had been in the diplomatic service at Russia's Embassy in Qatar (2010–2011). Worked as the researcher in the Center for Situation Analysis, Russian Academy of Science. Authored over 220 scientific and analytical works and articles. Author of a monograph «Qatar in XXI century: Modern tendencies and prospects of economic development» (2013) and a brochure «Russia and Turkey: modern state and possible scenario of economic relations' development» (2013). Research interests include studying legal aspects of subsurface use; investment climate analysis; perspective assessment of the Russian and international business activities in the fuel-and-energy complex of the MEA countries. Is going to present the MGIMO International Law Chair with the dissertation for the degree of Candidate of Science (Law). Takes part in situational analysis process as well as in others research projects initiated by Russian oil companies and political structures. Regularly takes part in analytical TV-program «Panorama», Rusiya Al-Yaum Channel.

Maria V. KORTUNOVA — the employee at the Institute of Strategic Studies and Analysis. Graduated from the Russian Federation Ministry for Foreign Affairs MGIMO University with the diploma in international economics; photographer, participating in programs run by the Objective Reality Foundation for Development of Visual Communications.

Yury M. REZNIK — Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Chief Research Scientist at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy (Moscow). Expert in the philosophical and social anthropology. Chief-Editor of the «Lichnost. Kultura. Obschestvo» (Personality. Culture. Society) magazine (since 1999) and Managing Editor of the «Voprosy sotsialnoi teorii» (Matters of the Social Theory) almanac-yearbook (since 2007). Co-authored the books on Socio-Cultural Anthropology: History, Theory and Methodology. Encyclopaedia (2012), The Theory of Culture: Variety of Approaches and Possibilities To Integrate Them (2012), Sociology: Foundation of General Theory (2008), The Civil Society: Sources and Modern Times (2006), «Introduction in the theory of the person» (In the co-authorship; 2003–2004); authored the book on The Introduction to the Theory of Personality. The Social Systemology (2003), and over 200 scientific articles.

Vladimir T. ROSCHUPKIN — Cand.Sc. (Politology), professor at the Academy of Military Sciences, columnist of the Khranitel (Custodian) media-portal. Graduated from the Volgograd State Pedagogical Institute, and the Far Eastern State University, and the Novosibirsk Higher Military-Political School, completed the postgraduate courses at the M.V. Lomonosov Moscow State University. Sphere of scientific researches includes the security problems, international relations, military history.

Irina S. SEMENENKO — Dr.Sc. (Politology), Head of the Applied Socio-Political Studies Sector of the Comparative Socio-Economic and Socio-Political Studies Center at the Russian Academy of Sciences Institute of International Economy and World Politics. Scientific interests include studying the national identity and conceptualizing the identity as the resource of social development; analysis of trends in Russia's socio-cultural dynamics in 20th — early 21st century. Authored monographs and scientific articles, and editored collective monographs, including the two-volume work on The Political Identity and The Policy of Identity (M: ROSSPEN, 2011–2012) supplied with the first in the Russian scientific literature dictionary on political identity.

Elvira M. SPIROVA — Dr.Sc. (Philosophy), is acting Senior Researcher of the History of Anthropological Teachings at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy. The Russian Philosophical Society member. Authored a number of scientific works on political psychology and philosophical anthropology, including the Sign and Symbol: Psychological and Philosophical substantiation (M., 2011), The Philosophical and Anthropological Substance of Symbol (M., 2012).

The deputy editor-in-chief of the Filisofiya i kultura (Philosophy and Culture), Psikhologiya i psikhotekhnika (Psychology and Psychotechnics), Pedagogika i obrazovaniye (Pedagogics and Education), Filologiya: nauchniye issledovaniya (Philology: Scientific Researches) journals.

Madina V. TLOSTNANOVA — Dr.Sc. (Philology), Professor of the of Philosophy Chair at the Department of Governance of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (RANEPA). Expert in postcolonial researches, aesthetics and culturology. Editor-in-Chief of the «Lichnost. Kultura. Obschestvo» (Personality. Culture. Society) magazine. Authored the books on the Gender Epistemologies and Eurasian Borderlands (N.Y., London, 2010), Decolonial Gender Epistemologies (2009), The Post-Soviet Literature and Aesthetics of Trans culturization: To Live Never, To Write From Nowhere (2004), The Problem of Multiculturalism and the US Literature of the late 20th Century (2000), etc., as well as over 150 articles.

Abrahr B. YARLYKAPOV — Dr.Sc. (Economics), Professor. The war in Afghanistan (1985–1987) veteran.

Graduated from the Bashkir Agricultural Institute (the Agronomical Department), in 1964, the Party Higher School at the CPSU Central Committee (1974); and completed post-graduate courses at the CPSU Central Committee Academy of Social Sciences (1981). The well-known expert in the agrarian economy. Published over 40 scientific and educational works of the total volume of 136 p.s. Was the first scholar to put the «points of growth» economicterm into the academic use (Yarlykapov, A. B. The Agro-Industrial Complex: Points of Growth. M.: Druzhba Narodov Publishing House, 2002; 220pp.). The thesis advisor for 11 works granted Candidate and Doctor of Science degrees. In 2005–2010 was Research Deputy Head of the Finances and Industry Economics Chair at the RF President's Russian Academy of Government Service (RAGS). Is the Vice-Chairman of the Doctorate Dissertation Council at the Russian Academy of National Economy and Governmental Service, and holds membership in the RANEGS Dissertation Council. Was certified by the New York International Academy of Management (USA) for completing the Business Management and Marketing intensive course (1991), also completed the upgrade training at the Russian Federation Government Academy of National Economy under the Municipal Finance program (2006). Took part in working out important governance documents, including the draft of the Constitution of the Russian Federation — as a working group member of the Constitutional Conference; the work was noted by the RF President's Letter of Commendation (1993).

Awards: Orders of the Badge of Honor (1971), Peoples' Friendship (1988); the All-Union Lenin Young Communist League (Komsomol) Badge of Merit (1978); the Russian Orthodox Church Order of the Saint Sergey of Radonezh, 3rd Grade; thirteen medal decorations (4 of foreign states), Honorary Diplomas of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, of the Komsomol Central Committee, of the Moscow City Government, of the Presidium of the Supreme Soviet of the Bashkir Soviet Socialist Republic, of the President of the Russian Federation RAGS; Patriarch Alexis II of Moscow and All Russia Letter of Commendation; the Diploma of the Russian Federation Commission on the UNESCO affairs; the USSR Socialist Agriculture Honorary Expert breastplate.

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 4(54)

Перевод с английского — Владимира Мисюченко

Корректура А.Панюгиной
Верстка Л.Листвина

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:
109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1
Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88
Факс: (495) 911-92-77
www.isoa.ru
E-mail: info@isoa.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 27.11.2013 г. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10. Заказ № 581.

Отпечатано в ОАО «Издательский дом «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ
в Объединенном каталоге
«Пресса России» — 44351, 44339.
Электронный адрес подписки в Интернете:
www.presscafe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.
тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;
факс +7 495 681-37-98.
E-mail: info@periodicals.ru
http://www.periodicals.ru

SUBSCRIPTION TO VESTNIK ANALITIKI ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:
Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;
fax: +7 495 681-37-98
E-mail: info@periodicals.ru
http://www.periodicals.ru

Подписаться и приобрести отдельные номера журнала «Вестник аналитики» можно в редакции.
Телефон: **912 39 88, 911 97 78,** электронная почта: **issa@umail.ru**

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – **100 рублей,** для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Форма № **ПД-4**

Извещение

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808
(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**
(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 30101810800000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал
"Вестник аналитики"
(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир

Квитанция

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808
(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**
(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 30101810800000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал
"Вестник аналитики"
(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир